3 1761 08821872 2

ПУТНИКИ.

Zaitsev, Boris Konstantinovich
LR
Z 217 pu

(БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ.)

ПУТНИКИ

Putniki.

Hb 6325
8.4.47

ПАРИЖЪ
1921.

Imprimerie «ZEMGOR», 216, Boulevard Raspail.

ПУТНИКИ.

Путники.

E quindi uscimmo a riveder le stelle.
Dante, Inf., XXXIV.

I.

Съ балкона Казминъ видѣлъ, какъ вороная тройка, которую онъ выслалъ за Ахмаковымъ, перемахнула черезъ плотину. По лугамъ дорога была хорошая. Иванъ пустилъ шибко; черезъ нѣсколько минутъ они должны были явиться.

Казминъ всталъ изъ-за стола, гдѣ накрытъ былъ чай и стояла закуска, закурилъ, прошелся взадъ-впередъ; подъ ногой скрипнула половица; сквозь колонны, въ сѣренькомъ лѣтнемъ днѣ были видны заливные луга, копны и вдали отлогій бугоръ. Подъ нимъ, у плотины, мельница. «Вотъ такъ Алексѣй Кириллычъ, — думалъ Казминъ, — взялъ да и собрался». Онъ немного даже посвисталъ. Эти мысли и посвистыванье просто выражали удивленіе. Ахмакова, извѣстнаго дѣятеля, земца, члена разныхъ обществъ Казминъ зналъ, и они были въ добрыхъ отношеніяхъ. Все-же зналъ не

настолько... Никогда не обмолвился онъ о томъ, что можетъ пріѣхать.

Услышавъ шумъ экипажа, Казминъ вышелъ черезъ гостиную и залу въ обширныя, темноватыя сѣни и дальше, на крыльцо. Ахмаковъ вылѣзъ ужъ изъ коляски. Онъ снималъ съ себя и отряхивалъ пыльникъ, неизмѣнно высылавшійся на станцію.

Увидавъ хозяина, Ахмаковъ засмѣялся, показалъ много бѣлыхъ зубовъ надъ короткой, крѣпкой,черной бородой съ просѣдью.

— А? Не ждали? Какъ снѣгъ на голову?

— Тѣмъ пріятнѣе, — отвѣтилъ Казминъ.

— Да ужъ тамъ пріятнѣе или непріятнѣе — ввалился, ничего не подѣлаешь. А? Возражаете?

Они обнялись. Казминъ слегка коснулся бритымъ подбородкомъ, подстриженными усами — заросшей щеки Ахмакова. Вплотную глянули на него темные, умные глаза, чуть вздрагивавшіе. Ахмаковъ хлопнулъ его по плечу.

— Какъ всегда выбритъ, сдержанъ...И не толстѣетъ въ деревнѣ.

Казминъ повелъ его направо, въ кабинетъ. Тамъ на стѣнахъ висѣли фотографіи родителей, въ овальныхъ рамкахъ; на письменномъ столѣ — бумаги, расчетныя книжки; лежалъ клокъ вики съ дальняго поля.

Алексѣй Кириллычъ снялъ бѣлую матерчатую шляпу, легонькій пиджакъ, сталъ умываться. Казминъ замѣтилъ, какъ измѣнилось его неправильное, значительное лицо съ тѣхъ поръ, какъ онъ его видѣлъ. Ахмаковъ сильно посѣдѣлъ.

— Я, — говорилъ онъ, отирая полотенцемъ волосатую шею: — засидѣлся въ городѣ и, видимо, переработалъ. Вотъ какъ-то и вышло... — онъ вдругъ смутился, даже покраснѣлъ. — Да, именно къ вамъ и надумалъ... заѣхать. По дорогѣ дальше.

Казминъ отвѣтилъ, что въ деревнѣ скучно. Пусть ужъ не взыщетъ.

— А я что же, на пикники разсчитываю?

«Почему онъ не спроситъ, гдѣ моя жена, семья? — мелькнуло въ головѣ Казмина не безъ досады. — Вотъ ужъ эта джентльменская вѣжливость!» Но,конечно, тутъ онъ себя обманывалъ: легче было, что Ахмаковъ не спросилъ. Вѣроятно, зналъ.

Когда кончился туалетъ, онъ провелъ гостя черезъ залу, гдѣ стоялъ китайскій биллiардикъ и лежали на фортепiано клейкіе листы для мухъ — снова на балконъ. Тутъ поилъ чаемъ, угощалъ холодной ветчиной. Налилъ мадеры. Ахмаковъ много говорилъ о Москвѣ, кооперацiяхъ, общихъ знакомыхъ. Казмину яснѣе замѣчалось, что и раньше онъ видѣлъ:

въ оживленныхъ словахъ, даже смѣхѣ — тайная грусть; точно годами наболѣвшее.«И куда онъ ѣдетъ, — думалъ Казминъ: — зачѣмъ? Впрочемъ, — вдругъ добавилъ онъ себѣ: — впрочемъ, это...»

Послѣ чая они гуляли. Ахмаковъ видѣлъ фруктовый садъ, шедшій отъ балкона внизъ, къ лугамъ; прудъ со старыми ракитами; вдохнулъ воздухъ луговъ, видѣлъ вечерніе дымки деревни, шелъ съ хозяиномъ по ржаному полю, среди сухого и густого запаха желтой ржи; слышалъ коростеля въ низинѣ; видѣлъ, какъ на деревенскомъ, сѣро-облачномъ небѣ означился вечеръ — сумной тѣнью. И когда возвращались домой, сумерки явно надвинулись.

— Будетъ дождь, — сказалъ Казминъ, — я предсказываю. — Онъ не ошибся. Дождь пошелъ незамѣтно, какъ бы съ вѣжливостью. Потомъ все сильнѣе, ровнымъ, мягкимъ гуломъ.

— Вотъ вамъ и деревня, — сказалъ Казминъ, зажигая свѣтъ въ залѣ: — видите,на что попали! — Ахмаковъ сидѣлъ въ креслѣ и дышалъ довольно тяжко. — Ну, а наши теперь въ ревизіонной комиссіи. Тоже я вамъ доложу... — онъ махнулъ рукой. — Мы полжизни просидѣли въ разныхъ комитетахъ. Нѣтъ, я деревню предпочитаю.

Ахмаковъ глядѣлъ передъ собой разсѣян-

нымъ, тоскливымъ взоромъ. Лампа со стеклянным матовымъ абажуромъ не освѣщала всей залы. Эта зала казалась ему унылой. Казминъ предложилъ сыграть въ биксъ. Ахмаковъ согласился, съ покорной усталостью. Шарики звенѣли о металлическіе шпиньки, иногда звонилъ колокольчикъ. Казминъ, спокойный, молчаливый, бритый, стоялъ съ кіемъ въ рукѣ, рядомъ. Такъ проходилъ ихъ первый вечеръ. Какъ полагалось, въ девять они ужинали. Въ одиннадцать часовъ разошлись. Ахмакову было приготовлено въ кабинетѣ. А себѣ Казминъ велѣлъ накрыть въ комнатѣ жены, — въ будуарѣ.

Все было знакомо ему здѣсь — до мелочей. Ширмы, отдѣлявшія кровать краснаго дерева, гардеробъ; часы на комодѣ, съ бронзовымъ бюстомъ Вольтера; едва уловимый, но тотъ же тонкій, туманящій запахъ — женщины, здѣсь жившей. Казминъ потушилъ свѣтъ и вздохнулъ. Онъ думалъ, что заснетъ скоро, безъ боли перейдетъ въ иной, въ безвѣстный міръ. Но, вѣрно, его взволновалъ пріѣздъ гостя или комната, гдѣ давно ужъ онъ не былъ. Онъ слушалъ шумъ дождя — ровный, говорившій о безконечности, и думалъ о томъ, какъ покойная мать вела его, воспитывала, обучала, какъ онъ всегда былъ хорошо обставленъ, отлично учился; какъ

она полагала, что, кончивъ университетъ, женившись, онъ будетъ серьезнымъ и счастливымъ дѣятелемъ — въ деревнѣ, въ богатомъ своемъ имѣніи. И какъ, несмотря на всю свою серьезность, просвѣщенность и богатство, онъ, Андрей Аѳанасьевичъ Казминъ, лежитъ этой темной ночью одинъ, въ постели, со своимъ честнымъ именемъ, съ разгромленной душой и безъ надеждъ на будущее. «Вся моя жизнь, — думалъ онъ, — имѣла смыслъ до тѣхъ поръ, пока Надя меня любила. Лишь до тѣхъ поръ». Онъ вздохнулъ глубоко, застоналъ и перевернулся. Обычныя муки нахлынули на него: образы прошлаго, предательство, — какъ ему казалось, — близкаго друга. Онъ долго утопалъ во тьмѣ. И тотъ, другой міръ, куда онъ стремился, встрѣтилъ его недобро. Казминъ оказался въ полѣ, около усадьбы. Пропалывали свеклу. Вдругъ мчится поѣздъ, и все быстрѣй, какъ разъ къ дому. Казминъ бѣжитъ за нимъ. Тамъ, у дома, Никаша навѣрно играетъ въ мячъ, и непремѣнно поѣздъ его раздавитъ. Но бѣжать трудно. Все, какъ будто, на одномъ мѣстѣ: онъ дѣлаетъ страшныя усилія, но ужъ поѣздъ далеко, и что тамъ происходитъ — неизвѣстно. Все-же онъ добѣжалъ. И, навѣрно, не меньше за эти секунды пережилъ, чѣмъ если бы все было на-яву. Паровозъ отломилъ по-

лсвину дома; она скатилась внизъ. Казминъ охнулъ, куда-то бросился. Передъ нимъ сѣро-синеватая комната, онъ не можетъ понять, гдѣ онъ. Всѣ вещи знакомыя; всѣ на мѣстахъ, какъ обычно; но это и не комната, и онъ — не онъ, и свѣтъ утра изъ-за тучъ — не настоящій свѣтъ. Вотъ изъ столовой кто-то вышелъ на балконъ; точно бы Ахмаковъ.

Мгновенно онъ опомнился. Сердце колотилось, были холодны руки, но теперь ужъ все, какъ прежде: и комната, и міръ, и самъ онъ. Казминъ накинулъ одежду, завернулся въ пледъ, — снова вышелъ на терассу. Тамъ стоялъ Ахмаковъ, спиной къ нему у колонны. Туманъ наполнялъ все. За терассой, смутными тѣнями проступали двѣ яблони. Дождь пересталъ. Капли падали съ листьевъ, въ глубокой тишинѣ. Чуть свѣтало.

Ахмаковъ тревожно обернулся.

— Вы что?

— Ничего, — отвѣтилъ Казминъ, — Не спится.

— Какой туманъ!

— Вамъ не холодно?

Ахмаковъ казался ему сѣрымъ. Можетъ-быть, самому было холодно, но почему-то представилось, что гость дрожитъ.

— Какъ плохо, — сказалъ Ахмаковъ и закрылъ глаза.

— Какъ вы относитесь къ мелкой земской единицѣ?—ьдругъ спросилъ онъ и захохоталъ. Казминъ пожалъ плечами. Ахмаковъ будто смѣшался.

— Ахъ, это я вздоръ все, но не могу же...

Онъ, видимо, былъ подавленъ и разстроенъ. Въ немъ не осталось ужъ обычной, прочной осанки, вида настоящаго человѣка, барина и земца.

Казминъ сѣлъ съ нимъ рядомъ, на скамейку. Какъ бы участіе шевельнулось въ немъ къ этому немолодому человѣку, безъ воротника, съ помятой бородой.

— Такой туманъ, — сказалъ онъ, — на кого угодно можетъ нагнать тоску.

Ахмаковъ встрепенулся.

— Нѣтъ, навѣрно сердце... У меня сердце плохое, и потомъ, конечно, психическое.Это скверно. Психическое! Не значитъ, что сумасшедшій — вы Богъ знаетъ, что думаете.— Ахмаковъ почти обидѣлся. — Ну, просто, «душа моя мрачна».

Онъ задумался.

— Почему это я вамъ все докладываю? Ужасно интересно. А говорю зачѣмъ-то.

— Это ничего, — сказалъ Казминъ. — Человѣку нельзя же молчать всегда. Трудно.

— Терпѣть бы надо.

Казминъ побарабанилъ пальцами по перилamъ.

— Терпѣть-то терпимъ. А тамъ и заговоришь. Знаете, отчего это бываетъ?

Онъ продолжалъ тише:

— Старая, старая одна вещь есть. Обычно ее не помнишь. А иногда — вспоминаешь.

— Какая вещь?

Казминъ протянулъ ему руку и пожалъ. Ахмаковъ отвѣтилъ.

— Эта самая. Почему-то вы мнѣ отвѣтили. Не отдернули руки.

Ахмаковъ вздохнулъ.

— Сочувствіе! — сказалъ онъ. — Устарѣлая штука. Несовременю.

Казминъ не возражалъ. И теорія не его,и возрастъ ея громаденъ. Но врядъ-ли отъ этого стала она хуже.

Помолчавъ, Ахмаковъ замѣтилъ:

— Все-таки, пожалуй, и не плохо. — Онъ поднялъ голову. — Мы, вѣдь, какъ въ пустынѣ.

Казминъ улыбнулся.

— А то гдѣ же?

Ахмаковъ повернулъ голову.

— Тутъ былъ прудъ, видъ куда-то въ даль, но сейчасъ все пропало. Ничего не разберешь. Вотъ, пройдите-ка по собственной усадьбѣ!

Туманъ, дѣйствительно, былъ силенъ. Кой-гдѣ деревья маячили въ немъ верхушками; низъ же былъ плотно укутанъ, точно плавали эти тѣни по бѣлесому морю. Разсвѣтъ занимался туго, въ пустой и сѣрой хмури.

Казминъ принесъ гостю пальто. Они сидѣли еще, слушая пробужденіе. Кто жилъ въ деревнѣ, знаетъ утренніе звуки природы: пѣтуховъ полночныхъ, пѣтуховъ въ два, жаворонковъ, начинающихъ съ третьяго часа. Потомъ коровы просыпаются, свиньи захрюкаютъ. И еще позже двинется человѣкъ въ валенкахъ: повезетъ за водой бочку.

Казминъ и Ахмаковъ легли въ пять, подъ музыку этой бочки, возвращавшейся съ колодца; вода плескалась въ ней мелодично. На этотъ разъ Казминъ заснулъ просто и крѣпко. И хотя обычно вставалъ рано, — теперь проспалъ. Когда вымытый, слегка надушенный, вышелъ онъ въ столовую, Ахмаковъ бодро пилъ кофе. Онъ заявилъ, что вечеромъ хочетъ ѣхать.

Казминъ удивился.

— Да куда же такъ скоро? Вы же отдохнуть хотѣли?

Ахмаковъ замялся.

— Да, конечно, и отдохну...но къ вамъ я такъ, проѣздомъ.

«Нѣтъ, онъ и самъ не знаетъ ничего толкомъ», — подумалъ Казминъ.

Ахмаковъ объяснилъ, что на югѣ, въ губернскомъ городѣ, у него есть свой домъ, наслѣдье родителей. Думаетъ онъ туда проѣхать. «А можетъ, — прибавилъ онъ внезапно: — и по Волгѣ проплыву».

Казминъ не настаивалъ. Ахмаковъ былъ какъ-то нервно-возбужденъ, смѣялся, говорилъ, но весь день Казмину казалось, что не совсѣмъ это правда — не по - настоящему.

Онъ даже спросилъ:

— Что же, вамъ по Волгѣ очень хочется поѣздить?

Ахмаковъ захохоталъ.

— Разумѣется! Почему вы спрашиваете, дорогой?

Къ вечеру онъ замѣтно стихъ. Казмину не хотѣлось оставаться одному: онъ отправился его провожать.

Днемъ было сыро, но проглядывало солнце. Къ вечеру опять наползли тучи. Ѣхать было грязно. Иванъ высоко подкрутилъ лошадямъ хвосты; иногда брызги летѣли въ лицо. Казминъ и Ахмаковъ молчали. Коляска укачивала ихъ. Недалеко отъ станціи тучи надвинулись, стемнѣло; пришлось поднять верхъ: и огни желѣзной дороги увидѣли они сквозь дождь. Онъ обливалъ и подошедшій поѣздъ. Ахмаковъ

на-скоро простился, поблагодарилъ. Казминъ вошелъ съ нимъ въ купэ. Ударила гроза. Молнія заливала бѣлымъ и зеленымъ свѣтомъ станцію, платформу, березы сзади, телеграфистовъ въ окнѣ.

— Если я остановлюсь въ Саратовѣ, — вдругъ спросилъ Ахмаковъ, — можно дать вамъ телеграмму?

— Какъ телеграмму?

Ахмаковъ засмѣялся.

— Ахъ, это глупости! Просто чепуха. Ну, представьте, что вы мнѣ чрезвычайно понадобитесь, экстренно, исключительно... Вы бы пріѣхали, если бы я вызвалъ?

Это становилось совсѣмъ странно.

Раздался звонокъ. Спускаясь на платформу, Казминъ сказалъ:

— Пріѣхалъ бы.

Ахмаковъ стоялъ въ дверяхъ и улыбался.

— Это шутка. Разумѣется, шутка. На что вы мнѣ можете быть нужны?

Поѣздъ тронулся. Освѣщенныя окна прошли мимо. Казминъ пересѣкъ платформу, прошелъ дорожкой у березъ и сѣлъ въ коляску. Тройка шла шагомъ. У шлагбаума ихъ не задержали, поѣздъ прошелъ. Золотыя искры летѣли въ темнотѣ, да вдали, по полотну, краснѣлъ фонарь послѣдняго вагона. Дождь уменьшил-

ся. Но такъ какъ было темно, возвращались домой тихо.

Казминъ вернулся усталый, какъ бы раздраженный. Смутное ощущеніе осталось у него отъ Ахмакова, его словъ, намековъ, — не то правды, не то шутокъ.

Собираясь ложиться, прошелся по дому. Заглянулъ въ кабинетъ, гдѣ спалъ Ахмаковъ. Въ рукѣ у него была свѣча. Она отразилась въ зеркалѣ, въ стеклѣ окна. Тамъ, за нимъ, была тьма іюльской, ненастной ночи. Стало какъ-то жутко. Подумалось — вдругъ увидитъ онъ сейчасъ жену, Никашу. Но ничего не увидѣлъ. Подошелъ къ столику, у дивана, гдѣ лежала книга Паскаля: «Мысли». Ахмаковъ читалъ ее на ночь. Казминъ развернулъ. Въ одномъ мѣстѣ было подчеркнуто карандашомъ, и на поляхъ приписка: «Чепуха». Въ другомъ изображено нѣчто съ рожками и хвостомъ. Внизу подпись: «Eh bien, et voilà la mort, qui arrive!»

Казминъ закрылъ книгу, вздохнулъ и вышелъ.

II.

Онъ былъ теперь хорошо знакомъ съ одинокой жизнью.

Она давалась не легко. Но Казминъ зналъ,

что это неизбѣжно; и какъ человѣкъ, вообще воспитанный въ рамкахъ, изъ этихъ рамокъ не выходилъ. Съ отъѣздомъ жены внѣшность жизни его мало измѣнилась.Попрежнему онъ велъ хозяйство, безъ увлеченія, но добросовѣстно; косилъ, убиралъ, вѣялъ, сдавалъ угодья мужикамъ; сводилъ лѣсъ, платилъ налоги и ѣздилъ въ городъ, по земскимъ дѣламъ и личнымъ. О себѣ онъ ни съ кѣмъ не говорилъ. И безсонныя ночи перваго времени съ нимъ и остались, не выходя изъ кабинета.

По вечерамъ Казминъ любилъ ѣздить верхомъ. Иванъ подводилъ ему чернопѣгую Леду, подъ желтымъ англійскимъ сѣдломъ. Казминъ, въ ботфортахъ, перчаткахъ и кэпи садился; ремни слегка скрипѣли; Леда шла полной и широкой рысью.

Чаще выбиралъ онъ пустынныя, уединенныя мѣста — малоѣзженныя дороги, межи, опушки. Была одна ложбинка, куда онъ ѣздилъ часто, — называлъ ее Іосафатовой долиной. Ничего замѣчательнаго тутъ не было, кромѣ щипаныхъ кустиковъ и луговины; но такъ затеряна она въ поляхъ, такъ безлюдно здѣсь послѣ заката! Боязливо ступаетъ конь, да позднія утки несутся иногда съ полей; пахнетъ полынью, и все, что видно — края котловины да надъ ними небо—звѣздный коридоръ. Тутъ хорошо могутъ убить встрѣчнаго. Но нигдѣ

не ощущалъ Казминъ такъ остро, сладостно-остро, что одинъ только и существуетъ онъ, да звѣзды, да надъ ними Богъ.

Наѣздъ Ахмакова нѣсколько выбилъ его изъ колеи. Точно мрачное его спокойствіе было нарушено: будто опять заговорили голоса, казалось, глохшіе. «Непорядокъ, непорядокъ», думалъ про себя Казминъ; даже нѣкое неудовольствіе возникало къ Ахмакову. «Просто онъ неврастеникъ, больной, и меня тронулъ».

Двѣ недѣли спустя по отъѣздѣ гостя, въ началѣ августа, съ нимъ произошло маленькое, но отчасти странное обстоятельство.

Позднимъ вечеромъ онъ проѣзжалъ по Іосафатовой долинѣ. Поднявшись изъ нея въ поля, взялъ направо. Вѣтеръ сталъ въ лицо. Казминъ почему-то вспомнилъ, какъ въ первую минуту онъ хотѣлъ убить *его, того человѣка*. Узенькій закатъ краснѣлъ; надъ нимъ, по всему небу, громоздились тучи, отливая огнемъ.

Совсѣмъ смеркалось. Казминъ тронулъ рысью, что-то насвистывая; снова ощущеніе безмѣрнаго одиночества пришло къ нему: «Неужели это былъ я? Неужели я могъ убить?» пришло ему въ голову. Тутъ съ необычайной ясностью вспомнилъ онъ жену, Никашу; нѣж-

ность залила волной сердце. Онъ похлопывалъ Леду по гривѣ, приподымаясь въ тактъ: по щекамъ, въ темнотѣ, текли слезы. «Что-жъ такое, — думалъ онъ, — что она ушла? Я ее люблю не меньше. Какъ богиня сходила она въ мою жизнь, и ушла такъ же. Всѣ терзанія, злоба, муки — напрасны. Если она меня полюбитъ вновь, какъ въ тѣ годы — то вернется. Все это необыкновенно просто. И нѣтъ виновныхъ».

Подъѣзжалъ домой онъ въ новомъ, самого его удивившемъ настроеніи. Онъ не зналъ, было ли оно прочно; но сейчасъ въ сердцѣ стало легко, какъ-то влажно, смутно, точно пожалѣлъ его милый ангелъ — крыломъ коснулся въ безлюдьѣ.

Совсѣмъ стемнѣло. Леда ввозила его на взгорье, во фруктовый садъ. Кой-гдѣ яблони задѣвали; въ одномъ мѣстѣ, привычной рукой онъ сорвалъ *скрижапель*. Разговаривали сторожа, костеръ краснѣлъ. Онъ въѣхалъ въ купу старыхъ липъ; стало черно, бархатной чернотой; свѣтились окна дома.

Кликнувъ Ивана, похлопывая по ботфортамъ хлыстикомъ, Казминъ прошелъ домой. Въ столовой, у прибора, лежала почта, газеты и телеграмма. Онъ вскрылъ ее: «Если можно, очень прошу пріѣхать. Боленъ. Ахмаковъ». Сообщался адресъ — въ томъ городѣ, черно-

земной полосы, гдѣ у Ахмакова былъ домъ. Казминъ отложилъ телеграмму. Положительно, Ахмаковъ взялся удивлять его. И неужели не оказалось никого ближе? Все это довольно дико.

Телеграмма взволновала его. Меньше всего онъ собирался ѣхать. Но, можетъ, правда, Ахмакову туго? А если — капризъ, причуда? Ночью онъ плохо спалъ; былъ почти сердитъ. Ни съ того, ни съ сего скакать нѣсколько сотъ верстъ! Онъ заснулъ съ тѣмъ, что не поѣдетъ. Дастъ тоже телеграмму — и конецъ.

Утро снова его удивило. Во-первыхъ, оказался дизный солнечный день, сіяющій, теплый. Второе — онъ проснулся съ ощущеніемъ, что вчера, вечеромъ, случилось что-то отличное, свѣтлое и легкое. «Страданія гордости, обиды, — думалъ онъ, одѣваясь, — какая чушь!»Тѣ минуты, верхомъ, въ потемнѣвшемъ, дикомъ полѣ, и слезы встали передъ нимъ съ живостью. «Да, конечно, ѣду, разумѣется». Эта мысль какъ-то сама вышла, онъ не звалъ ее; но колебаній уже не было. Онъ съ утра распорядился по хозяйству, на недѣлю, быстро уложился и въ восьмомъ часу, на закатѣ, ѣхалъ полями къ станціи.

Кой-гдѣ бѣлѣла гречиха; овесъ стоялъ въ крестцахъ, на одномъ изъ нихъ, прямо у

дороги, сидѣлъ совенокъ съ круглой рожей. Бѣлѣла церковь, лѣса темнѣли. Позже, на фіолетовомъ горизонтѣ вышла прозрачная блѣдно-зеленоватая луна — уже прохладная луна начала августа. Пыль вставала съ накатанной дороги; въ деревнѣ огоньки зажглись; въѣзжали и запоздалые возы. И вскорѣ засвѣтилъ вдали зеленый семафоръ, какъ звѣзда въ полумглѣ.

Два часа ѣхалъ отсюда Казминъ по желѣзной дорогѣ; потомъ надо было пересѣсть въ скорый поѣздъ, шедшій на юго-востокъ.Онъ пересѣлъ въ двѣнадцатомъ часу съ крохотной станціи. Ему показалось на мгновенье страннымъ, зачѣмъ это онъ ѣдетъ ?

«Вотъ тебѣ и Казминъ, Андрей Аѳанасьевичъ, — подумалъ онъ про себя, не безъ насмѣшки: — Вотъ и онъ собрался!» Но философствовать было поздно. Въ вагонѣ духота; ярко горѣло электричество, кой-гдѣ затянутое синимъ шелкомъ; спали внизу,—наверхъ, въ проходъ, торчали носки мужчинъ. Ему досталось крошечное мѣсто, у окна, на короткой сторонѣ, напротивъ сидѣла дама — свѣтловолосая, въ огромной черной шляпѣ. Шляпа была явно неудобна; казалось, самое простое — снять ее и положить наверхъ; но дама этого не дѣлала. Она вообще сидѣла странно; напримѣръ, подперевъ голову рука-

ми, а локти — на колѣна; въ такой позиціи виденъ былъ изъ подъ шляпы лишь тонкій носъ, да слегка растрепанные, надъ ушами, очень мягкіе волосы. Зато шляпу могъ онъ вполнѣ изучить. Потомъ она рѣзко мѣняла позу, закидывала ногу на ногу, вздыхала; въ глазахъ видѣлъ онъ нѣчто воспаленное.

Казминъ долго къ ней присматривался.

— Извините, — наконецъ, сказалъ онъ, — вы бы шляпу сняли. Такъ вѣдь неудобно.

Она обернулась.

— Шляпу?

Мгновеніе она посмотрѣла на него невидящими глазами, будто плохо понимая. Потомъ отвѣтила:

— Да, можно.

Вынула длинныя шпильки, похожія на копья, покорно положила шляпу въ сѣтку и слегка откинулась въ креслѣ; теперь могла прислониться головой, подремать. Она закрыла глаза. Казминъ замѣтилъ, что вѣки у нея припухли. Золотистые волосы были въ безпорядкѣ — такіе тонкіе и легкіе, что съ ними трудно: вѣчно образуютъ они туманно-безпорядочный, отблескивающій нимбъ вокругъ головы.

«Нѣтъ, не заснетъ, — подумалъ Казминъ.— Ни за что не заснетъ». Онъ не ошибся. Не прошло минуты, она вздрогнула, какъ отъ

нервнаго тока, выпрямилась и уставилась на него.

— Я ничего, ничего, — забормотала она. — А? Куда же ты?

Казминъ отлично зналъ, что это не къ нему относится, и не отвѣтилъ. Она сообразила, что онъ—чужой; легкое неудовольствіе прошло въ ея взглядѣ. Казминъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ. Пробовалъ было заснуть и самъ, сидя, но ничего не вышло. Теперь онъ почувствовалъ, что она на него смотритъ. Правда, вытянувъ острый подбородокъ, оперевъ его на согнутую въ локтѣ руку, она глядѣла упорно и безучастно.

— Увѣренъ, — сказалъ Казминъ, — что такъ вы можете смотрѣть часъ и болѣе. Сколько угодно. А въ сущности, это ни къ чему?

Пересохшимъ голосомъ она отвѣтила:

— Ни къ чему.

Казминъ замѣтилъ, что навѣрно она мало говорила въ послѣднее время. Она улыбнулась.

— Очень безтолковая?

— Не смѣю этого сказать...Но...

Она зѣвнула.

— Нѣтъ, отчего же. Смѣйте.

Она внимательно, теперь уже съ сознаніемъ, его разсматривала, его вещи, будто соображая.

— Да вы кто такой? —спросила она вдругъ. — Куда вы ѣдете?

Этотъ вопросъ его нѣсколько озадачилъ. Онъ даже смутился. Но, овладѣвъ собой, отвѣтилъ:

— Я никто. Путешественникъ.

Она кивнула одобрительно.

— Значитъ, не по дѣламъ.

Онъ отвѣтилъ, что не по дѣламъ.

«Какая странная, — подумалъ Казминъ:— не то дѣвушка, не то дама. И Богъ ее знаетъ, что съ ней».

Она вынула замшевую подушечку, стала шлифовать ногти.

— Вотъ и я неизвѣстно зачѣмъ ѣду, — сказала она.

Казминъ будто бы оживился, даже съ оттѣнкомъ раздраженія:

— Нѣтъ, я знаю, куда ѣду. И зачѣмъ.

Она сказала равнодушно:

— Ахъ, извините! Такъ мнѣ показалось.

Въ вагонѣ стало совсѣмъ душно. Казминъ открылъ окно. Начинало свѣтать. Поѣздъ шелъ полями, равниной тучной и могущественной, какъ подобаетъ черноземy. Рожь убрали. Овесъ еще стоялъ. Пронеслись по грохочущему мосту, въ сѣткѣ связей; внизу, надъ рѣчкой, туманъ стлался; за лугами, жнивьемъ, блѣдно золотѣлъ разсвѣтъ.

— Это называется — Божій міръ, — сказалъ Казминъ, вдыхая воздухъ, свѣжій, золотисто-туманный.

Сразу взоръ ея отупѣлъ, она поглядѣла, помолчала.

— Мнѣ все равно.

Казминъ не удивился. Онъ не ждалъ иного отвѣта. И не возражалъ.

Черезъ часъ, когда подъѣзжали къ узловой стаціи, богатому, хлѣбному городу, гдѣ обоимъ надо было пересаживаться, солнце вышло надъ горизонтомъ — пылкое и огненное. Показался свѣтло-сѣрый элеваторъ, вагоны на путяхъ. Медленно подошли къ вокзалу. Деревянная платформа была покрыта росой — сизѣла. Носильщикъ взялъ вещи; толпились пассажиры; нѣсколько бородатыхъ купцовъ, въ картузахъ, длинныхъ сюртукахъ, на минуту привлекли вниманіе.

Зала перваго класса — низкое, огромное помѣщеніе, вся была прохвачена солнцемъ. Пятна его сіяли на полу, блестѣли по скатертямъ, кофейникамъ. Въ немъ жалки пыльныя пальмы надъ столами, помертвѣлые отъ утомленія лакеи, человѣческій скарбъ: сундуки, чемоданы; усталые путники, кочующіе и ночующіе; бѣдняги-дѣти, склянки съ молокомъ для нихъ, чайники — все мелкое убожество жизни, куда-то торопящейся, чего-то ждущей.

Ждать и имъ надо было—часа три. Уныніе появилось на лицѣ спутницы Казмина. Очень ужъ казалась она здѣсь чужой.

— Слушайте, — сказала она. — Тутъ ужасно скверно. Какая гадость! Пойдемте въ городъ.

— Что-жъ мы тамъ будемъ дѣлать?

— Ахъ, что, что...Ну оставайтесь, я одна пойду.

Но Казмину не хотѣлось оставаться. Вещи они сдали на храненіе. Спускаясь со ступенекъ, къ выходу изъ вокзала, Казминъ спросилъ:

— Какъ васъ зовутъ?

— Елена.

— А дальше?

Она немного нахмурилась.

— Такъ и зовите. Я же сказала.

Съ восходомъ солнца, въ незнакомомъ городѣ, они зачѣмъ-то выходили изъ вокзала. Даже извозчиковъ не было. Голуби бродили по мостовой. Листья кленовъ блестѣли влагой.

Они шли пѣшкомъ, по какимъ-то прямымъ, широкимъ улицамъ, съ одноэтажными домами. Было совсѣмъ тихо, солнечно; имъ встрѣтилось нѣсколько подводъ съ капустой, огурцами, морковью — видимо, на базаръ. Бабы не безъ удивленія глядѣли на Елену, на ея зеленую вуаль-шарфикъ, развѣвавшуюся сзади, на желтые ботинки; она шагала разсѣянно

была блѣдна; рядомъ молча шелъ Казминъ. Такъ добрались они до площади, гдѣ около закрытыхъ лавочекъ валялся соръ, арбузныя корки, жестянки; опять толклась стая голубей; изъ трактира выскочилъ мальчишка съ чайникомъ, рысью промчался куда-то. Возы стояли рядами. На одномъ дремалъ старикъ. Вдругъ Елена остановилась.

— Не могу больше. Не хочу ходить. Устала.

— Возможно, — замѣтилъ Казминъ. — Этого слѣдовало ждать. Но что-же теперь дѣлать?

Она оглянулась. Потомъ сказала, указывая рукой направо:

— Пойдемте въ чайную.

Казмину было все равно. Третьяго дня еще къ чему-то былъ онъ прикрѣпленъ. Теперь же все спуталось. О будущемъ онъ ничего не могъ сказать. И на четверть часа впередъ не поручился бы.

Чайная оказалась трактиромъ, а не чайной. Человѣкъ въ бѣломъ съ удивленіемъ взглянулъ на нихъ. Онъ вынималъ посуду за стойкой. Однако, согласился дать порцію чаю. Они сѣли у окна. Елена заявила, что хочетъ коньяку. Она вынула изъ мѣшечка деньги, лежавшія вперемежку съ духами, носовымъ платкомъ, въ величайшемъ безпорядкѣ.

— Я пять ночей не спала. Понимаете? Ахъ, если-бъ эѳиръ былъ! Все равно. Я напьюсь.

Половой еще болѣе удивился. Онъ сначала отказалъ. Казминъ настаивалъ. Вышелъ хозяинъ — худой человѣкъ, съ подбитымъ глазомъ. Пошептавшись, они послали куда-то мальчишку. Онъ все исполнилъ. Елена хотѣла, чтобы ей налили въ стаканъ. Но Казминъ не позволилъ; пили, какъ полагается.

— Почему же вы не спите? — спросилъ Казминъ.

— Не сплю, и не сплю. И все тутъ.

Казминъ задумался.

— Это я знаю, — сказалъ онъ. Даже очень хорошо знаю.

Она опять уставилась на него, какъ тогда въ вагонѣ.

— Все-таки, плохо понимаю... Почему это я въ трактирѣ, въ городѣ какомъ.то... — Она потерла себѣ глаза. — Фу...въ самомъ дѣлѣ.

Она поежилась.

— Вы обо мнѣ Богъ знаетъ что подумаете.

Казминъ спокойно выпилъ и сказалъ, откусывая сахаръ:

— Ужъ дѣйствительно, что такъ.

Она засмѣялась.

«Нѣтъ, не подумаетъ. Онъ баринъ. Джентльменъ, все понимающій! Ахъ ты, Господи, ужасъ какой, ужасъ!».

Она положила голову на столъ, на грубоватую салфетку, и заплакала. Казминъ оглянулся. Никого не было. Лишь канарейка чирикала въ клѣткѣ. Съ базарной площади, залитой солнцемъ, недвижно смотрѣли возы съ капустой. Вѣрно, тамъ говорили, смѣялись. Но отсюда все казалось нѣмо.

Казминъ далъ ей поплакать. Потомъ погладилъ по рукѣ, сказалъ:

— Мнѣ кажется, я васъ знаю.

Она подняла лицо.

Онъ глядѣлъ на нее внимательно, задумчиво.

— Я, должно быть, встрѣчалъ васъ. Вотъ такую, какъ сейчасъ. Я видалъ васъ въ обликѣ разныхъ другихъ женщинъ, которыя страдали,

— Ничего вы обо мнѣ не знаете. Кто вамъ сказалъ? Думаете, откровенничать съ вами буду?

Онъ отвѣтилъ:

— Откровенностей не надо. А вѣдь жить намъ съ вами нужно? Или окошко отворить, да лбомъ о мостовую?

— Мало-ли какъ, — сказала она, тихо: — можно и подъ поѣздъ. Я объ этомъ думала.

— Вздоръ, — замѣтилъ Казминъ.

Она сидѣла молча, потомъ спросила:

— Вы думаете, меня бросилъ любимый человѣкъ?

Гнѣвъ задрожалъ въ ея зеленоватыхъ глазахъ.

— Я этого не говорилъ.

— Не говорилъ! Но думаете. Я его вовсе не люблю, — голосъ ея оборвался, слезы нависли на рѣсницахъ.

— И никому нѣтъ до меня дѣла. Я сейчасъ никого не люблю.

«Кто она такая? — думалъ Казминъ. — Странный человѣкъ!» Что-то ему въ ней нравилось, быть-можетъ, отдаленнымъ, туманнымъ сходствомъ съ женой. «И жила она въ четвертомъ этажѣ, гдѣ-нибудь въ Москвѣ, на Арбатѣ, безъ хозяйства, безъ денегъ, съ будущимъ геніемъ, но счастливо, пока бѣда не грянула. А потомъ вдругъ схватила свою шляпу, шарфикъ, мѣшечекъ, и летитъ сейчасъ, какъ пуля, и сама не знаетъ куда».

— Я о васъ придумалъ цѣлую исторію, — сказалъ Казминъ, улыбаясь.

Елена не отвѣтила. Она смотрѣла въ сторону, гдѣ въ клѣткѣ висѣла канарейка. Вдругъ подозвала полового, указала на птичку.

— Сахару бы ей дать.

— Мы и такъ кормимъ, барышня. Видите, и просо у ней, и выпить есть, ежели пожелаетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо сахару.

Елена настояла на своемъ. Поставила стулъ, сама влѣзла, и. отворивъ дверцу, посы-

пала сахарнаго песку. Птичка сначала испугалась, забилась. Торговцы-татары, только что явившіеся, тянувшіе чай съ блюдечекъ, въ углу, зашушукались. Когда Елена слѣзла, канарейка поняла, что дѣло не такъ плохо. Она стала пробовать. Ея настроеніе поднялось.

Елена же черезъ минуту о ней забыла. Казминъ видѣлъ, что она въ такомъ состояніи, что сейчасъ можетъ заговорить съ татарами, или выйдетъ на базаръ, или еще что сдѣлаетъ—ненужное, но дающее выходъ нервамъ. Онъ взглянулъ на часы и расплатился. На предложеніе ѣхать Елена не возражала. Они вышли и наняли извозчика. Въ пролеткѣ Елена заложила нога на ногу, поболтала узенькимъ носкомъ и разговорилась. Неожиданно для Казмина довольно связно разсказала, что ѣдетъ въ имѣніе, къ бабушкѣ, просто гостить. Это имѣніе близко было отъ города, куда онъ направлялся.

— Все степи тамъ, очень просторно,—говорила Елена. — Буду верхомъ ѣздить. Или охотой заняться?

На вокзалъ явились за полчаса. И вмѣстѣ двинулись дальше — къ далекимъ, непредвидимымъ цѣлямъ странствія.

III.

Въ вагонѣ было просторно. Елена вертѣлась, ходила безпокойно по корридору, опять въ своей шляпѣ, за все задѣвая. Она теперь знала, что ѣдутъ оба въ одинъ городъ, и зачѣмъ ѣдетъ Казминъ. Но взоръ ея такъ же былъ разсѣянъ и быстръ, какъ и тамъ, на улицѣ, въ трактирѣ.

Наконецъ, она сѣла. Изъ волосъ выскочила гребенка; золотое руно готово было разсыпаться. Она смотрѣла въ окно, какъ-то по-дѣтски, покачиваясь на диванѣ, и чѣмъ дальше заходилъ поѣздъ въ степи, тѣмъ больше она слабѣла, никла. Казминъ устроилъ ей подушку; она подобрала стройныя ножки. Сложилась вдвое, какъ лѣнивая женщина, и, высунувъ изъ-подъ пледа ботинку, задремала.

Казминъ сталъ у окна. Опять шли поля, не совсѣмъ ему родныя, все-же наши, русскія. Деревни были рѣдки и огромны; церкви тяжеловаты, съ серебристыми куполами. Пахать крестьяне выѣзжали таборами, за много верстъ; пахали еще сохами. Грачи ходили за ними. Далекіе, ровные горизонты открывались, и казалось, туда, на востокъ, лежатъ все такія же необъятныя земли: Скиѳія, кочевники, курганы въ степяхъ. Набѣгали съ юга тучи,

изъ-за Каспія; поѣздъ погружался въ полосу дождей; а потомъ вновь свѣтило солнце, блестя въ куполахъ церквей, въ лужахъ на станціяхъ. Открывались голубыя дали; и все тотъ же русскій пахарь въ нихъ ходилъ за древней сохой. Мужики смѣнялись мужиками, поля — дубовыми лѣсочками, оврагами: станціи уходили назадъ съ дѣтишками, предлагавшими молоко. Не было этому конца-краю.

Глядя на заснувшую Елену — вѣрно, и правда она много не спала передъ тѣмъ — Казминъ ощущалъ какъ бы сочувствіе и симпатію. Ребяческое и вмѣстѣ горькое ясно въ ней чувствовалось. И ему казалось очень правильнымъ, что они встрѣтились.

Къ вечеру она проснулась, вздохнула и вытянулась. Потомъ защурилась.

— А? Пріѣхали? Гдѣ?

Казминъ сказалъ, что оставалось часа три.

Она сѣла, поправила волосы; одна щека у ней была красная; вынувъ изъ мѣшечка шоколадъ, стала ѣсть плитку и задумалась.

— Скучно къ этой бабушкѣ ѣхать.

Оказалось, телеграммы она не давала. Надо было ночевать въ городѣ; и ужъ утромъ нанять лошадей.

— Какъ не хочется, — сказала она. — Ужасно не хочется. Ну, хорошо, а если

этотъ вашъ человѣкъ...умеръ уже? Вѣдь можетъ быть?

— Можетъ.

— Что же вы будете дѣлать?

Казминъ пожалъ плечами.

— Домой вернусь.

Она встала, стряхнула съ юбки крошки шоколада.

— А если живъ?

— Побуду съ нимъ.

Она помолчала, опять сѣла.

— Хотите, я вамъ помогу? Тоже за нимъ... присмотрю?

Этого Казминъ не ожидалъ. Трудно было отвѣтить. Всего вѣрнѣй — просто это причуда. Онъ высказался неопредѣленно. Она, должно быть, поняла, и смолкла. Можетъ, была нѣсколько задѣта. Стала холоднѣе, отдаленнѣй.

Къ одиннадцати поѣздъ, перейдя два моста, сталъ замедлять ходъ,подымаясь въ гору. Слѣва заблестѣли огоньки среди садовъ, шедшихъ къ рѣкѣ. И черезъ нѣсколько минутъ показался вокзалъ.

Парный извозчикъ везъ ихъ по мучительнымъ мостовымъ. Улица была въ тополяхъ. У клуба, новаго, бѣлаго зданія, сіяло электричество. Кинематографъ свѣтился разноцвѣтнымъ бордюромъ, какъ въ иллюминацію.

Надъ головой очень темно-синее нѣбо, съ привычными звѣздами; лишь, кажется, онѣ крупнѣй. Сидя съ примолкшей Еленой, держа путь въ гостиницу, Казминъ не безъ удивленія всматривался въ это небо, синюю бездну, чьи дуновенія бросаютъ отъ дней къ днямъ, отъ чувствъ къ чувствамъ, изъ краевъ въ края. Онъ ощущалъ, что теченіе, подхватившее его съ пріѣздомъ Ахмакова, влечетъ теперь куда-то къ новому, отмѣняя его деревенскую, угрюмо-прочную жизнь. Куда —онъ не зналъ. Какъ не знала, вѣрно, и сидѣвшая рядомъ Елена, почему она съ нимъ ѣдетъ, что будетъ завтра, и куда это клонится.

Гостиница оказалась на площади, противъ театра. Это было старинное, помѣщичье пристанище въ дни съѣздовъ, выборовъ. Широкая лѣстница, подъ краснымъ ковромъ, прямо шла во второй этажъ; горѣли газовые рожки; кой-гдѣ позолота блестѣла на перилахъ.

Казминъ взялъ номеръ съ балкономъ на площадь. Елена рядомъ. Они простились. Казминъ слышалъ, какъ за стѣной она долго возилась, мылась, ходила взадъ-впередъ. Минутами ему казалось, что она съ собой разговариваетъ. Должно быть, Елена опять плохо спала. Онъ тоже долго не засыпалъ, и слышалъ ея вздохи; она отворяла окно, когда уже свѣтало. Казминъ въ эту ночь много

думалъ о женѣ, сынѣ. Эти мысли не были мучительны, скорѣе — кротки. Онъ заснулъ поздно, когда трубила уже въ рогъ свой заря; сквозь мягкія занавѣси нѣжное золото лилось въ комнату.

Утромъ Елена рѣшила, что надо ѣхать дальше. Заплатила за номеръ, послала за ямщикомъ.

Казминъ съ ней простился. Ему надо было къ Ахмакову.

Ахмаковъ жилъ довольно далеко, на тихой улицѣ съ садами, особняками; здѣсь процвѣтали *порядочные* люди. Улица упиралась въ монастырь и кладбище при немъ — мѣсто отдохновенія тоже *приличныхъ* людей. Домъ Ахмакова великъ, проченъ и унылъ; солидные фабриканты, его родители, строили его. За дубовой наружной дверью, въ вестибюлѣ, куда вело нѣсколько ступенекъ, медвѣдь стоялъ, среди небольшихъ пальмъ; на блюдѣ, у него въ лапахъ, визитныя карточки, покрытыя пылью: вѣрно, мѣстные нотабли завозили ихъ покойному Ахмакову, съ тѣхъ поръ и лежатъ. Зала съ люстрой, съ мебелью въ чехлахъ, на стѣнахъ Клеверъ и Маковскій; красная гостиная въ зеркалахъ, въ коврѣ; съ шелковой мебели соскальзываешь; подъ зеркаломъ бронзовые часы въ стеклянномъ колпакѣ — часы скучныхъ, богатыхъ домовъ, бьющіе

покойно и негромко; именно ихъ голосъ говоритъ здѣсь о ненужности, о суетѣ.

Казмина ввела домоправительница, — сѣдая, важная прислуга; было ясно, что она презираетъ всѣхъ, кто *непорядоченъ*. Ахмаковъ лежалъ на турецкомъ диванѣ, въ кабинетѣ — угловой комнатѣ, полной свѣта. Онъ былъ въ халатѣ; лицо его замѣтно опухло. Особенно напухли подъ глазами мѣшки. Онъ читалъ Ренана. Рядомъ, на стулѣ, стояла салицилка.

Увидѣвъ Казмина, Ахмаковъ поднялъ голову, минутное удивленіе мелькнуло въ немъ. Онъ засмѣялся.

— А? Пріѣхали? Пріѣхалъ, деревенскій житель, помѣщикъ?

Казминъ пожалъ ему руку.

— Взялъ, и пріѣхалъ.

— Отлично! Великолѣпно! А я, видите, валяюсь...Отъ бездѣлья читаю стараго, умнаго француза. — Онъ отбросилъ книжку. — Небесное мы переводимъ съ нимъ на земное. И выходитъ недурно. Я васъ увѣряю. Просто, но недурно!

Потомъ Ахмаковъ заговорилъ о жарахъ, потомъ о докторѣ... Не совсѣмъ естественно хохоталъ. Сталъ острить, но безъ особаго успѣха, *о чудакахъ*, которые другъ къ другу ѣздятъ. Но было видно, что пріѣзду Казмина радъ.

— А представьте, — заговорилъ онъ, нервно-развязно: — сыну я написалъ — у меня сынъ студентъ, красавецъ, его адъютантомъ зовутъ, но...не получалъ, отвѣта еще нѣтъ...— Ахмаковъ смѣшался, и опять покраснѣлъ, какъ тогда, въ усадьбѣ.

— Вѣрно, письма плохо идутъ. Онъ на кавказскомъ побережьѣ.

Помолчавъ, Казминъ сказалъ:

— Къ вамъ собиралась заѣхать, даже помочь, если понадобится, одна экстравагантная, и не плохая дама. Но я отклонилъ.

Казминъ разсказалъ ему все. Ахмаковъ задумался.

— Этотъ домъ давно не видѣлъ молодой, милой женщины. Вы напрасно отклонили.

Онъ сразу же заявилъ, чтобы Казминъ къ нему перебирался. Это было естественно, Казминъ не возражалъ. Онъ не долго у него сидѣлъ; надо было взять вещи, расплатиться въ гостиницѣ. Выходя черезъ полчаса въ переднюю, онъ спросилъ Домну Степановну о здоровьѣ Ахмакова. Подавая ему пальто, она сказала съ важностью:

— Такъ я считаю, что плохо, баринъ.Пухнутъ они. И сердцу ходу нѣтъ. Какъ съ Волги, изъ Саратова, пріѣхали, такъ и слегли. Ѣздитъ къ намъ докторъ, Петръ Петровичъ

ню пользы мало. Даромъ что по красненькой платимъ.

Каріе глаза Домны Степановны, нѣкогда красивые, повлажнѣли.

— Я такъ думаю, не встать барину. — Она вынула платочекъ, и сморкнулась.

— Я ихъ мальчикомъ еще помню, и папаша съ мамашей на моихъ глазахъ померли.

Казминъ, вернувшись въ гостиницу, къ своему удивленію засталъ въ номерѣ, на балконѣ, Елену. Подперевъ руками голову, она смотрѣла внизъ.

— Что такое? — спросилъ онъ. — Тутъ?

Елена обернулась.

— Ничего, что я къ вамъ зашла?

— Почему вы не въ деревнѣ?

Она вошла въ комнату.

— Ямщика привели, да онъ мнѣ не понравился. И лошади плохія. Вдругъ стало такъ ужасно скучно... Я его отпустила.

— Какъ же вы теперь?

— Я вашу комнату за собой оставила.

Казминъ сталъ укладывать мелочи. Елена сидѣла и имѣла видъ неприкаянной, какой-то неустроенной женщины. Казминъ взглянулъ на нее, и улыбнулся, будто съ сочувствіемъ.

— Вы шальная головушка, — сказалъ онъ. — Очень несновательное существо.

Елена положила руки на столъ, голову

набокъ на руки, и глядѣла на него зеленымъ, тусклымъ взоромъ.

— Головушка, головушка... — она потрогала себѣ пальцемъ голову, — а куда мнѣ ее дѣвать?

Онъ вспомнилъ Ахмакова.

— Вы вчера предлагали помочь мнѣ, насчетъ моего знакомаго, — сказалъ Казминъ.— Вотъ и преклоняйте.

Елена чуть смутилась.

— Ну, вѣдь вы тогда...

— А теперь говорю, поѣдемте. Вы можете развлечь его.

Она улыбнулась.

— Значитъ, роль діакониссы?

— Тамъ видно будетъ.

Елена стала ходить изъ угла въ уголъ, лѣниво пошаркивая ногами. Знойные квадраты лежали на полу отъ солнца. Она то въ нихъ входила, то выходила. Свѣтъ перебѣгалъ по ней волной. — Когда Казминъ собрался, она, ничего не сказавъ, вышла съ нимъ.

Ахмаковъ еще менѣе ждалъ ее, чѣмъ утромъ Казмина. Онъ приподнялся, оправился и улыбнулся.

— Очень добро съ вашей стороны, — сказалъ онъ, — что зашли навѣстить. Будемъ знакомы.

— Я привезъ вамъ, — сказалъ Казминъ

почти весело, — блуждающую Елену. Ту прекрасную Елену, которую считали Премудростью въ обликѣ женщины. Съ ней странствовалъ нѣкогда Симонъ Волхвъ — хотя на него я ни мало не похожъ.

Ахмаковъ засмѣялся, погладилъ рукой крѣпкую бороду.

— Классическія реминисценціи...

— Но теперь, — продолжалъ Казминъ, — слѣдовало бы намъ нѣсколько познакомиться. Алексѣй Кирилловичъ знаетъ, — обратился онъ къ Еленѣ, — что до третьяго дня мы не имѣли съ вами понятія другъ о другѣ.

Елена обернулась къ Ахмакову.

— Я должна развлечь васъ разсказомъ о своей жизни?

— Это называется — краткія автобіографическія свѣдѣнія, — сказалъ Ахмаковъ.

Она потупилась.

— Очень ужъ краткія. Даже неинтересно.

Домна Степановна подала имъ чай съ медомъ, съ сухарями, въ старинныхъ чашечкахъ на серебряномъ подносѣ. Елена была смутна, сдержанна. Они узнали все-же ея фамилію, что она изъ Москвы, жена художника, учится пѣть: «но въ Москву больше не вернется». Тутъ она омрачилась. Было ясно, что этотъ разговоръ неудаченъ.

Казминъ обратился къ ней:

— Наше знакомство, — сказалъ онъ, — было довольно неожиданно. Даже, отчасти, удивительно. Позвольте мнѣ звать васъ просто Еленой, какъ вы тогда сказали.

— Да, — отвѣтила она — зовите. Я и есть Елена, просто Елена.

Всѣ помолчали, и задумались. Но съ той минуты стало легче и свободнѣе. Точно въ этомъ молчаніи, перейдя нѣкоторую черту, они стали другъ другу ближе, — трое случайно сошедшихся, трое съѣхавшихся изъ дальнихъ мѣстъ.

Послѣ чая Казминъ ушелъ во флигель устраиваться; Домна Степановна приготовила ему комнату. Елена разговаривала съ Ахмаковымъ, бродила по дому, разбирала въ залѣ ноты.

Обѣдали они вмѣстѣ. Вечеромъ Елена пѣла. Потомъ уѣхала въ гостиницу.

IV

Цѣлый флигель, выходившій на улицу, съ обстановкой средней руки, былъ отведенъ Казмину. Онъ занималъ одну комнату; а по ряду другихъ ходилъ, изъ конца въ конецъ, куря и размышляя. Хотя до дому было нѣсколько шаговъ, черезъ чистый дворъ, съ

садомъ въ глубинѣ, конюшней, каретнымъ, цѣпными псами — все какъ слѣдуетъ — у него стоялъ еще телефонъ. Ахмаковъ могъ звонить по желанію.

Утромъ Казминъ пилъ съ нимъ кофе, потомъ уходилъ къ себѣ, читалъ, занимался. Обѣдали тоже вмѣстѣ — вѣрнѣе, обѣдалъ Казминъ, въ столовой, за богатымъ приборомъ, видя черезъ улицу трехоконный домикъ; Ахмаковъ же присутствовалъ въ креслѣ, когда чувствовалъ себя лучше, или лежа на диванѣ.

Эта жизнь не была Казмину непріятна. Быть-можетъ, ему даже нравилось — послѣ суроваго однообразія деревни попасть въ неожиданныя, столь непривычныя условія. «Это все ничего, — говорилъ онъ себѣ, какъ бы не договаривая: — поживемъ, увидимъ». Въ глубинѣ души зналъ — что нѣчто именно надо договорить; но пока не трогалъ, давалъ жизни итти, какъ идетъ: смотрѣлъ и ждалъ. Гулялъ съ Еленой, которая было уѣхала, но снова вернулась; бесѣдовалъ съ Ахмаковымъ. Ахмаковъ много читалъ; ему хотѣлось поговорить, и тутъ Казминъ — вѣжливый, благовоспитанный слушатель — былъ удобенъ. Ахмаковъ нападалъ, иронизировалъ, впадалъ иногда въ пафосъ. Противорѣчилъ себѣ и раздражался. Но одна была

нота въ этихъ разговорахъ, упорно звучавшая: будто бы нѣчто уязвляло Ахмакова въ его прежней жизни. Многимъ онъ былъ недоволенъ. И охотно бралъ тонъ насмѣшки надъ собою и тѣми, кто ему былъ близокъ.

— Мы, вѣдь, знаете, — говорилъ онъ, слегка задыхаясь: — мы вѣдь міръ къ порядку вели, къ гармоніи, справедливости. Ну, общественники-то... И ужъ очень на себя полагались. Точно мы одни и значимъ. Точно жизнь со вчерашняго дня началась. Вотъ-съ были предразсудки, и невѣжество, но пришелъ девятнадцатый вѣкъ, мы пришли, все измѣнилось. Прогрессъ, цивилизація... И будто бы смерти даже нѣтъ.

Тутъ онъ начиналъ почти сердиться.

— Ахъ, самомнѣніе! Самомнѣніе маленькихъ человѣковъ, вчера явившихся. Мы — разумъ, соль земли. А міръ древенъ, очень старъ, и очень уменъ, объ этомъ забываютъ. Навязываютъ ему свою мудрость, полумудрость. А до настоящей мудрости добраться очень трудно. Но пусть и господинъ Ренанъ не думаетъ, что все объяснилъ. Онъ ничего не объяснилъ.

— Можетъ быть, — спросилъ Казминъ, — вы хотите стать вѣрующимъ?

— Нѣтъ, я такъ вѣровать, какъ настоящіе... нѣтъ, отказать!

Онъ помоталъ головой. Онъ казался сейчасъ тѣмъ, кто и самъ не знаетъ, кто онъ, волнуется, и мечется безъ толку; хочетъ лишь найти рѣшеніе, но не находитъ, напоминая тѣхъ падшихъ ангеловъ, которые не были ни за Бога, ни за дьявола, и погибали въ аду, томясь въ тоскѣ.

Онъ завозился на своемъ диванѣ.

— И люди мало измѣнились. Такъ же отъ любви страдали, отъ гордости. Такъ же умирали. Все главное—то же... Слава, счастье...А отвѣта нѣтъ. Страшенъ міръ-съ... Къ нему съ воскресной школой не доѣдешь.

— Я думаю, — сказалъ Казминъ: — что и прекрасенъ такъ же, какъ и страшенъ.

Ахмаковъ махнулъ рукой.

— Прекрасенъ! Думаете, не было уже такой Елены, вотъ какъ ваша?

— Я же сказалъ тогда, — засмѣялся Казминъ: — что это древняя Елена. Но позвольте, къ чему, въ сущности, эти всѣ туманы? Вы вѣдь политикъ. А политику все ясно должно быть, все понятно и доступно.

— М-мъ! Вы хотите, чтобы политикъ былъ ограниченнымъ человѣкомъ?

Казминъ погладилъ его по плечу.

— Значитъ, вы не совсѣмъ для своей роли назначены.

Ахмаковъ опять заволновался.

— Когда больше всего *дѣлалъ*, вѣрно, именно и былъ ограниченнѣй. Все только дѣлалъ, учреждалъ, засѣдалъ, и жизнь какъ-то пробѣжала. Ну, и мы тоже правы были, даже очень... но въ опредѣленной мѣрѣ,лишь въ опредѣленной.

Въ это время къ нимъ вошла Елена.

— А вѣдь мы считали, — снова говорю: — что одни мы и правы... Все же остальное — дрянь, ненужность. Развѣ мы-бъ ее приняли? (Онъ указалъ на Елену). Она для избирательнаго права, или, тамъ, кооперації, пальцемъ не шевельнула. Мы все другихъ учили, а сами...

Елена подошла къ нему и поправила одѣяло.

— Какъ вы шумите, Алексѣй Кириллычъ. Вредно вамъ. Вы не адвокатъ.

Ахмаковъ захохоталъ.

— Видите — женщина! Онѣ рѣдко въ философію залетали. Милая моя! — Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ. — Вотъ такой рукой женщина ласкала, раздирала намъ сердце нѣжностью, умиленіемъ. Перевязывала раны. И умирающимъ — закрывала глаза.

Ахмаковъ положилъ ея руку себѣ на лобъ и замолкъ. Казалось, весь его пафосъ усмирился

— Женщина, — сказалъ онъ тихо, — всегда была лучшей славой вселенной.

Елена усмѣхнулась.

— Знаемъ мы эту славу.

Но Ахмаковъ настаивалъ. На него Елена вообще дѣйствовала хорошо: ему нравилось, что она задумчива, не болтлива, съ оттѣнкомъ причудливости. И когда становилось очень плохо, и приходила Елена — какъ бы улыбка являлась въ его глазахъ.

Кажется, Ахмаковъ понималъ теперь свою болѣзнь, въ общемъ — на нее не ропталъ. Казминъ замѣтилъ, что въ этомъ онъ теперь иной, чѣмъ былъ въ деревнѣ.

Разъ, въ жаркій, послѣполуденный часъ, когда отъ солнца въ кабинетѣ спустили съ одной стороны шторы, Ахмаковъ и самъ сказалъ ему объ этомъ: онъ пилъ лежа чай, съ вишневымъ вареньемъ; волосы его слиплись; землистое лицо слегка блестѣло.

— Я васъ тогда ошарашилъ, на станціи... помните, еще спросилъ, пріѣдете ли ко мнѣ? Вы очень удивились.

— Правда, — отвѣтилъ Казминъ.

— Ну, конечно. Знаете, мнѣ тогда очень ужъ плохо было.

Казминъ сказалъ, что видѣлъ это. Ахмаковъ поставилъ стаканъ на блюдечко, приподнялся на локтѣ.

— Дѣло вотъ въ чемъ: мы живемъ и, понятно, о смерти иногда думаемъ. Но смерть-съ

даже такимъ, какъ я, полусѣдымъ, кажется чѣмъ-то *вообще*, не моимъ лично. Ну, и приходитъ день, когда она становится уже *моей*. Замѣчаете? Я ее вдругъ съ собой увижу, рядомъ. — Онъ задумался. — Это надо пережить. Мы, вѣдь, старики, на положительной закваскѣ, наше поколѣніе. Не мистики. Тамъ, насчетъ будущей жизни, и тому подобнаго...— онъ махнулъ рукой. — Впрочемъ, это грозный часъ, думаю, кто бы вы ни были. Ахъ, тутъ трудно. Это именно со мной *тогда* произошло. Точно я заболѣлъ душою. Я даже думалъ — можетъ-быть, съ ума схожу? А всего-то и было, что болѣзнь свою почувствовалъ. Понялъ, что вотъ лечь придется, и не встанешь.

— Я, пожалуй, это видѣлъ, — сказалъ Казминъ. — Т.-е. видѣлъ ваше душевное состояніе.

— И я зналъ, что видите. Я пріѣхалъ сюда— все то же. — Я и вызвалъ васъ. Почему васъ именно, — Ахмаковъ опять какъ-то смѣшался. — Ну, казалось мнѣ, что вы скорѣй...я вспоминалъ, какъ вы тогда со мной были на балконѣ... и думалъ, пріѣдете. Разумѣется, это все странно вышло. Вы могли посмѣяться. — Онъ перевелъ духъ, потомъ продолжалъ, какъ бы разгорячаясь. — А вѣдь сынъ не явился, адъютантъ! Что же, впрочемъ... Это

старая исторія, испорченная жизнь, все искаженное. Не пожаловалъ. А когда онъ маленькій былъ, я его зналъ? Онъ вдали росъ. Я его любилъ. Но съ его матерью мы разошлись,это — главное. Отсюда и остальное все.

Волнуясь, задыхаясь, онъ разсказалъ объ этой искаженной жизни. Какъ разошелся съ женою, много лѣтъ тому назадъ, она его возненавидѣла. Въ нелюбви воспитала сына. Сама умерла. Умирая, слово взяла, — къ отцу онъ не вернется. Такъ у дяди мальчикъ и прожилъ.

— Видите, какъ въ жизни бываетъ? Замѣчаете? Мы съ нимъ видались, встрѣчались, позже... — онъ красивый юноша — вмѣсто ребенка, котораго любилъ когда-то, — молодой человѣкъ. Что же-съ, надо сказать: мнѣ чужой. И я ему... одно названіе — отецъ.

Онъ помолчалъ.

— Все-же и его мнѣ захотѣлось видѣть. Онъ, вѣдь, когда крошечный былъ, у меня на рукахъ засыпалъ. Я ему, да...помурлыкаю, онъ и заснетъ.

Ахмаковъ сѣлъ.

— Но вышло такъ, что у меня оказались вы, и эта... Елена. Очень хорошо, но неожиданно. Впрочемъ, теперь такъ стало, что все *ожидано*, пріемлемо. Я теперь ужъ все знаю

(онъ сказалъ устало). Приготовился, что-ли, привыкъ. Вонъ, не угодно-ли?

Онъ протянулъ руку къ окну. Казминъ взглянулъ.

Мимо дома тянулись похороны. Шли факельщики, лошади показались въ траурныхъ попонахъ, бѣлый съ чернымъ катафалкъ. На немъ, въ гробу подъ серебряными вѣнками, лежала старушка. Профиль ея возвышался надъ ватой и слегка покачивался. Все лицо, съ тонкимъ носомъ, воскового цвѣта, съ темными глазными впадинами, было видно отчетливо.

— Здѣсь монастырь недалеко, и кладбище, — сказалъ Ахмаковъ: — я немало этихъ зрѣлищъ вижу. И самъ такъ же поѣду. Но это ничего. Это только театральный занавѣсъ, въ концѣ пьесы.

Казминъ не отвѣтилъ. Ему казалось, что и это не совсѣмъ вѣрно: врядъ-ли такъ ужъ просто, врядъ-ли всего занавѣсъ.

Въ это время на парѣ въ дышло подъѣхалъ докторъ — немолодой, полный, лѣнивый человѣкъ, въ нечистомъ сюртукѣ, старорусскаго вида. Онъ завѣдывалъ городской больницей; бывалъ у Ахмакова часто, имѣлъ видъ вялый, и постоянно убѣждалъ, что опасности нѣтъ.

Начался осмотръ. Казминъ вышелъ въ садъ,

въ нѣсколько странномъ состояніи. Что-то его задѣло въ разсказѣ Ахмакова о сынѣ. Онъ прошелся по кленовой аллейкѣ. За каменной стѣной подымались елочки сосѣдняго сада. Голуби кружили надъ голубятней. Глухо лаялъ песъ.

Казминъ сѣлъ на скамью, голову положилъ на ея спинку. Трудно было дышать. Острая горечь, жарче обычной, наполняла сердце. Почему онъ тутъ сидитъ, около умирающаго Ахмакова? Что ему въ этомъ хлѣботорговомъ городѣ, въ этихъ жарахъ, голубяхъ, Еленѣ, когда онъ знаетъ, что въ Петербургѣ его жена, Никаша, безъ которой все равно не прожить, какъ бы ни притворялся? Всѣ эти метанья, никому ненужные разъѣзды... Деревенскія работы, хозяйство. Обманъ! и очень жалкій. «Можетъ-быть. Но куда же дѣваться?» Да, онъ зналъ,что жена съ другимъ ушла, что вернуться некуда, и Никашу взять некуда. Онъ это и всегда зналъ: но сейчасъ ощутилъ съ той смертельной неотвратимостью, когда вмѣсто жара тонкій, ледяной ознобъ проходитъ по тѣлу; и показалось, что вмѣстѣ со скамейкой беззвучно проваливается онъ внизъ, какъ во снѣ.

Вдругъ онъ услышалъ шаги. Поднялъ голову — Елена, какъ всегда, въ огромной,черной шляпѣ, съ выбившейся прядью волосъ. Мяг-

кій рефлексъ ложился на лицо. Она положила ему на плечо руку.

— Ну, — сказала она, чуть улыбнувшись, — ну? что?

Онъ, должно быть, выглядѣлъ дурно. Что-то прошло въ ея лицѣ. Она спросила серьезнѣй:

— Что же вы тутъ сидите, правда?

Онъ, наконецъ, съ ней поздоровался.

— Такъ просто... и сижу, — сказалъ Казминъ.

Елена сѣла рядомъ.

— У васъ мутные какіе-то глаза. Ужасно замученные глаза.

Казминъ пожалъ плечами.

— Что же теперь подѣлать!

Она серьезно въ него всматривалась.

— А, какой вы... Я такимъ васъ еще не видала.

Казминъ всталъ, расправился, закурилъ; ему хотѣлось согнать съ себя то, въ чемъ она его застала.

— Вы были у Алексѣя Кириллыча?

— Его мучить сегодня будутъ.

— Какъ мучить?

— Ахъ, ванны, опять...

Этимъ хотѣла она сказать, что опять докторъ прописалъ ему горячую воздушную ванну, чтобы вызвать испарину. Испарины бывало

мало. Но страдалъ онъ — его нагрѣвали градусовъ до пятидесяти — жестоко. Онъ едва это выносилъ и, обычно, слабѣлъ потомъ. Называлъ онъ это поджариваніемъ святого Лаврентія — st. Laurent sur le gril de fer, какъ онъ выражался.

— Я уйду, — сказалъ Казминъ. — Не хочу тутъ сидѣть, пока будутъ это продѣлывать.

Они вышли съ Еленой на улицу. У Казмина было чувство, что куда-то слѣдуетъ уйти, что-то сдѣлать, что-то измѣнить.

Слегка вечерѣло. Жаръ спадалъ. Деревья были запылены, небо довольно странно: свѣтило солнце, но не ярко; какая-то мгла сгущалась въ воздухѣ, — туманила его. Эта сѣрость не предвѣщала хорошаго.

Они направились къ окраинѣ, черезъ старинный, знаменитый монастырь съ высоченною колокольней; на монастырскомъ дворѣ росли клены; подъ окнами келлій — гряды георгинъ. Встрѣтившись въ выходныхъ воротахъ съ ярко-рыжимъ монахомъ, который горячо доказывалъ что-то другому, толстому, въ засаленной рясѣ, они вышли на лужайку.

Тутъ началась настоящая провинція, тѣ отчасти легендарныя мѣста, гдѣ вмѣсто мостовыхъ — травка, вмѣсто тротуаровъ — тропинки; гуляютъ коровы, домишки одноэтажны,

съ цвѣтными ставнями, тонутъ въ садахъ. Тутъ остались еще каменные домики Петровскаго времени, и кажется, что и люди живутъ не близкой эпохи.

Проулкомъ, мимо дощатыхъ заборовъ, со скамеечками у воротъ, гдѣ сидятъ старухи,— вышли они къ обрыву. Отсюда видна рѣка, направо и налѣво по горѣ пестрыя лачуги, съ маленькими, будто расчерченными двориками, съ тряпьемъ, юбками на заборахъ, дѣтишками, собаками — всѣмъ тѣмъ, что есть живописнаго въ русскомъ или итальянскомъ городѣ.За рѣкой же, со стариннымъ зданіемъ яхтъ-клуба, далекіе луга, поля, на горизонтѣ — катящійся къ мосту поѣздъ.

Елена сѣла на травку, сбѣгавшую внизъ. Тамъ, у забора съ мусоромъ, дѣти играли въ мячъ.

— Хорошо здѣсь, — сказала она: — далеко видно, очень покойно.

— Потому, что тутъ мѣсто простое.

Елена похлопала хворостинкой.

— Простое. простое... Ну. конечно. — она взглянула налѣво, подъ гору, гдѣ баба загоняла корову, — здѣсь не такіе живутъ, какъ мы съ вами.

— Ихъ жизнь, — сказалъ Казминъ, — очень ясна, очень неопровержима. Все на своемъ мѣстѣ, и никуда не сдвинется. — Трудъ,

маленькія заботы, горести, бытъ. Все это слито въ одну прочную картину — слито, если хотите, и съ съ тѣми далями, съ нехитрымъ пейзажемъ, со всей нашей нехитрой, простонародной стариной.

— Хорошо. А кто же мы съ вами? — спросила Елена. — Мы — чудные, чужіе? Что намъ дѣлать?

Казминъ помолчалъ.

— Мы, можетъ быть, странники. И возможно, мы узнаемъ, что намъ дѣлать.

— Мнѣ недавно старушка одна сказала, изъ простыхъ:«ты бы, говоритъ, голубушка, къ Тихону сходила, къ святителю». Это, значитъ, къ Тихону Задонскому.

Казминъ лежалъ рядомъ, на травкѣ. Бѣлый съ желтыми пятнами теленокъ пасся тутъ же, привязанный къ колышку. Казмину представилось, какъ такая вотъ Елена, въ огромной своей шляпѣ, съ духами, въ модномъ платьѣ, вдругъ отправится съ бабами въ монастырь. Онъ слегка улыбнулся.

— Это вы надо мной, я вижу, — сказала Елена. — Хотите, я сейчасъ разуюсь, шляпу возьму подъ мышку, и босая домой вернусь?

Казминъ сталъ ее успокаивать.

— Да, а то вѣдь меня легко сбить, — говорила Елена.— Я вообще-то васъ боялась немного. Особенно вначалѣ.

Казминъ удивился.

— Почему боялись?

— Такъ, очень вы серьезный господинъ. Господинъ Казминъ... Бритый. Всегда аккуратный.

Казминъ пожалъ плечами.

— Такой ужъ выросъ.

Она внимательно на него посмотрѣла.

— А сегодня только мнѣ показалось, что и вы... — она покачала головой. — И вы не очень-то основательный...

Казминъ сѣлъ, снялъ шляпу и поцѣловалъ ей руку.

— Пора, мой другъ, — сказалъ онъ. — Вамъ пора замѣтить, что и я человѣкъ... не изваяніе.

Они сидѣли нѣкоторое время молча. Все такъ же громадна, беззвучна была равнина передъ ними, — съ лугами, полями, курганами, затерянными въ степяхъ съ мужицкими селами, бабами, съ древнимъ монастыремъ, съ Дономъ, видавшимъ тысячелѣтія. Понемногу гуще стало на небѣ; померкло солнце въ сизыхъ пеленахъ. Сзади, за городомъ, накоплялась туча, и молнія вспыхивала. Пронеслась куда-то стая голубей, кидаясь изъ стороны въ сторону. На дали, съ небомъ, еще свѣтлымъ, легъ уже мрачный отсвѣтъ.

Когда они возвращались назадъ, вѣтеръ ужъ налеталъ кусками; туча хмуро синѣла; на ней особенно бѣлы казались колокольни; пыль клубилась вихремъ. Деревья гнулись. Листья летѣли.

Проводивъ Елену, Казминъ вернулся во флигель съ первыми каплями дождя. Къ Ахмакову ему не хотѣлось. Онъ спросилъ по телефону, какъ дѣла. Домна Степановна отвѣтила, что баринъ очень слабъ послѣ ванны и почти не говоритъ.

Гроза рухнула съ бѣшенствомъ, — точно очень ужъ много набрала природа силъ. Отъ грома дребезжали подвѣски на люстрѣ, дождь гудѣлъ сплошной массой, и улица, во вспышкахъ бѣлыхъ и зеленыхъ молній, казалась ручьемъ. Казминъ былъ очень возбужденъ. Неопредѣленное волненіе давило его. Пробовалъ онъ читать, смотрѣть на ливень, свистать марши, все не выходило. Пообѣдавъ одинъ, въ большомъ домѣ, онъ опять къ себѣ вернулся; Ахмаковъ дремалъ. Стало почти темно. Онъ не освѣщалъ комнатъ, зажегъ лишь электричество въ прихожей. Стеклянной стѣнкой отдѣлялась прихожая отъ залы; свѣтъ падалъ на полъ, вырисовывая узоры растеній, стоявшихъ тутъ въ кадкахъ. Казминъ ходилъ взадъ-впередъ по тремъ комнатамъ, къ этому освѣщенному пятну. Раза два звонилъ въ

кухнѣ колокольчикъ: это — шутки прохожихъ, провинціальное развлеченіе.

Но вотъ въ одиннадцать, когда гроза почти стихла, позвонили, какъ слѣдуетъ — онъ сразу это почувствовалъ: нѣкто, кому дѣйствительно къ нему надо. Казминъ пошелъ отворять. Отъ подъѣзда отъѣзжалъ лихачъ съ поднятымъ верхомъ. Раскрывъ зонтикъ, стояла у дверей Елена, наклонивъ немного впередъ голову. Что-то зябкое, беззащитное было въ ней.

— Можно къ вамъ? — спросила она. — Вы не спите?

Казминъ сказалъ, что можно, и закрылъ дверь. Его удивило, что она вся мокрая. Елена усмѣхнулась.

— Не одобряете! Просто мнѣ очень скучно, я ходила по улицамъ. А потомъ устала. Извозчика наняла.

Она равнодушно сняла шляпу, съ которой падали капли. Перчатки бросила на подзеркальникъ.

Казминъ сказалъ, что единственно, что можетъ ей предложить — стаканъ горячаго чаю. Для этого пришлось взбудить мальчишку, спавшаго у него въ кухнѣ. Тотъ поставилъ самоваръ.

Еленѣ понравилось, что въ гостиной свѣтъ падаетъ сквозь стекла, и что странный такой

полумракъ. Казминъ далъ ей пледъ, она сняла ботинки, промокшіе чулки, и просила посушить. Онъ снесъ ихъ въ кухню, тамъ мальчишка уложилъ все на плиту. Казминъ вернулся, улыбаясь; странно ему было, что вотъ онъ занимается мелкими, хозяйственными дѣлами чужой, но отчасти — и не чужой Елены.

Онъ опять ходилъ изъ угла въ уголъ и курилъ. Елена тихо лежала подъ пледомъ. Какъ будто она согрѣлась тамъ и задремала. Потомъ потянулась и сказала:

— Я кажусь вамъ приблудной собачонкой, которая зря шляется? Отъ хозяевъ отбилась, и лѣзетъ.

Казминъ сѣлъ къ ней на диванъ:

— Я этого не думалъ, — сказалъ онъ. — Никогда я такъ не думалъ о васъ.

Онъ далъ ей, наконецъ, чаю: въ шкапу нашлось немного рому. Елена выпила и подбодрилась. Она теплѣе закуталась въ пледъ и сказала, что теперь хоть чуточку похожа на человѣка. Потомъ задремала, какъ слѣдуетъ. Казминъ попрежнему сидѣлъ на диванѣ, откинувшись на спинку; онъ пилъ чай. Спать не хотѣлось. За спиной онъ чувствовалъ теплое, тонкое тѣло Елены. Тишина, полночный часъ, ровный, но сильный шумъ дождя погружали его въ удивительное, сладостное оцѣпенѣніе.

Точно онъ отдѣлялся отъ момента; духъ его ровно плавалъ надъ жизнью, какъ надъ смутной бездной, и въ эти минуты яснѣе предстало ему собственное прежнее существованіе. Спокойная, чистая юность; работа; любовь, занявшая все сердце; онъ оглянулся на спавшую Елену. Ея близость вызвала въ немъ нѣжность, можетъ-быть, будя воспоминаніе о другой, уже давно невиданной. «Я мало зналъ женщинъ,—подумалъ онъ, не безъ гордости:— и не жалѣю объ этомъ. Всю мою жизнь взяла *она*. Я ее люблю. И остальное мнѣ не нужно». Онъ вдругъ засмѣялся въ темнотѣ. Слезы показались на его глазахъ. Онъ взялъ Елену за руку.

— Елена, слушайте, Елена! — сказалъ онъ громко. — Проснитесь!

Онъ даже нѣсколько испугалъ ее. Но это не показалось ему дурнымъ. Онъ былъ взволнованъ и растроганъ.

— Какъ я заснула! Фу! Гдѣ мои чулки? — спросила Елена, и уже сѣла рѣшительно.

— Это ничего, чулки сейчасъ мы принесемъ...

— Да, вотъ что, голубчикъ, дѣло-то въ томъ, что я уѣзжаю отсюда, въ Петербургъ, къ женѣ.

Елена удивилась.

— Къ какой женѣ?

— Ахъ, ну къ своей собственной...

Путаясь, волнуясь, сталъ онъ разсказы-

вать. Правда, жена его ушла, и даже говоритъ, что кого-то тамъ полюбила. Но вѣдь это ничего не значитъ? Навѣрно, просто увлеклась, вѣдь у нихъ же въ прошломъ цѣлая жизнь общая, сынъ... Неужели-жъ совсѣмъ она его забыла? А и если даже такъ, все равно долженъ онъ въ Петербургѣ жить, гдѣ-нибудь около... Вѣдь она-то? Сынъ-то?

Елена положила голову на руки и засмѣялась.

— Вотъ и серьезный, важный господинъ Казминъ, который все научалъ меня правильности. А еще я говорила — какъ онъ ловко бреется.

— При чемъ тутъ бритье?

— Ну, вообще, я васъ боялась. Считала благоустроеннымъ.

Елена заплакала, обняла его голову, поцѣловала въ лобъ.

— Головушка вы моя горькая! — сказала она сквозь слезы. — О, Господи!

Казминъ былъ смущенъ, взволнованъ, удивленъ. Все путалось у него въ головѣ. Правда, мало былъ онъ похожъ въ эти минуты на прежняго Казмина.

— Ваши слезы... — говорилъ онъ Еленѣ,— и вообще все... вся вы... мнѣ страшно дорого... но неужели то, что я сказалъ... такъ безсмысленно?

Елена плакала.

— Ахъ, не знаю! Можетъ-быть, вовсе не безсмысленно, но какъ все тяжело... Господи, спаси и сохрани... — Она вдругъ закрестилась по-дѣтски, и зашептала молитву.

Успокоившись немного, взяла его за обѣ руки.

— Милый мой, мнѣ вы ближе стали, гораздо ближе. Можетъ быть, мы не зря тогда встрѣтились... Знаете, я тогда... вѣроятно, что я тогда не осталась бы... Но вышло такъ странно, я попала къ этому Ахмакову. Въ его домѣ сижу. Діаконисса!

— Вы умирать не должны, — сказалъ Казминъ. — Нѣтъ!

Она сидѣла молча.

— Вы сказали нынче: странники мы. Пожалуй. Всѣ за судьбой идемъ. Вы, я... и Алексѣй Кириллычъ этотъ. Мнѣ его жаль.

— Можетъ-быть, — сказалъ Казминъ, — ему всѣхъ труднѣй.

— Онъ очень надъ собой смѣется. Зачѣмъ это?

— Не знаю. Но и онъ о себѣ ничего не знаетъ.

Елена встала.

— Нѣтъ, я знать хочу. О себѣ я должна знать.

Въ это время позвонилъ телефонъ. Казминъ

всталъ, подошелъ къ аппарату. Звонила Домна Степановна. Ахмакову стало очень плохо, она просила зайти.

— Ахъ, сейчасъ, сейчасъ... — отвѣтилъ Казминъ. — Сію минуту.

Онъ зачѣмъ-то оправилъ галстукъ, захватилъ папиросъ. Елена отерла слезы. Накинувъ верхнее платье, вышли они во дворъ. Было темно, дождь шелъ, не переставая. Пахло влагой и тополями. Казминъ держалъ Елену подъ руку, шелъ осторожнѣй, чтобы не попасть въ лужу. Песъ залаялъ изъ будки. Елена прижалась къ спутнику.

Они вошли съ чернаго хода, черезъ лакейскую, гдѣ стояла на столѣ свѣча; за перегородкой кто-то храпѣлъ; ихъ встрѣтила Домна Степановна съ побѣлѣвшимъ, какъ бы опухшимъ лицомъ.

— Очень задыхаются, — сказала она Казмину.

У Ахмакова было свѣтло. Онъ сидѣлъ на постели, слегка покачиваясь, держа голову въ рукахъ.

— Плохо, судари мои, совсѣмъ плохо. Le vieux voltairien va mourir. Пожалуйста, потрите мнѣ спину.

Его просьбу исполнили. Худая, полумертвая спина казалась Казмину страшной. И все въ комнатѣ, ярко и недвижно освѣщенной

электричествомъ, со слегка затхлымъ, сладковатымъ запахомъ, было безнадежно. Казминъ взглянулъ на Елену. Ея лицо какъ будто замирало, вяло въ этомъ гробѣ.

— Когда вы трете, дорогой, мнѣ легче дышать, — сказалъ глухо Ахмаковъ. — И вообще, при васъ все-же лучше. Хотя я хорошо знаю, что зрѣлище умиранія...

Онъ замолчалъ и перевелъ духъ.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы на сердцѣ были тѣ миръ и ясность, которые сулитъ христіанство. Но этого нѣтъ. A bas les prêtres. Я не хочу кощунствовать, но не думайте, другъ мой, что смерть есть поэтическій вѣнокъ, который возлагаютъ намъ... въ вознагражденіе всей жизни. Une couronne de lauriers. Сказки!

— Прочтите, — сказала Елена: — «Богородицу». Я всегда читаю, когда очень плохо.

Ахмаковъ взглянулъ на нее тусклымъ взоромъ...

— Женщина! Милая! Все та же, во всѣ вѣка. Нѣтъ-съ, мнѣ ужъ поздно. Какой въ колыбельку, такой и въ могилку.

Казмина смѣнила Елена. Какъ будто отъ массажа Ахмакову стало вправду—легче. Онъ лучше дышалъ. Но слабѣлъ очень. Опять пришлось лечь.

Ни Казминъ, ни Елена не уходили отъ него

въ ту ночь. Когда Елена съ нимъ сидѣла, Казминъ выходилъ въ гостиную,дремалъ тамъ на диванчикѣ, слушая тоненькій бой часовъ подъ стекляннымъ колпакомъ, — тѣхъ часовъ, что отмѣряли время въ этомъ скучномъ домѣ, и теперь добивали послѣднія минуты Ахмакову.

Передъ утромъ онъ забылся. Не то спалъ, не то бредилъ; увидѣвъ Казмина, сказалъ вдругъ: «Человѣчество переживаетъ величайшія страданія», потомъ засмѣялся и перевернулся. Казминъ отошелъ отъ него, прислонился къ портьерѣ; отъ усталости или волненія, у него закружилась голова. Онъ прошелъ въ залу, отворилъ окно, и опять легъ. Свѣжій воздухъ наплывалъ теперь къ нему. Дышать было свободнѣе. Онъ лежалъ молчаливо, ему казалось — что онъ одинъ на днѣ какого-то глубокаго колодца. Но — и ничего, пусть такъ. Это его даже успокаивало. Потомъ вдругъ пережилъ онъ странное чувство: будто и онъ, и Елена, и Ахмаковъ, все уже *было*; и *уже* онъ терялъ любовь, и стремился къ ней; и Елена безконечно давно страдала отъ измѣны; Ахмаковъ цѣлые вѣка пытался что-то найти, барахтался, подымался и падалъ. Но непрестанно гонитъ ихъ впередъ воля Великаго Владыки. Тысячи разъ придутъ они, тысячи разъ уйдутъ.

Въ пять часовъ стало свѣтать. Дождь пересталъ. Казминъ и Елена сидѣли въ залѣ, на подоконникѣ, растворивъ окно на улицу; было тепло; иногда капля залетала на усталый лобъ, на завитокъ волосъ Елены, украшая ее брилліантомъ. Блѣдно-зеленоватая зарница вспыхивала. Елена говорила:

— Я пойду къ Тихону Задонскому. Полями тѣми, что вчера мы видѣли съ обрыва. Далекими полями. Буду съ бабами итти. Тамъ помолюсь за себя, за васъ, за Алексѣя Кириллыча и всѣхъ христіанъ. Можетъ быть, помолюсь, поплачу — и больше пойму,что мнѣ дѣлать, какъ жить.

Казминъ слушалъ и кивалъ головой. Изъ садовъ улицы плыло къ нимъ благоуханіе утра, и ихъ сотсояніе было не то бодрствованіемъ, не то сномъ.

Въ кабинетѣ же въ это время лежалъ на спинѣ Ахмаковъ, съ аккуратно скрещенными на груди руками. Лишь отчасти напоминалъ онъ Ахмакова прежняго; нечеловѣческое спокойствіе и миръ выражали его черты, какъ будто теперь, выйдя на величайшій просторъ, онъ постигъ тайны вѣчности, закрытыя для него на землѣ.

V.

Прошло нѣсколько дней. Ахмакова похоронили въ томъ самомъ монастырѣ, куда мимо его дома возили и другихъ покойниковъ. Въ газетахъ, мѣстной и столичныхъ, сообщалось о его смерти. Провожали его представители разныхъ обществъ, партій. Любители рѣчей называли его на кладбищѣ свѣтлой личностью и желали, чтобы земля была ему легка. Некрологъ начинался такъ:«Ушелъ Алексѣй Кирилловичъ. Съ трудомъ вѣрится...» — и далѣе, все какъ слѣдуетъ. Такъ что можно было сказать, что если при жизни Ахмаковъ принадлежалъ къ *порядочнымъ и честнымъ* людямъ, то смерть его прошла не менѣе солидно: со всѣмъ антуражемъ хорошихъ смертей.

Изъ лицъ мало кому извѣстныхъ, за его катафалкомъ шли Казминъ и Елена. Былъ такой же жаркій день, какъ тогда, когда мимо дома везли старушку. Такъ же лицо Ахмакова было открыто, глядѣло кверху — лишь вѣнковъ было больше. Елена надѣла крепъ. Казминъ былъ молчаливъ, шелъ прямо и суховато. Обоимъ этотъ человѣкъ было въ сущности мало знакомъ; но обоихъ судьба поставила съ нимъ въ странно-близкія отношенія.

Какъ и предполагала, на другой день, утромъ, одѣвшись попроще, Елена ушла съ партіей странницъ, гдѣ были знакомыя изъ имѣнія бабушки. Шли онѣ къ Тихону Задонскому.

Елена простилась съ нимъ просто, по-дружески, но сдержанно. Оба знали, что у каждаго свой путь — и если они встрѣтились, то лишь на минутку, чтобы разойтись навсегда. Но какъ товарищи по общему дѣлу, пожелали они другъ другу добра.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Казминъ ѣхалъ на вокзалъ. Онъ былъ теперь опять спокойнымъ, бритымъ Казминымъ, котораго побаивалась Елена. Въ карманѣ у него лежалъ билетъ въ Петербургъ. Онъ не зналъ, что ждетъ его тамъ — поворотъ къ лучшему, горе, или отчаяніе, но было ясно, что именно такъ слѣдуетъ поступить. Другого пути нѣтъ, а этотъ прямъ — какъ и всегда бывало въ его жизни.

Вечеръ былъ ясный, прохладный. Послѣ дождей особенно ярокъ бархатъ ночного неба. Казминъ закинулъ назадъ голову, — и тогда стало казаться, что не онъ ѣдетъ, а плывутъ мимо него дома, деревья, улицы. Надъ ними же, какъ удивительные свѣточи, горятъ вѣчныя созвѣздія. Онъ вспомнилъ, какъ въѣзжалъ сюда двѣ недѣли назадъ при этихъ же

звѣздахъ. Его мысль перешла на Ахмакова. «Вотъ, — подумалъ онъ, — и vieux voltairien нашелъ свое послѣднее пристанище, и ужъ не будетъ кипятиться».

Навстрѣчу ему, невысоко надъ горизонтомъ, сіяла Капелла, переливаясь огнями; Арктуръ горѣлъ желтовато; и самъ могучій Юпитеръ, стражъ неба, свѣтилъ полно, божественно.

Казминъ очнулся. Они проѣзжали какимъ-то плацомъ, мимо кадетскихъ корпусовъ, по аллеѣ тополей. Близокъ былъ уже вокзалъ. Предстояло итти въ еще далекое для него странствіе, въ буряхъ земныхъ противорѣчій, подъ блескомъ звѣздъ, казавшихся недвижными, какъ вѣчность.

73

ЛЮДИ БОЖІИ.

Люди Божіи.

1. ДОМАШНІЙ ЛАРЪ.

Онъ родился въ усадьбѣ, зимой, третьимъ сыномъ черной кухарки. Мать была ему не очень рада, и не очень не рада. Какъ и всѣ въ деревнѣ, долженъ былъ онъ произрастать естественно, а тамъ — что Богъ пошлетъ. Онъ и произрасталъ. Сколько нужно — кричалъ; сколько нужно — сосалъ; и думалось, во всемъ пойдетъ по стопамъ братьевъ — бойкихъ и живыхъ ребятъ.

Но на третьемъ году выяснилось, что онъ не ходитъ; минуло четыре, пять, онъ не говорилъ, лишь началъ ползать, выгибая дугой ноги. Глазъ его смотрѣлъ вбокъ—не плохой, карій глазъ, но выдавалъ вырожденіе. Мать тужила. Было жаль, что изъ него не выйдетъ работника, какъ изъ Сережи, или Алексѣя. Но, по русско-бабьей склонности, любила она его больше, чѣмъ другихъ, *жалѣла*. Старшіе росли быстро. Они вели жизнь

деревенскихъ ребятъ, зимой гоняли на салазкахъ, лѣтомъ ловили въ рѣчкѣ раковъ, мучили птицъ, кошекъ. Младшій-же сидѣлъ на печкѣ, сиднемъ, какъ Илья Муромецъ. Онъ почти не росъ. Время неслось надъ нимъ незамѣтно. Весь его міръ — печка, мамка, да нѣсколько звуковъ, неизвѣстно что значившихъ. Но это-же время, сдѣлавшее братьевъ крѣпкими мальчуганами, вывело и его на улицу. Сначала робко, боясь упасть, ковылялъ онъ въ братниныхъ валенкахъ; потомъ окрѣпъ, сталъ ходить, даже бѣгать. Гимназическій картузъ явился на головѣ, взоръ повеселѣлъ; къ семи годамъ съ побѣднымъ крикомъ могъ онъ носиться по усадьбѣ, волоча рогожу, дохлую ворону — босой, въ короткихъ штаникахъ, рваной кацавейкѣ; она пестрѣла красными дырами.

Къ нему привыкли, даже полюбили. Нравомъ онъ смиренъ, оживленъ, хотя обидчивъ. Иногда мать подшлепнетъ его, онъ рыдаетъ; но тогда бѣлая кухарка дастъ ситнаго — горе забыто. Онъ бѣгаетъ цѣлый день, лѣтомъ. На всѣхъ путяхъ въ усадьбѣ можно его встрѣтить. Онъ говоритъ мужчинамъ «папа», снимаетъ картузъ; женщины всѣ «мама». У него есть свой языкъ, полуптичій, полузвѣриный; вѣрно, самые первые люди на землѣ такъ говорили. Когда словъ не хватаетъ —

изобразитъ жестомъ, дѣйствіемъ: присядетъ, пробѣжитъ, помычитъ по-коровьи, или побрешетъ. Замѣчательно умѣетъ куковать. Лучше всѣхъ понимаютъ его дѣти. Онъ рыцарь барской дѣвочки. Ей четыре года, ему восемь. Ростомъ они одинаковы; говоритъ она бойко, о чемъ угодно; онъ — лишь съ ней. Она понимаетъ такія фразы:

Онъ (указывая на отца): «бахи — махи, лу (подымается на цыпочкахъ, къ небу), э-э».

Значитъ: «пусть папа влѣзетъ на дерево, пилить вѣтки». Онъ ея неизмѣнный спутникъ, кавалеръ, тѣлохранитель; онъ ей рветъ цвѣты, собираетъ грибы; когда нужно, цѣломудренно отвертывается; весело и покорно возитъ ее въ колясочкѣ, работы дѣда; отгоняетъ гусей, зоветъ маму, все свершаетъ ясно и толково, что она ни скажетъ. И одна есть у него скромная, дневная радость: когда на балконѣ пьютъ чай, онъ является, снимаетъ гимназическій картузъ и тихо говоритъ: «хай». Ему́ даютъ большую чашку жиденькаго чая; онъ прилаживается на лѣстницѣ; голова его коротко острижена, легкими вавилонами; въ рукѣ онъ держитъ блюдце, дуетъ, закусываетъ кусочкомъ сахара, и блаженство можно прочесть на его лицѣ. Выпивъ, подаетъ чашку снова; ему опять наливаютъ, какъ проч-

но заведено — точно маленькому домашнему божку, нехитрому лару древнихъ. Онъ выпиваетъ четыре, пять чашекъ, и когда больше не хочетъ, положитъ чашку на-бокъ, какъ принято въ людской. Онъ уйдетъ. Но куда-бы ни выйти, всюду его встрѣтишь; какъ настоящій обладатель усадьбы, онъ кружитъ по ней, иногда дразнитъ индюковъ, или вытаскиваетъ гвозди; и будто-бы онъ ничего не дѣлаетъ, но онъ живетъ, онъ часть общей жизни; онъ скажетъ вамъ что-нибудь на своемъ языкѣ, засмѣется и убѣжитъ, повинуясь собственнымъ настроеніямъ. Онъ веселится, если сказать ему на его-же нарѣчіи: «бахи — баха», — слова неизвѣстныя, загадочныя.

И иногда, въ дни тяжкіе, когда всѣ взрослые, да и весь, кажется, міръ подавленъ — бываетъ радостно видѣть, какъ маленькій человѣкъ беззаботенъ и счастливъ кускомъ пирога, булкой, конфеткой; легче сердцу, когда видишь, какъ ведетъ онъ домой дѣвочку, какъ хохочетъ, безя ее въ коляскѣ. И вѣрно, правы были древніе, обожествившіе мелкія существа домашней жизни, далекой отъ ужаса мірового; смутно чувствуемъ это мы всегда; потому и не жаль лишняго пряника — какъ не жалѣли его двѣ тысячи лѣтъ назадъ.

Что ждетъ его впереди? Будетъ-ли онъ

деревенскимъ дурачкомъ, юродивымъ, усердным молельщикомъ въ церкви, раньше всѣхъ являющимся? Или просто пахаремъ родныхъ нивъ? Можетъ быть — пильщикомъ, плотникомъ въ артели, работящимъ и толковымъ, но — нѣмымъ, посмѣшищемъ дѣвокъ, неудачникомъ въ романахъ?

Время, медленно ведущее его, покажетъ. А пока — онъ нашъ маленькій домашній ларъ, покровитель и охранитель мирной жизни. Какъ вчера — нынче явится онъ за возліяніемъ, и завтра. Нынче, завтра и послѣзавтра — его получитъ.

---

2. РЕСПУБЛИКАНЕЦЪ КИМКА.

I.

Не надо думать, что его имя — Акимъ. Онъ въ дѣйствительности Федоръ Акимычъ. Фамиліи же, вѣрно, самъ не знаетъ. Для простоты зовутъ его — Кимычъ. Еще короче — Кимка.

II.

Онъ ходитъ въ чужой огромной каскеткѣ, въ чьемъ-то пальто, подпоясавшись ремешкомъ. На кривыхъ ногахъ рваные сапоги.

Лицомъ похожъ на первобытнаго истукана, съ едва намѣченными глазами. Борода его густа и спутана. Изъ нея торчатъ соломинки, мякина; на ушахъ-же, безпощадно оттопыренныхъ каскеткой, ссохлась корка грязи.

Нѣкогда былъ онъ молодъ.

III.

Когда мы ѣхали съ нимъ со станціи, въ телѣгѣ, по выбоинамъ осенней дороги, я сказалъ:

— Кимъ, ты знаешь, вѣдь у насъ теперь республика.

Онъ дернулъ вожжами и обернулся, ухмыляясь.

— Республика!

Я объяснилъ, что это значитъ.

— Кимъ, — прибавилъ я, — пойми, ты вѣдь теперь республиканецъ.

Онъ захохоталъ. Слово ему понравилось.

— Гы-гы-ы... Республиканецъ! Скажешь тоже! Ужъ ты скажешь! Республиканецъ. Гы-гы-ы...

Телѣгу трясло. На одной ямкѣ я вывалился, потомъ опять сѣлъ. Такъ совершали мы скромный путь. Безмѣрныя поля были вокругъ, попадались лѣсочки, запущенные, какъ Кимкина борода, разлатыя деревни, телята,

ребятишки, мужики. Издревле прелестный воздухъ осени. Древне-родная Россія.

Здравствуйте, Кимки! Здравствуйте, граждане-республиканцы! Сколько васъ?

Кимка куритъ ѣдкую цыгарку. Иногда улыбается. Вѣрно. вспоминаетъ смѣшное слово.

IV.

Онъ работникъ въ имѣніи. Его дѣло нехитрое: привезти воды въ бочкѣ, покормить лошадей, напоить ихъ. Съѣздить за керосиномъ. Пропахать картошку, выбросить изъ парника навозъ. Все это дѣлаетъ онъ медленно, какъ настоящій русскій. Почешется, покуритъ, просто поглазѣетъ по сторонамъ. Австріецъ Іохимъ, работающій съ нимъ вмѣстѣ, длинноногій и длиннорукій, похожій на игрушечнаго паяца, презираетъ Кимаша.

— Кимашъ ist dumm, — говоритъ онъ. — Не умѣетъ работать. Только ругается. Er sagt immer... твою мать, твою мать.

Кимка, дѣйствительно, сквернословъ. Рѣчь обычная ему не дается. Трудно этимъ тяжелымъ мозгамъ, нескладному языку произнести что-нибудь связное. Слова вылетаютъ отдѣльныя, хрипло, грубо.

— Напоить... лошадь-то напоить... Ишь чего... Я самъ знаю, что напоить.

Но ругается онъ хорошо. Это удобно тѣмъ, что къ каждому слову можно прибавить знаменитое упоминаніе о матери, троицу, на которой стоитъ русская земля. И будетъ отлично.

Дни Кима проходятъ въ куреніи, вялой работѣ, ѣдѣ, брани. Онъ съ чужой стороны. У него нѣтъ здѣсь близкихъ, да и вообще, кажется, ихъ нѣтъ. Въ томъ-же однообразіи, какъ у Любезнаго, котораго не всегда онъ поитъ, или Аспазіи, чьихъ щенятъ равнодушно закидываетъ, проходятъ его годы.

V.

Онъ сварливъ, раздражителенъ. Съ нимъ трудно. Изъ-за пустяковъ онъ вспыхиваетъ, краснѣетъ и дико ругается. Иногда-же бранится механически, по давней привычкѣ. Во хмелю страшенъ и жалокъ. Думаю, что онъ, опившись спиртомъ, можетъ кончить дни подъ заборомъ.

Внѣ этихъ дѣлъ онъ угрюмъ, равнодушенъ. Хочется вѣрить, что по природѣ онъ не золъ.

VI.

Если сказать: «душа Кимки», то многіе, знающіе его, улыбнутся.

— Какая-же у Кимки душа? Тогда и у

Трезора душа, и у сѣраго придорожнаго валуна?

Все-таки это не вѣрно.

У него есть улыбка, а, слѣдовательно, и душа.

Иногда маленькая барская дѣвочка, встрѣчая его, говоритъ:

— Кимка, у тебя на ногахъ мохъ!

Онъ опускаетъ голову и смотритъ.

— Не кланяйся, вѣдь я не Богъ!

И тогда онъ смѣется.

— Ишь ты... все шутишь... ишь ты шутница...

Лицо его расползается, — доброе, человѣческое въ немъ видно. Да, и онъ тоже вѣдь былъ ребенкомъ, можетъ быть, даже милымъ! А теперь мы радуемся, что въ нашей республикѣ выросъ республиканецъ, умѣющій хоть ответить улыбкой на шутку ребенка.

Какъ ни удивительно, онъ умѣетъ читать. Зимними вечерами читаетъ кухаркѣ, вслухъ, непонятныя книги. Есть извѣстіе, что такъ прочелъ онъ Герберта Спенсера, доставшагося на цыгарки. Потомъ его выкурилъ.

VII.

Нѣкогда онъ былъ женатъ. На вопросъ о женѣ отвѣчаетъ не охотно.

— Ну, былъ и былъ... женился. Ну, ушла жена-то, чего спрашиваешь? А то, жена... жена... Сбѣгла. Вотъ тебѣ и жена.

Есть еще болѣе удивительный слухъ, что уже теперь, въ преклонныхъ годахъ, у него былъ романъ съ дѣвушкой. Но и она «сбѣгла».

VIII.

Если не вѣрить въ Бога, то надо признать, что все его существо, вся тусклая и смутная жизнь, похожая на прозябаніе животныхъ, развѣется безслѣднымъ облакомъ. Жилъ онъ или не жилъ, нельзя будетъ даже сказать.

Если-же вѣрить, то, быть можетъ, предъ Его судомъ гражданинъ Кимка окажется лучше, чѣмъ предъ нашимъ. Быть можетъ, за то, что былъ ему данъ скудный умъ, жалкая внѣшность, дикая рѣчь; за то, что столь мало свѣта видѣлъ онъ въ жизни; за то, что его не любили и смѣялись надъ нимъ, — ему будутъ прощены ругательства. И если вѣрно, что послѣдніе да будутъ первыми, то Кимка, имя коему — тысячи, не вѣдающій о себѣ республиканецъ, будетъ и вправду допущенъ въ ограду и сдѣланъ гражданиномъ иной, не нашей республики.

3. СЕРЕЖА.

I.

Василиса Петровна вздохнула и вытащила изъ комода, на которомъ въ рамкѣ изъ ракушекъ стояла фотографія и лежало нѣсколько бумажныхъ розъ — кусочекъ мыла, синевато-мраморнаго цвѣта.

— И ужъ такъ нечистъ, такъ нечистъ, что просто душенька-бы моя не глядѣла.

Василиса Петровна, немолодая, мучительно-хозяйственная женщина, жена богатаго хуторянина, жившаго на семидесяти десятинахъ помѣщикомъ, была жалостлива, и вообще склонна къ слезамъ. Горько могла рыдать о пропавшей индюшкѣ, о неудавшемся пирогѣ. Десятки маленькихъ огорченій терзали ее. Ея лицо, нѣкогда красивое, выражало теперь сплошной вздохъ. Глаза, какъ будто-бы, всегда заплаканы.

— И по-одумать, говорила она, напирая на о, по-ярославски: по-одумать, гдѣ мыться-то выдумалъ, на галдарейкѣ. Мнѣ, го-оворитъ, здѣсь свѣту больше, и видъ хо-орошій! О, Господи Батюшка, Царица Небесная!

Она вышла на стеклянную галлерейку дома, залитую весеннимъ свѣтомъ. Посреди стояла

лохань, рядомъ два ведра съ холодной и горячей водой. Легкій паръ шелъ отъ кипятка.

Человѣкъ неопредѣленныхъ лѣтъ, въ небольшомъ капорѣ, кацавейкѣ, женской юбкѣ и мужскихъ сапогахъ стоялъ около ведеръ, пробуя воду пальцемъ. Маленькіе его глаза оживленно бѣгали; по небритымъ щекамъ росла желтоватая щетинка.

— Вотъ и благодаренъ, очень вамъ благодаренъ, Василиса Петровна,—заговорилъ онъ быстро и вѣжливо:—я теперь отлично вымоюсь, а то меня очень вошки заѣли, такъ кусаются, такъ кусаются... Тутъ очень свѣтло, и видъ хорошій со второго этажа, садъ, зелень, лѣсочекъ... совсѣмъ по-благородному. Сережа снялъ кацавейку и почесался.

— Довершите вашу любезность,—сказалъ онъ: — когда я буду мыться, потрите мнѣ спинку. А то, знаете-ли, трудно самому, очень трудно.

— Ну и скажешь, правда, ну и такое скажешь... Василиса Петровна опять разстроилась.

— Какъ-же я тебѣ спину буду тереть, когда я женщина, не какая-нибудь... Мнѣ вѣдь неудобно, ты мужчина.

— Что вы, что вы, я-бы никогда не осмѣлился... Но чего-же меня стѣсняться? Я самъ женщина... вы-же знаете.

— О-охъ, блаженный ты, блаженный... На вотъ тебѣ мыла, пришлю мальчишку, онъ тебѣ поможетъ.

Сережа засмѣялся мелкимъ смѣшкомъ, и по-женски закрылъ руками грудь.

— Только маленькаго, а то взрослаго я постыжусь, они насъ обидѣть могутъ...

Василиса Петровна вздохнула, и ушла.

Сережа снялъ рубашку, юбки, попробовалъ обмыться холодной водой, но показалось непріятно. Горячая слишкомъ была горяча. Много времени онъ потратилъ, чтобы сообразить, что воду надо смѣшать. Что-то напѣвалъ, мурлыкалъ, подходилъ къ стеклянной стѣнкѣ, и глядѣлъ, какъ работникъ везъ въ колымажкѣ навозъ подъ яблони. Наконецъ, съ блаженнымъ видомъ сталъ оттирать мыломъ свое тѣло — худенькое, желтое, со слѣдами многихъ укусовъ. Когда черезъ нѣсколько времени къ нему вошелъ рыжій мальчикъ лѣтъ десяти, съ бойкой рожицей, — Сережа, тощій, съ подведенными ребрами, какъ Іоаннъ Креститель, стоялъ въ лоханки, по колѣна въ водѣ, и радостно улыбался. Онъ забылъ лишь снять сапоги — такъ въ нихъ и мылся. Мальчикъ взглянулъ на него, прыснулъ, но все-же помогъ.

Черезъ четверть часа Сережа одѣлся — ему дали чистую рубашку; причесался, на-

цѣлъ капотъ, кацавейку, и пришелъ благодарить Василису Петровну. Увидѣвъ на комодѣ бумажныя розы, онъ попросилъ, нельзя-ли взять одну, на память.

— Моя покойная сестрица очень розы любила,—говорилъ онъ, прикалывая цвѣтокъ къ капору, и глядясь въ зеркало. — Какъ вы думаете, Василиса Петровна, мнѣ желтая больше пойдетъ, или красная?

— Да ужъ бери, бери, что тамъ разсматривать.

Василиса Петровна вздохнула. Она вспомнила, что скоро будутъ дѣлить у нихъ скотъ и инвентарь. На глазахъ ея выступили слезы.

— Прощайте,—сказалъ Сережа.— Еще благодарю васъ, Василиса Петровна. А теперь возьму палочку... мнѣ итти надобно — некогда, некогда-съ, Василиса Петровна.

— Да какія у тебя дѣла-то!

Василиса Петровна была права. Сравнительно съ ней, чей день полонъ былъ заботами о скотѣ, индюшкахъ, курахъ, пирогахъ — Сережа могъ считаться совершенно праздднымъ.

Онъ спустился внизъ. Собаки залаяли. Но онъ ихъ не боялся. Да и онѣ не отнеслись къ нему всерьезъ. И онъ двинулся по деревни, мимо пруда.

II.

Былъ апрѣль, время ранней весны, когда едва поля обсохли, снѣгъ въ оврагахъ не дотаялъ, пригрѣваются взгорья, затянутыя сѣроватой пленкой. Появилась крапива, да тонкія, изумрудныя иглы гусиной травки. По дорогамъ пустынно; если крестьянинъ встрѣтится, — чаще верхомъ, на нечищенной, патлатой и голодной лошаденкѣ. Но ужъ тепло; нѣжно голубѣетъ небо, блѣдно-размыты зеленоватыя зеленя. И еще нѣсколько дней, скотъ, пасущійся по парамъ, станетъ кой-что доставать.

Церковь въ селѣ Никоновѣ, куда брелъ Сережа, стояла въ сторонѣ, за барскимъ садомъ. За церковной оградой, съ плитами памятниковъ, начинался осенникъ, сейчасъ еще голый, сѣро-зеленоватый; тамъ влажно, кой-гдѣ лютикъ желтѣетъ, да бѣлѣетъ снѣгъ. На паперти яркокрасной церкви съ зеленымъ верхомъ стояли бабы, дѣвушки, нѣсколько стариковъ. Человѣкъ съ прямымъ проборомъ, примасленными, блестящими волосами — невымершій еще русскій типъ — отворялъ ворота въ ограду, всматривался въ дорогу между садами, хлопоталъ — видимо, принималъ близкое участіе. На колокольнѣ пере-

званивали. Могильщики, здоровые парни въ солдатскихъ гимнастеркахъ, съ завитыми чолками, кончали могилу. Желтая земля ярко выступала на снѣгу.

Сережа пробрался къ бабамъ, тоже смотрѣлъ, улыбался, иногда бормоталъ про себя.

Высокій помѣщикъ, съ сѣдыми усами и огромными руками, въ поддевкѣ, сказалъ полковнику, указавая на него:

— А вѣдь богатѣйшій былъ человѣкъ!

Полковникъ, бритый, съ небольшимъ бобрикомъ, ястребинымъ носомъ, несмотря на изгнаніе, походилъ еще на множество полковниковъ.

— Помѣшанный?—спросилъ онъ разсѣянно.

— Въ этомъ родѣ. У него, изволите-ли видѣть, сестра нѣкогда была... Ну-те-съ... Эта сестра умерла. И онъ, представьте себѣ, вообразилъ, что душа сестры въ него переселилась, и что онъ женщина... Обратите вниманіе, у него и роза прикрѣплена... Онъ какъ... однимъ словомъ, несчастное существо...

— Это бываетъ, — сказалъ устало полковникъ. — У меня въ четвертой ротѣ рядовой себя корпуснымъ командиромъ объявилъ. Пришлось удалить.

— Но замѣтьте, что вотъ онъ явился-же на похороны. Надо вамъ доложить, что покойный Андрей Михайловичъ, какъ секретарь дво-

рянской опеки, изъ дворянскихъ суммъ нанималъ ему комнатку, этакое, знаете-ли, пристанище... Однимъ словомъ, не забылъ послѣдній долгъ отдать.

Полковникъ поморщился.

— Ну, врядъ-ли понимаетъ... Посмотрите, чѣмъ занялся.

Сережа, подъ шопотъ и смѣшки молодыхъ бабъ, подошелъ къ кусту акаціи, снялъ кацавейку, сталъ ее вытряхать. На солнцѣ блеснула золотая серьга въ ухѣ.

— Такъ, такъ, хорошенько тряхни, — посмѣивались бабы. Старшія ихъ остановили.

— Чего ржете? Надъ нимъ плакать, а не смѣяться впору.

Вдали показался священникъ въ бѣлой ризѣ, за нимъ гробъ. Помѣщикъ и полковникъ вздохнули, вышли изъ воротъ ограды, навстрѣчу. Въ простомъ сосновомъ гробу, поколыхиваясь на бѣлыхъ полотенцахъ, приближался прахъ Андрея Михайловича, котораго зналъ весь уѣздъ, который нѣкогда былъ мѣстнымъ львомъ, земцемъ, представителемъ древняго, но небогатаго рода, другомъ Сережи — и скончалъ дни свои на небольшомъ хуторкѣ въ трехъ верстахъ.

Сережа встрѣтилъ гробъ, за которымъ шли заплаканныя дамы, какъ и всѣ — крестился, но его желтоватые глазки бѣгали съ такой-же

быстротой, довѣрчивостью, какъ на галлерейкѣ Василисы Петровны. Вмѣстѣ со всѣми онъ прошелъ въ церковь.

Обѣдня шла довольно долго. Церковь вся была полна голубоватымъ, весеннимъ свѣтомъ. Золотистые его ковры ложились на амвонъ, на старинный иконостасъ, раздѣланный подъ малахитъ, съ барочными волютами вверху, и итальянской, полукруглой нишей, какъ-бы для статуи. Туда лицомъ былъ обращенъ покойникъ. Вѣнчикъ со словами: «Святый Боже, Святый Крѣпкій» опоясывалъ лобъ. Потемнѣвшее лицо съ черными усами выражало то непередаваемое и нечеловѣческое, что нерѣдко бываетъ у мертвыхъ. Служилъ священникъ съ лбомъ Сократа и кудрявымъ обрамленіемъ лысины. Хоръ сбивался. Къ причастію бабы вынесли плачущихъ дѣтей. Молодой человѣкъ независимаго вида, за псаломщика, помогавшій священнику, утиравшій ребячьи ротики, по окончаніи обряда снисходительно улыбнулся на клиросъ: тамъ стояли такіе-же передовые юноши съ начесами. Его улыбка говорила: «я работаю, но, разумѣется, вѣдь это предразсудокъ». Человѣкъ съ намасленнымъ проборонъ по срединѣ головы, въ поддевкѣ, съ безкровными губами, какъ и много лѣтъ назадъ, обходилъ съ тарелкою и кружкой.

Сережа стоялъ на клиросѣ. Иногда онъ подпѣвалъ, случалось — даже въ тонъ, иногда фальшивя. То разсматривалъ близкихъ покойнаго, и родныхъ, толпившихся у гроба, то отворачивался, чесался и вертѣлся. Къ словамъ «придите съ послѣднимъ цѣлованіемъ» онъ остался безучастенъ. И когда рыданія раздались, съ удивленіемъ повернулъ голову; потомъ принялся ловить муху, бившуюся о стекло, на солнцѣ.

Въ дверяхъ лѣзли любопытные, даже хихикали, разсматривая, какъ кто прощается. Потомъ растворилась боковая дверь. На ветхомъ каменномъ крыльцѣ пригрѣвало. Изъ расщелинъ плитъ, подъ апрѣльскимъ солнцемъ, пробивалась травка. Поблескивала кадильница; ладонъ ярче синѣлъ. Бывшій лебъ, земецъ и дворянинъ приближался къ мѣсту упокоенія. Застучалъ молотокъ. Полетѣли внизъ пригоршни глины, рыжей и вязкой. Дѣвки висли на оградѣ, чтобы не пропустить чего.

Серьезный, немолодой мужикъ, глядя на засыпаемую могилу, сказалъ родственнику умершаго:

— Мы-то его теперь не дождемся. А онъ насъ встрѣтитъ.

Потомъ помолчалъ, и прибавилъ:

— Умаялся, сердешный.

Сережа подошелъ къ дамамъ, улыбнулся, и вѣжливо попросилъ милостыню. Ему подали.

И пока долго и тщательно засыпалась могила, оставшіеся вели свои скромныя земныя дѣла: неизвѣстно было, кому отдать бѣлыя полотенца — въ церковь, или могильщикамъ. Кому ѣхать и кому не ѣхать на поминальный обѣдъ. У нагрѣтой солнцемъ стѣны мужики разсуждали о ссорахъ въ комитетѣ. Они имѣли важный, сосредоточенно-хозяйственный видъ. Всѣ эти дни дѣлили землю. И сейчасъ надо было итти, отмѣривать, вычислять осьминники, нивы, десятины. На ихъ лицахъ было выраженіе значительности, и той пріятности, которую довольному трудно бываетъ скрыть.

Сережа побродилъ между могилками, убѣдился, что больше не подадутъ, и поплелся въ чайную.

III.

Врядъ-ли онъ понималъ, что съ Андреемъ Михайловичемъ ему не встрѣтиться. Врядъ-ли зналъ, что вѣчность легла между нимъ и высокимъ человѣкомъ съ черными усами, какъ раздѣлитъ она радующихся и огорченныхъ, берущихъ и лишаемыхъ. Онъ шелъ осинникомъ и ни о чемъ не думалъ. У поворота къ

селу, на опушкѣ, блеснулъ подъ солнцемъ срѣзъ свѣжаго пня, залитаго сокомъ. Въ этомъ блистаніи была весна, какъ и въ сухихъ, слегка пылящихъ ноги и шуршащихъ прошлогоднихъ листьяхъ.

Въ чайной Сережу покормили. Тутъ еще больше было мужиковъ, занятыхъ своими важными дѣлами. Говорили о томъ, что нѣтъ сѣмянъ на яровой посѣвъ. Что одни зимой чрезмѣрно расторговались. другіе овесъ поѣли за недостаткомъ хлѣба. Какая-то баба кричала, что ей не даютъ земли на малолѣтняго, и что она будетъ дѣлать со своими тремя осьминниками? Какъ всегда, были критики, и недовольные.И хотя казалось-бы, что довольныхъ больше, недовольные шумѣли громче.

Съ мужикомъ, ѣхавшимъ въ городъ, пристроился на облучкѣ телѣги и Сережа. Онъ не могъ-бы сказать, почему именно ѣдетъ.

— Въ городъ тебѣ, что-ли?—спросилъ мужикъ. — Чудной, ты въ какія Палестины?

Сережа улыбнулся, и отвѣтилъ:

— Подвезите, пожалуйста... Масса дѣлъ, масса дѣлъ... Все-то не упомнишь.

Онъ наморщилъ лобъ, сдѣлалъ серьезное лицо, какъ будто въ уѣздной метрополіи, правда, ждали его необычайно важныя занятія.

Они одиноко ѣхали съ мужикомъ по весеннимъ полямъ, еще никѣмъ не оглашеннымъ, кромѣ жаворонковъ, высоко и трепетно стоявшихъ въ воздухѣ. У села Овечья, въ ложбинкѣ, гдѣ ярко краснѣли ободранные пеньки ольхъ, чуть было не угодили въ трясину. У Павлушина встрѣтили мужиковъ, шедшихъ по парамъ группою, съ тѣмъ сосредоточенно-довольнымъ видомъ, какъ и тогда у церкви: эти дѣлили землю. А за Павлушинымъ попались, какъ изъ сказки, старикъ со старухой, съ палками и съ мѣшками за спиной: та-же Русь, только съ голоду вышедшая побираться.

— Сла-а-бода! — сказалъ мужикъ, поровнявшись съ ними, и плюнулъ.

Скоро выѣхали на большакъ, обсаженный дуплистыми и корявыми ракитами. Вдалекѣ завиднѣлась уже, полускрытая возвышенностью, соборная колокольня, и налѣво засинѣла, темнѣя вдали лѣсами, долина Оки. Но въ Кудашевѣ, большомъ селѣ съ барскимъ паркомъ, ампирнымъ домомъ, прудомъ и желѣзнымъ мостикомъ на клочкѣ шоссе, Сережа завозился, и сталъ озираться. Когда доѣхали до деревянной церкви, со старыми колоннами тоже стиля ампиръ, среди вѣковыхъ березъ, Сережа вдругъ спрыгнулъ.

— Эй ты, заяцъ, куда поскакалъ? — крикнулъ возница.

— Я тутъ, я сейчасъ, по дѣламъ, на минутку, —заговорилъ Сережа.—Мнѣ-бы тутъ къ учительницѣ зайти, все собираюсь, собираюсь отдать визитъ, неудобно, ужъ сколько времени не навѣщалъ...

— Ну, тебя тутъ ждать не будутъ,—сказалъ мужикъ, и стеганулъ лошадь. — Ви-зи-ты у него!

Но Сережа не обратилъ вниманія. Мимо огромной, кирпичной, вновь строящейся церкви онъ прошелъ къ нарядному каменному дому съ большими окнами, типа станцій, подъ зеленой крышей — гордости стараго земства — новой школѣ.

Учительница Вѣра Степановна, маленькая, аккуратная дѣвушка въ бѣломъ воротничкѣ, уже пообѣдала, когда явился Сережа. Онъ бывалъ здѣсь, и она не удивилась его приходу.

— Я къ вамъ съ визитомъ, съ визитомъ,— быстро заговорилъ Сережа. — Надо-же отдать визитъ, а то неудобно. И еще дѣльце есть малое.

Вѣра Степановна была очень чистоплотна. Она затворила дверь къ себѣ въ комнату, и повела его въ классъ, просторный и свѣтлый. Она боялась его насѣкомыхъ.

— Какое-же у васъ дѣло? — спросила она, сѣвъ за столикъ и взглянувъ на него ясными, сѣрыми глазами. Въ нихъ сквозила ея душа — честная, и увѣренная въ пользѣ книжекъ, просвѣщенія и четырехъ правилъ ариѳметики.

— Надо меня провѣрить, — сказалъ Сережа, совсѣмъ серьезно. — Обученіе юношества, вы знаете, какъ я къ этому отношусь. Разумѣется, въ прежней жизни я достаточно хорошо владѣлъ перомъ... Но для учительской дѣятельности, въ наше время...

Вѣра Степановна не поняла.

— О какой дѣятельности вы говорите?

Сережа улыбнулся.

— Ахъ, я не разсказалъ! Какая забывчивость! Меня собираются назначить учительницей, въ Малоземово, вы понимаете... А я такъ мало упражняюсь въ письмѣ, что быть можетъ забылъ... Будьте любезны, вы какъ сотоварищъ по просвѣщенію народа...

Онъ схватилъ листъ бумаги, обмакнулъ перо и быстро сталъ выводить буквы.

Вѣра Степановна вздохнула. Она даже не улыбнулась. Она была дѣвушка серьезная, и разъ Сережа безумный, то удивляться не слѣдуетъ. Это-было-бы неинтеллигентно. А какъ разъ завтра ей нужно выступать на

учительскомъ собраніи, въ городѣ, и тамъ отстаивать интеллигентность.

— Совершенно правильно, — сказала она, взглянувъ на написанное. Передъ *который* мы ставимъ запятую.

— Вѣрно, вѣрно, виноватъ! Разумѣется, запятую.

Потомъ онъ подошелъ къ доскѣ, взялъ мѣлъ, и сталъ рѣшать какія-то задачи. Но здѣсь ариѳметика Вѣры Степановны должна была ужъ отступить: Сережа складывалъ, дѣлилъ и вычиталъ по правиламъ другой, лишь ему вѣдомой науки. Вѣра Степановна не возражала. Приглядѣвшись, замѣтивъ, что сегодня онъ гораздо чище обычнаго, она позвала даже его пить чай, къ себѣ въ комнату.

Откусывая кусочекъ сахару, и дуя на блюдечко — глазки его бѣгали, какъ у звѣрка — Сережа говорилъ:

— Значитъ, вы находите, что я не позабылъ? Это очень пріятно. А то представьте себѣ, назначаютъ новую учительницу, она является, и не знаетъ, гдѣ букву ять ставить! *Шкандалъ*!

Онъ посидѣлъ еще немного, и сказалъ, что ему пора. Узнавъ, что завтра Вѣра Степановна будетъ въ городѣ, онъ очень обрадовался.

— Я тоже приду на собраніе. Какъ-же, какъ-же, необходимо... сплоченіе просвѣщенныхъ людей!

И еще разъ прибавилъ, что если назначаютъ учительницу, а она не умѣетъ писать, то это просто *шкандалъ*.

Солнце садилось, горѣло въ крестѣ церкви. Грачи орали на березахъ — тамъ настроили они гнѣздъ. Сережа, съ длинной палкою, отъ собакъ, вышелъ на большую дорогу. Опять росли по ней дуплистыя, низкія ракиты. Въ канавѣ блестѣла вода, розовѣя на закатѣ. Справа, слѣва, тѣ-же зеленя, по которымъ бродятъ спутанныя лошади.

Неясная, но неизмѣнно дѣйствующая сила вела его впередъ, по этому большаку, въ городъ, какъ завтра, можетъ быть, поведетъ въ другой конецъ уѣзда. Онъ не помнилъ ужъ ни объ утрѣ у Василисы Петровны, ни о похоронахъ, ни о будущемъ своемъ учительствѣ. Ему навстрѣчу надвигался зеленоватый апрѣльскій вечеръ. Онъ смѣнялся ночью. И уже весеннія звѣзды зажигались. Оріонъ рано скрылся за горизонтомъ. Подымалась Дѣва, со своею Спикой. За ней всходилъ четырехугольникъ Ворона. Въ это время въ уѣздѣ одни, какъ Василиса Петровна, горевали о своихъ достаткахъ, отходящихъ къ другимъ, другіе мечтали о получаемомъ,

третьи, какъ учительница, готовились къ общественнымъ треволненіямъ, и всѣ, обычно въ этотъ часъ въ деревнѣ, собирались спать. Они жили и дѣйствовали, считая свои дѣйствія важными, и жизнь — вѣчной. Андрей Михайловичъ спалъ очень крѣпко. Его знакомый, помѣщикъ съ большими руками, думалъ посадить въ изголовьѣ его дубокъ вмѣсто памятника.

А Сережа шелъ. Онъ ничего не зналъ. Надъ нимъ было ночное небо.

123

ОСЕННІЙ СВѢТЪ.

Осенній свѣтъ.

I.

Изъ своего большого имѣнія, верстъ за пятнадцать, Ковалевъ пріѣхалъ въ усадьбу Лиски. Здѣсь жила раньше его мать. Но сгорѣлъ домъ, матери пришлось перебраться къ нимъ въ Авдѣево, гдѣ у Ковалева была красивая и самомнительная жена, грудныя дѣти, запутанное хозяйство. Мать плохо уживалась съ женой. И Ковалевъ торопился достроить ей домъ, чтобы вновь, всецѣло погрузилась она въ куръ, индюшекъ, гусаковъ— главную приманку ея жизни.

Былъ полдень сѣроватаго, сентябрьскаго дня, когда коляска его въѣзжала во дворъ. Онъ вылѣзъ у конторы — небольшой избы, съ которой рядомъ висѣлъ колоколъ для рабочихъ. Курица спрыгнула съ крыльца. Вышла, разумѣется, баба.

Оглянувшись, онъ увидѣлъ знакомую куртину елочекъ, амбаръ, и за ними недостроенный кирпичный домъ, съ ямами для извести по бокамъ. Въ просвѣтъ вдали виднѣлся лу-

жокъ, чуть затуманенный. Небо стояло надъ всѣмъ этимъ блѣдное, пріятно-тихое. Ковалеву вдругъ вспомнилось, что все было такъ-же и очень давно, при отцѣ, когда они тутъ жили въ большомъ низенькомъ домѣ, отъ котораго теперь остался только рояль въ сараѣ, да старинные часы — ихъ успѣла вытащить Авдотья Сергѣевна. «Въ такой денекъ,—подумалъ Ковалевъ,—отецъ навѣрно собрался бы съ гончими, трубилъ-бы по сосѣднимъ лѣсамъ и вернулся-бы веселый, съ парой зайцевъ».

Баба достала ему старосту — мрачнаго человѣка, не тратившаго словъ зря; Ковалевъ снялъ дорожное пальто, широко сидѣвшее на его полномъ тѣлѣ, и тронулся за старостой на стройку. Староста шелъ въ валенкахъ, въ рукахъ у него была палка; изъ ушей росли сѣдыя космы, въ морщинахъ на шеѣ — многомѣсячная грязь.

— Что-жъ, — спросилъ Ковалевъ, — стропилы къ Покрову поставимъ?

Староста оглянулся.

— Развѣ съ этимъ народомъ управишься? Опять-же и кирпича не хватитъ...

Въ это время они ходили по доскамъ, уже внутри дома; въ выведенныя окна кусками глядѣла даль, слегка сизѣющая; снизу, у фундамента, густо выбивался чертополохъ; пахло сыростью и известкой; двое камен-

щиковъ выкладывали капитальную стѣну и при видѣ барина сняли шапки.

— Какъ-же такъ не хватитъ? — спросилъ Ковалевъ съ неудовольствіемъ.

Но оказалось, что именно и не хватитъ, какъ разъ такъ, какъ всегда не хватаетъ. Растащили-ли его, ошиблись-ли въ расчетѣ сами, только, правда, надо было прикупить. Ковалевъ нѣсколько даже разсердился — скучно, что исторія съ этимъ домомъ все затягивается. Онъ сталъ было выговаривать старостѣ. Тотъ стоялъ предъ нимъ равнодушно-почтительно, съ такимъ видомъ, что все равно ничего не подѣлаешь. Ковалевъ только зря себя вывелъ изъ того задумчиваго, нѣсколько меланхоличнаго настроенія, въ какомъ сюда ѣхалъ. Въ концѣ концовъ махнулъ онъ рукой и сошелъ по доскамъ внизъ; только сердце его сильнѣй билось; какъ нерѣдко въ послѣднее время, онъ слегка задыхался, когда шелъ къ конторѣ.

— А то еще у Серебренниковой барыни кирпича можно разжиться, — сказалъ неожиданно староста, сзади. — У ней, сказываютъ, заводъ новый, кирпичный. Вотъ, заѣзжайте, поторгуйте.

— Это я и безъ тебя знаю, что заводъ... Ф-фу... — Ковалевъ задохнулся и остановился: — скажи Егору, чтобъ корзинку мою

взялъ изъ коляски, ну, позавтракать... Самоваръ мнѣ поставьте, и все. Я тутъ въ садъ еще пройдусь.

Ковалеву хотѣлось быть одному. Опираясь на палку, не особенно легко шагая, онъ прошелъ мимо конюшенъ, гдѣ дѣвки выгребали навозъ, мимо избы рабочихъ,— тамъ въ стружкахъ бродили ребятишки, — и направился къ старымъ липамъ, за которыми тянулся фруктовый садъ. Здѣсь было уединеннѣй. Золотисто-коричневатый листъ лежалъ по дорожкѣ, шуршалъ подъ ногой. Липы обнажились; ихъ огромные, темные стволы стояли какъ-бы стражами, важные, въ два ряда. Мѣстами кленъ ярко золотѣлъ. Яблони частью окопаны. И надъ всѣмъ — горьковатый, влажный и ранящій запахъ осени.

Ковалевъ остановился въ этомъ мѣстѣ, гдѣ въ аллеѣ липы дѣлали полукруглый выступъ; тутъ стоялъ ветхій столикъ, скамейка; онъ сѣлъ. Снялъ нехитрую, плюшевую шляпу и закурилъ. Отсюда видно было, какъ ходили въ усадьбѣ, слышался шумъ вѣялки за елками, мелькали поденщицы. Пронесъ корзину Егоръ. Корова забрела къ стройкѣ — ее отогнали. «Все то-же, все то-же», думалъ Ковалевъ. «Двадцать, тысяча лѣтъ пройдетъ, такъ-же будетъ опадать листъ липъ, такъ-же будутъ вѣять, и корова такая-же побредетъ.

Мы-же все хлопочемъ, женимся, родимъ и занимаемся жизненными дѣлами». Тутъ онъ вспомнилъ, что староста, конечно, правъ, кирпича, разумѣется, придется тотчасъ купить и, конечно, вѣрно,что для этого надо съѣздить къ «Серебренниковой барынѣ». — Вспомнивъ эти слова, такъ давно неслышанныя, Ковалевъ чуть не вздрогнулъ — можетъ быть и потому, что вообще въ послѣднее время чувствовалъ себя неважно. «Неужели все это еще есть? Еще есть Нина Андреевна, ея усадьба, луга?» Все это показалось ему страннымъ.

II.

Давно, когда жили они здѣсь, въ Лискахъ, Петя Ковалевъ былъ робкимъ юношей, студентомъ университета; отецъ подтрунивалъ надъ нимъ и говорилъ, что врядъ-ли изъ него выйдетъ хозяинъ: Петя не любилъ этого дѣла. Но отецъ ослабъ, заболѣлъ, и четыре года до его смерти, четыре мрачныхъ деревенскихъ года, онъ провелъ въ усадьбѣ хозяиномъ — вѣрнѣе, приказчикомъ отца. Въ тѣ времена онъ бывалъ часто у Нины Андреевны Карстенъ, въ замужествѣ Смѣловой — уже тогда вдовы, богатой «Серебренниковой барыни».

А теперь, катя въ своей коляскѣ по гулкой,

сентябрьской дорогѣ, глядя на неубранные еще загоны картофеля съ потемнѣвшей ботвой, на рыжее жнивье и дивные зеленя, Ковалевъ не безъ волненія и любопытства старался себѣ представить, каково сейчасъ въ Серебренниковѣ, какая Нина Андреевна, какъ живетъ и какъ онъ ее встрѣтитъ. Не видѣлъ онъ ее давно — съ тѣхъ поръ, какъ отецъ умеръ, и какъ самъ сбѣжалъ онъ за-границу — лѣтъ семнадцать.

Когда переѣзжали вбродъ рѣчку, въ верстѣ отъ ея имѣнія, Ковалевъ не удержался и сказалъ кучеру: «Правѣе, правѣе, тутъ глубоко» — и оказался правъ, память не измѣнила: въ тѣ темныя ночи, когда приходилось возвращаться черезъ этотъ бродъ, онъ отлично зналъ, гдѣ надо «брать правѣе»... Дальше шли луга, очень пологіе, вдали мельница, стога, село за рѣчкой, а налѣво дорога медленно подымалась и, мимо полосъ жнивья, темнозеленаго льна и бурой гречихи, шла къ Серебренникову. Понемногу шире и шире разстилался горизонтъ; завиднѣлся уже въ туманящихся,слегка серебристыхъ даляхъ большакъ въ уѣздный городъ, а прямо изъ-за подъема выростала роща и риги Нины Андреевны.

Ковалевъ зналъ, что въ усадьбѣ много перемѣнъ. Вдали виднѣлся кирпичный за-

водъ. Не весьма его удивило, когда вмѣсто знакомыхъ, широко-неряшливыхъ строеній онъ увидѣлъ новый скотный подъ цинковой крышей, удивительный каменный подвалъ, похожій на мавзолей; за особенной загородкой свиней, среди которыхъ ходила дѣвица западнаго вида: Нина Андреевна все имѣніе сдала латышу, и онъ ввелъ свой образцовый духъ.

Когда по знакомому полукругу между сиренью подкатила коляска къ подъѣзду, встрѣтился мальчикъ въ пальто и зеленой тирольской шляпѣ съ перомъ; этотъ бѣленькій мальчикъ имѣлъ также видъ независимый, того рода, что называется у насъ «мальчикъ въ штанахъ». Онъ слегка подразнилъ хворостиной собаку въ конурѣ и прослѣдовалъ дальше.

Ковалевъ вылѣзъ у крыльца съ клеенчатой дверью и небольшимъ навѣсомъ. Теперь все было подновлено; домъ заново крытъ въ тонъ латышскимъ постройкамъ, въ окнахъ новыя рамы, все помолодѣло какой-то прочной, дѣловитой молодостью. «Дѣйствуетъ Нина Андреевна, все дѣйствуетъ», думалъ онъ, входя. «Не сдается».

— Барыня въ саду, — сказала горничная, въ чистомъ фартучкѣ, снимая съ него пальто.— Вамъ придется обождать.

Чрезъ большую залу онъ прошелъ въ гостиную и оттуда на балконъ. Этотъ балконъ былъ теперь обращенъ въ веранду; вся она въ цвѣтахъ; на столѣ блестящій круглый самоваръ, недопитый чай, салфеточки, печенье, съ обычнымъ изяществомъ и какъ-бы съ небрежностью; въ дальнемъ углу качалка.

Сколько разъ сиживалъ Петя Ковалевъ на этой самой террасѣ, также дожидаясь хозяйки, не зная, куда дѣвать пухлыя руки и большія ноги! Нынѣшній Ковалевъ вздохнулъ. Въ этомъ домѣ и на этой террасѣ, откуда виденъ сбѣгающій внизъ садъ, луга за нимъ и далекіе бугры зеленей, сжигалась и сгорѣла его юность: юность скудная, и диковатая, но страстная.

Снизу, по дорожкѣ, шла Нина Андреевна; въ рукѣ у нея было нѣсколько розъ, она одѣта въ сѣрый костюмъ, такая-же высокая и статная. На террасу вошла бодрымъ, энергичнымъ шагомъ; поднесла къ лицу розы, провела ими по щекѣ и взглянула, улыбаясь, на Ковалева.

— Вотъ это кто! Забывшій меня сосѣдъ. Ну, рада васъ видѣть.

Она протянула душистую, бѣлую руку, всегда казавшуюся ему властной. Ковалевъ поцѣловалъ ее.

— Все такая-же, Нина Андреевна, — сказалъ онъ: — и время на васъ не дѣйствуетъ.

Она улыбнулась. И глядѣла на него все тѣми-же голубоватыми, ясными глазами. Тѣ-же пепельные волосы, нѣсколько полная и очень свѣтлая шея; лишь вглядѣвшись, замѣтилъ онъ мелкія морщинки у глазъ и коричневатые обводы.

— Какимъ-же вѣтромъ васъ, все-таки, занесло? Вѣдь вы, знаете, сколько у меня не были? — Она на мгновенье пріостановилась. — Да лѣтъ пятнадцать. Пятнадцать лѣтъ!

Ковалевъ подперъ руками голову, гладилъ слегка бороду и смотрѣлъ теперь не на хозяйку, а вдаль, на осенніе луга.

— Все такая-же, — повторилъ онъ. — Я гляжу на васъ и думаю: вы очень крѣпкая женщина, Нина Андреевна.

— Ну, а вы, — сказала она: — измѣнились. Не скрою. Какъ-бы это назвать... да, вы тогда были робкій студентъ...

Ковалевъ засмѣялся.

— А теперь — грузный баринъ. медвѣдь, съ плохимъ сердцемъ...

— Ахъ вы, русскій человѣкъ! Всѣ-то вы склонны къ минору, къ меланхоліи.

— Да, а надо разумно и съ достоинствомъ вкушать отъ жизни? И затѣмъ спокойно уходить?

— Сейчасъ вы навѣрно вдадитесь въ философію, — мягко сказала она. — Вы тогда

были очень застѣнчивы и, простите меня, нѣсколько нескладны. Но иногда прорывались въ бурныхъ тирадахъ.

— Теперь не прорвусь. Да, теперь... какъ смѣшно! Какъ смѣшно, зачѣмъ, собственно, я къ вамъ пріѣхалъ!

И тутъ, вставъ, медленно прохаживаясь по балкону, онъ ей разсказалъ, съ легкой, но какъ-бы и насмѣшливой улыбкой, что ему нуженъ кирпичъ, и сколько, и когда.

— Хорошо-бы, — сказалъ онъ въ заключеніе: — если-бы мы съ вами стали торговаться, спорить, выбивать другъ у друга лишній десятокъ рублей.

Нина Андреевна согласилась, что это былобы очень смѣшно.

Она сидѣла теперь за тѣмъ-же чайнымъ столомъ, такъ-же наливала спокойной, дѣловитой рукой чай сквозь ситечко, неторопливо двигала посуду, неторопливо вытирала, какъ привычный, и очень увѣренный въ себѣ человѣкъ. Глядя на нее, можно было подумать, что свой жизненный путь, правда, проходитъ она легкими, бѣлыми стопами, съ той-же простотой, какъ и держится, какъ моетъ чашки. «Въ ней есть шведская кровь,—подумалъ Ковалевъ:—и недаромъ она меня упрекнула русскимъ моимъ происхожденіемъ».

Ихъ разговоръ прервалъ человѣкъ въ кар-

тузѣ, въ плебейски-грубомъ коричневомъ пиджакѣ, крѣпкій, красный, съ обвѣтренымъ лицомъ: арендаторъ имѣнія. Онъ тяжело пожалъ Ковалеву руку и заговорилъ съ Ниной Андреевной о поросятахъ, о жмыхѣ на зиму для коровъ и разныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ. Ковалевъ догадался, что это отецъ того мальчика въ зеленой шляпѣ, съ перомъ, котораго онъ встрѣтилъ у подъѣзда. У этого отца была щетинка на лбу, маленькіе, хозяйственные глаза, очень быстрые; весь онъ глубоко начиненъ своими сельско-хозяйственными интересами и сыпалъ безъ умолку — о свиньяхъ, о жмыхѣ, кормахъ. Ковалевъ уже зналъ эту прочную, жизненную породу. Гдѣ-то онъ видѣлъ четырехугольное лицо и большія ноги; слышалъ полурусскій говоръ и уже зналъ все о свиньяхъ. Ему стало скучно. Онъ спустился въ садъ. Онъ сказалъ Нинѣ Андреевнѣ, что не хочетъ мѣшать ихъ разговору.

III.

Ковалевъ медленно спускался по дорожкѣ, мимо цвѣтниковъ. Здѣсь цвѣли астры, левкои, георгины. Нѣсколько розъ сіяли темнымъ огнемъ. Стало теплѣе; чуть проступало въ небѣ перламутровое солнце. Гдѣ-то грачи

кричали — тѣмъ дальнимъ и бездомнымъ крикомъ, когда кажется, что это изъ бездны пустого неба зоветъ кто-то. Ковалевъ чувствовалъ себя такъ, будто ему немного нездоровилось: не то легкій ознобъ у него и жаръ, не то мозгъ чѣмъ-то опьяненъ — тонкимъ и легкимъ, на все вокругъ бросающимъ свой отсвѣтъ. Онъ шелъ между цвѣтовъ. Яблочный садъ тянулся за нимъ, но казалось, что тутъ-же рядомъ, среди этихъ-же мѣстъ, идутъ прежнія тѣни, былые люди, все, какъ-бы отшедшее, но и живое. И онъ самъ тутъ проходитъ — инымъ шагомъ, съ иной душой, но все-же онъ, студентъ Петя Ковалевъ; тамъ, у пруда, внизу, встрѣтитъ свою даму, какъ всегда изящную, спокойную и ровную. Съ ней навѣрно ужъ кто-нибудь: сосѣдъ-ли помѣщикъ съ цыганскимъ лицомъ, въ высокихъ сапогахъ, или предсѣдатель управы, надушенный, съ голубымъ платочкомъ въ карманѣ визитки. И она со всѣми любезна, ровна и чуть-чуть радостна, и неизвѣстно, къ кому-же идетъ она — бѣлыми, легкими стопами проходящая въ жизни.

Около пруда онъ сѣлъ. Луга шли впереди, со стогами кой-гдѣ; мельница невысоко подымалась надъ нимъ; тамъ блестѣлъ кусокъ другого пруда, и за нимъ, въ легкомъ осеннемъ туманѣ, подымался по бугру осиновый лѣсъ.

Тамъ нерѣдко катались они верхомъ. Тамъ, конечно, такъ-же свѣтло, пріятно скакала она съ другими, красивѣе, ловчѣе и богаче его; и такъ-же ласково и просто разговаривала.

Ковалевъ закрылъ глаза. Ему представился вечеръ, осенняя луна, дорога въ лѣсу, среди густого осинника. Но осенью осины голы, и какъ рѣдки онѣ кажутся! Въ туманной лунѣ листъ, покрывающій землю — это чистое серебро; туманомъ затянуло овражекъ налѣво, здѣсь глухое, дикое мѣсто; Нина Андреевна называла ночную скачку по этой аллеѣ — «бѣгствомъ Карла Смѣлаго послѣ битвы при Нанси».

«Все это бредъ, — прошло въ его мозгу: — сладкій бредъ».

Онъ сидѣлъ спиной къ дому и дорожкѣ, шедшей оттуда. И обернулся на шелестъ шаговъ. Нина Андреевна спускалась сюда.

— Вотъ вы гдѣ! А меня немного задержалъ мой... латышскій рыцарь.

Ковалевъ усмѣхнулся.

— Онъ васъ покорилъ своимъ азартомъ.

Нина Андреевна внимательно на него посмотрѣла.

— Ахъ, иронія, иронія! Русскіе не любятъ вѣдь порядка, созиданія, богатства.

— Между тѣмъ самъ я сейчасъ — порядокъ. Вы посмотрите, я очень прилично управ-

ляю дѣлами жены. Даже къ вамъ пріѣхалъ не зря.

Она покачала головой.

— Нѣтъ, вы все это не любите. Когда я на васъ смотрю, мнѣ даже кажется, что если-бы не нѣкая инертность, вы-бы все бросили. Стали-бы бездомнымъ студентомъ.

Ковалевъ молчалъ. Было тепло, серебристо, смутно. Тонкій паръ стелился надъ лугами. Снова изъ пустоты, далеко и безгранично, кричали грачи.

— Нина Андреевна, — сказалъ онъ: — помните вы наши прогулки верхомъ, въ томъ лѣсу?

— Помню.

— Полурусская, полушведская женщина... Сейчасъ, въ эту минуту, мнѣ кажется, что несмотря на все пережитое, всю горечь... въ пустынѣ, гдѣ я живу... да, путаюсь. Безразлично. Все-таки это все благословенно, что было! Пусть и останется благословеннымъ.

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Та-же бѣлая рука, тотъ-же запахъ.

Она сказала покойно:

— Я помню, какъ вы бывали здѣсь, какъ мы катались. Это было во время моей молодости.

Она нѣсколько задумалась.

— Мнѣ, конечно, нравилось, что вы меня

любите. Это женская черта. Все-же виноватой передъ вами я себя не считаю. Нѣтъ, — она выпрямилась слегка: — я никому не лгала, никогда. Мнѣ не отъ чего отрекаться.

Ковалевъ какъ-бы взволновался.

— Вотъ именно, не отрекайтесь, да, да, будьте той-же, безупречной, какъ я зналъ васъ, той-же, съ прямымъ, открытымъ путемъ... Развѣ я говорю противъ? Укоряю?

— Въ моей жизни тоже были страданія, горечь и неудачи: но я считала, что на все надо смотрѣть просто и смѣло, я не люблю разслабленныхъ. И случалось, что сердце мое было измучено, а я вышивала въ это время какой-нибудь tisch-läufer.

Ковалевъ смотрѣлъ на нее и слегка покачивалъ, какъ-бы въ подтвержденіе, головой. Да, и онъ зналъ ее такую. Такая-же и сейчасъ сидитъ она предъ нимъ, прямая, чистая и благоуханная, правильно живущая, правильно сломившая его юность, безгрѣшная и сохранившаяся. Сейчасъ они встанутъ. Очарованіе уйдетъ. И изъ міра волшебнаго вновь пойдетъ онъ по дорожкамъ сада, мимо яблонь, насаженныхъ ея заботливой рукой, къ вновь отдѣланному дому; тамъ, на стеклянной террасѣ, будетъ разговаривать съ любезной хозяйкой и смышленой помѣщицей — можетъ быть объ урожаѣ, коровахъ, кирпичѣ. И сама она —

а вѣдь и она знала, что такое любовь! — тоже станетъ удобной для такихъ словъ. И лишь изрѣдка, возможно, остановится ея взоръ, на мгновеніе она уйдетъ въ область сладкихъ сновъ, своихъ видѣній.

IV.

Было довольно поздно, когда Ковалевъ подъѣзжалъ къ Лискамъ. Онъ сидѣлъ въ коляскѣ грузно, опираясь на палку. Сквозь туманныя облака свѣтила луна. Въ пустынномъ, свѣтломъ лѣсочкѣ ѣхали шагомъ. Коляску сильно покачивало. Луна слабо ползла среди голыхъ вѣтокъ. Налеталъ вѣтеръ. Сова аукала.

Ковалеву не хотѣлось возвращаться домой, въ изобильный свой улей, гдѣ ждало хозяйство, разговоры съ женой, служащими, купцами, весь тотъ утомительный и безнадежный круговоротъ, въ которомъ проходитъ столько жизней. И подъѣхавъ къ Лискамъ, онъ приказалъ лошадей распречь, задать имъ корму; себѣ-же постелить въ конторѣ. Грязноватая баба внесла ему черезъ четверть часа грязноватый самоваръ. За маленькимъ столомъ, у убогаго окошка русской избы, Ковалевъ молчаливо и одиноко пилъ чай съ блюдечка, отку-

сывая сахаръ по-мужицки. Руки его пахли духами «L'heure bleu». По скатерти пробѣжалъ тараканъ, на ходу пошевеливая усиками. Ковалевъ глядѣлъ на него спокойно, и беззлобно. Въ этотъ часъ, онъ зналъ, Нина Андреевна ложится спать въ свсей роскошной спальнѣ, въ тонкомъ бѣльѣ, вымытая, элегантная, стараясь нѣ поддаться старости, гигіенично читая немного передъ сномъ. Вѣроятно, тѣ розы, съ которыми она взошла сегодня на балконъ, въ хрустальной вазочкѣ стоятъ на ея туалетѣ, отражаясь въ трехъ зеркалахъ. И она сама каждое утро, каждый вечеръ въ этихъ зеркалахъ отражается — медленно проходящій въ жизни призракъ.

Баба не пришла больше за самоваромъ. Онъ кипѣлъ, жиденько тянулъ свою ноту и затихъ. Тараканъ убѣжалъ, куда нужно. Ковалевъ усталъ сидѣть въ душной комнатенкѣ, гдѣ висѣли хомуты и подъ ними портреты царей; онъ одѣлся, отворилъ дверь въ темныя сѣни и вышелъ. Всѣ спали въ усадьбѣ. Ни огонька, вездѣ мертво. Луна взошла выше и рѣялъ ея свѣтъ, все такой-же таинственный, призрачный, ярче. Тѣмъ-же путемъ, что и угромъ, мимо куртины елочекъ, Ковалевъ прошелъ къ новой стройкѣ. Собаки лаяли. Но онъ ихъ не боялся: Съ собаками всегда былъ онъ дружснъ, и онѣ его не трогали.

Снова онъ взошелъ по всходнямъ, медленно пересѣкъ гостиную, надъ которой небо простиралось, заглянулъ въ комнату матери: въ столовой изъ угла вылетѣла сова. По уже настланному накату онъ вышелъ на балконъ. Здѣсь человѣческія руки тоже возводили свое дѣло — перила, полъ; что-то странное было въ этой заботѣ объ устройствѣ жизни. Сюда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ переберется его мать, чтобы, навѣрно, тутъ умереть, провлача нѣсколько темныхъ и безцвѣтныхъ лѣтъ. Но зачѣмъ-то и она хочетъ этого устройства, и каменщики работаютъ, и онъ, вѣрный сынъ, Петръ Ковалевъ, ѣздитъ за кирпичемъ. Луна же катитъ надъ ними свой загадочный, туманный ликъ, не то насмѣшливый, не то грустный. Ей видна была и его жизнь, стоящаго здѣсь человѣка. «Что-же, — подумалъ онъ: — вотъ и мы, такіе мы есть, и такъ прожили свою жизнь. А какъ за нее отвѣтимъ, — это невѣдомо».

Тамъ, внизу, прудъ. За нимъ, на взгорьѣ, пробовали насадить аллею лиственницъ, но мальчишки съ деревни повырывали посадки — такъ, изъ озорства. Въ томъ лѣсочкѣ, сейчасъ голомъ, серебрящемся въ лунѣ, онъ бродилъ юношей, терзаясь любовью. Отдавало-ли эхо лѣсное его томленья? Кто сжегъ ихъ? И что они были? Ихъ унесли вѣтры жизни съ той-же безпечностью, какъ свѣтотѣнь играетъ по

дорожкамъ. Фантасмагоріи, миражи! Они здѣсь-же, въ опаловой ночи, гдѣ все — правда и призракъ, былое и настоящее, боль прежнихъ ранъ и улыбка забвенія — туманный круговоротъ человѣческаго бытія.

125

ГОЛУБАЯ ЗВѢЗДА.

Голубая звѣзда.

I.

Въ комнатѣ Христофорова, въ мансардѣ стараго деревяннаго дома на Молчановкѣ, было полусвѣтло — тѣми майскими сумерками, что наполняютъ жилище розовымъ отсвѣтомъ зари, зеленоватымъ рефлексомъ распустившагося тополя и даютъ прозрачную мглу, называемую весной.

Передъ зеркаломъ, запотѣвшимъ слегка отъ самовара, Христофоровъ оправлялъ галстукъ. Онъ былъ уже въ сюртучкѣ, довольно поношенномъ — собирался выходить. Голубоватые глаза глядѣли на него, порядочная шевелюра, висячіе усы надъ мягкой бородкой. Онъ поправилъ узелъ галстука, завязывать котораго не умѣлъ, улыбнулся, и подумалъ: «Чѣмъ не женихъ?» Онъ даже усъ немного покрутилъ.

Затѣмъ взялъ вѣтку цвѣтущей черемухи — она лежала на столѣ — понюхалъ. Глаза его сразу расширились, приняли странное,

какъ бы отсутствующее выраженіе. Онъ вздохнулъ, надѣлъ шляпу, пальто, и по скрипучей лѣсенкѣ спустился внизъ. Пересѣкъ большой дворъ — здѣсь на травкѣ играли дѣти, у каретнаго кучеръ запрягалъ пролетку — и быстрымъ, легкимъ шагомъ зашагалъ къ Никитскому бульвару.

Въ Москвѣ сезонъ кончался. Христофоровъ шелъ на небольшой прощальный вечеръ въ пользу русскихъ художниковъ въ Парижѣ; его устраивала московская барыня изъ тѣхъ, чьи доходы обильны, автомобили быстры, туалеты не плохи. Христофоровъ мало зналъ ее. Лишь недавно встрѣтилъ у знакомыхъ своихъ, Вернадскихъ; и тоже получилъ приглашеніе.

Домъ Колесниковой ничѣмъ особо не выдѣлялся — двухъэтажный особнякъ въ переулкѣ, съ лакеемъ въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ чучеломъ тигра на поворотѣ лѣстницы; лѣстница хороша тѣмъ, что рядомъ съ перилами шла кайма живыхъ цвѣтовъ въ ящикахъ и кадкахъ. Колесникова встрѣтила его въ залѣ, гдѣ люстры уже сіяли, были разставлены стулья и стояла эстрада для чтецовъ, музыкантовъ. Хозяйка—дама худая, угловатая, и не вполнѣ въ себѣ увѣренная; ей хотѣлось, чтобы все было «какъ слѣдуетъ», но неизвѣстнымъ представлялось, удастся-ли это.

И, пожалуй, ее осудитъ острословка Сима, милліонерша первоклассная, и меценатка.

— Ахъ, вы сюда, пожалуйста, — сказала она Христофорову, указывая на гостиную, за эстрадой. Пойдемте, тамъ и ваши знакомые есть...

Колесникова провела его въ гостиную, гдѣ густо стояла мягкая мебель, безъ толку висѣли картины, горѣло много свѣта и сидѣли нарядныя дамы. Христофоровъ слегка смутился. Ему именно показалось, что никого онъ тутъ не знаетъ, но онъ ошибался: сдѣлавъ общій поклонъ, тотчасъ замѣтилъ онъ въ углу Вернадскихъ — Машуру и Наталью Григорьевну. Наталья Григорьевна, представительная дама, сѣдая, разговаривала съ высокой брюнеткой въ большомъ декольтэ. Машура молчала. Она была въ бѣломъ съ красной розой на груди — тоненькая, съ не совсѣмъ правильнымъ, остроугольнымъ лицомъ; почти черные глаза ея блестѣли, казались огромными.

Увидѣвъ Христофорова, она улыбнулась. Наталья Григорьевна подняла на него свои свѣтлые, нѣсколько выцвѣтшіе глаза. Онъ подошелъ къ нимъ.

— А я думала, — сказала она, протягивая руку: — что вы не соберетесь. Значитъ,

и вы пустились въ свѣтъ. Съ вашимъ-то затворничествомъ, туда же...

Она засмѣялась.

— Вы знаете,— обратилась она къ сосѣдкѣ: — Алексѣй Петровичъ одно время проповѣдывалъ полное удаленіе отъ міра, какъ бы сказать, полумонашеское состояніе.

Сосѣдка взглянула на него и холодновато отвѣтила:

— Вотъ какъ!

Ихъ познакомили. Она называлась Анна Дмитріевна. Христофоровъ сѣлъ на край кресла и сказалъ:

— Одно время, дѣйствительно, я жилъ очень замкнуто. Но теперь — нѣтъ. Вы знаете, Наталья Григорьевна, эту весну я, напротивъ, даже много выѣзжалъ.

Анна Дмитріевна вдругъ засмѣялась.

— Отчего вы такъ странно говорите? Точно...— она продолжала смѣяться: — простите, но мнѣ показалось... какъ-то по-дѣтски...

Христофоровъ слегка покраснѣлъ.

— Я не знаю,— сказалъ онъ и обвелъ всѣхъ глазами. — Я, можетъ быть... не совсѣмъ такъ выражаюсь.

— Не понимаю, какъ это надо особенно выражаться... — Машура тоже вспыхнула. Глаза ея блеснули.

Анна Дмитріевна слегка откинулась на креслѣ.

— Виновата. Кажется, я просто сболтнула.

— Алексѣй Петровичъ говоритъ, — сказала Машура, сильно покраснѣвъ, — такъ, какъ нужно, т. е. какой онъ есть. Его учить незачѣмъ.

Наталья Григорьевна засмѣялась.

— Вотъ и неожиданно разговоръ принялъ воинственный характеръ.

Она была въ черномъ платьѣ, съ большимъ бантомъ у подбородка. Въ ея сѣдыхъ, хорошо уложенныхъ волосахъ, въ очкахъ, въ дорогомъ кольцѣ, духахъ — ощущалось прочное, то, что называется distinguée. Глядя на нее, можно было почувствовать, что она прожила жизнь длинную и честную, гдѣ не было ни ошибокъ, ни паденій, но работа, долгъ, культура. Она много переводила съ англійскаго. Писала о литературѣ. Дружила съ Анатолемъ Франсомъ.

Разговоръ пресѣкся. Вечеръ же начался. Пѣвица пѣла. Беллетристъ съ профилемъ шахматнаго коня, во фракѣ, скучно бормоталъ свою меланхолическую вещь. Пріѣхалъ актеръ, знаменитый голосомъ, фигурой и фракомъ. Онъ ловко заложилъ руки въ карманы, слегка дрыгнулъ ногой, чтобъ попра-

вить складку на Делосовыхъ брюкахъ, и опершись на каминъ, сразу почувствовалъ, что все въ порядкѣ, всѣ его знаютъ и любятъ.

Христофоровъ наклонился къ Машурѣ и спросилъ:

— Я не вижу Антона. Его нѣтъ здѣсь?

Машура нѣсколько закусила губу.

— И не будетъ.

Актеръ вышелъ, читалъ Блока. Въ дверь виднѣлась его сухая, крѣпкая спина, свѣтлая шевелюра, а дальше, въ зрительномъ залѣ все полно было сіяніемъ люстръ, бѣлѣли туалеты дамъ, отсвѣчивало золото канделябръ и креселъ. Когда начали апплодировать, Машура сказала:

— Вы же знаете его. Вдругъ разсердился, сказалъ, что къ такимъ, какъ Колесникова, не ходятъ, однимъ словомъ, какъ всегда.

Она вздохнула.

— Я отвѣтила, что со мной такъ нельзя разговаривать. Онъ ушелъ, не простился. А я, конечно, отправилась. Да, — прибавила она и улыбнулась: — я совершила еще маленькое преступленіе: занесла вамъ вѣтку черемухи.

Христофоровъ засмѣялся, и чуть смутился.

— Я очень радъ, что вы...

— Какой у васъ странный домикъ! Мнѣ отворила квартирная хозяйка, старушка старомодная, въ шали, тамъ въ комнатахъ кіоты, лампадки, половички по крашеному полу. Когда я подымалась къ вамъ по лѣсенкѣ, на перилахъ сидѣлъ котъ... Правда, похоже на келью.

— Я люблю тихія мѣста. Да потомъ, это мнѣ и по средствамъ. Вѣдь вотъ тутъ, — онъ съ улыбкой оглянулся, — здѣсь, вѣроятно, человѣкъ, снимающій въ передней пальто, богаче меня.

Машура взглянула на него ласковыми, темными глазами.

— Было бы очень странно, если-бъ вы были богаты.

Мимо нихъ прошла Колесникова, обмахиваясь вѣеромъ.

Она благодарила знаменитаго актера, слегка наклоняясь къ нему угловатой, худой фигурой.

— Если-бъ Антонъ узналъ, что я у васъ была, — продолжала Машура, — онъ бы меня знаете какъ назвалъ...

Она опять покраснѣла отъ недовольства.

Христофоровъ смотрѣлъ куда-то вдаль, въ одну точку. Голубые глаза его расширились.

— Я иногда гляжу на Антона, — сказалъ онъ, — и думаю: онъ не скоро угомонится.

Машура вздохнула.

Начался послѣдній номеръ — мелодекламація — то, что любятъ въ провинціи. Віолончель тянула свои, якобы поэтическія, фіоритуры; актриса въ тысячномъ бѣломъ платьѣ *бросала* въ публику фразы, затѣмъ изображала нѣжность, умиленіе, вновь рокотала. Все это имѣло успѣхъ.

Послѣ актрисы публика стала разъѣзжаться. Свои остались. Свои дѣлились на двѣ части: участники и знакомые. Ихъ пригласили ужинать. Въ одинъ конецъ сажали актеревъ, писателей, лицъ съ *именами*. Тамъ и вино стояло получше. Родственники и знакомые занимали другой флангъ. Христофоровъ, Вернадскіе и Анна Дмитріевна оказались въ серединѣ, на водораздѣлѣ титулованныхъ и разночинцевъ. Христофоровъ присматривался съ любопытствомъ. Когда нынче онъ говорилъ, что сталъ выѣзжать, это было вѣрно лишь отчасти, въ сравненіи съ прежней его жизнью — въ деревнѣ, въ тихихъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ приходилось ему работать и въ земствѣ, и давать уроки, жить вообще жизнью болѣе чѣмъ скромной. Часть же этой зимы онъ провелъ въ Москвѣ, получивъ временную работу.

И видалъ народу больше; но совсѣмъ, все-же, не зналъ того круга, который здѣсь собирался.

Противъ него сидѣла Анна Дмитріевна. Съ ней рядомъ офицеръ генеральнаго штаба, котораго онъ замѣтилъ еще на концертѣ: человѣкъ высокій, сухощавый, стриженный бобрикомъ, съ нездоровымъ цвѣтомъ лица и темными, безъ блеска, глазами. И онъ, и Анна Дмитріевна много пили. Она смѣялась. Онъ же былъ сдержанъ. Вино, казалось, на него не дѣйствовало.

Христофоровъ спросилъ о немъ Наталью Григорьевну. Та поморщилась.

— Говорятъ, изъ хорошей семьи, и вначалѣ подавалъ надежды. Но потомъ какая-то темная исторія по службѣ...Его фамилія Никодимовъ. Нѣтъ, не моего романа. Ведетъ предосудительную жизнь. Настоящій... — она засмѣялась. — Un dépravé. Не понимаю Анну Дмитріевну.

И видимо не желая продолжать, она свела разговоръ на то, о чемъ порядочные люди въ Москвѣ говорятъ каждый апрѣль и каждый май: кто куда ѣдетъ на лѣто. Христофоровъ узналъ, что нынче они будутъ подъ Звенигородомъ, сняли имѣніе, что тамъ красиво, тихо, хотя есть и сосѣди — Анна Дмитріевна, напримѣръ. Тутъ же она добавила,

что есть свободная комната: будетъ отлично, если онъ къ нимъ пріѣдетъ — лучше бы, надолго.

Христофоровъ благодарилъ. О лѣтѣ совсѣмъ онъ не думалъ, считалъ, что само какънибудь выйдетъ, какъ и все почти въ жизни. Но сейчасъ ему было пріятно, что именно Вернадскіе его зовутъ. Много разъ уже, въ его бродяжной, нескрѣпленной жизни, приходилось ему гостить и жить у разныхъ людей. Онъ зналъ, какъ берутъ свой чемоданчикъ и являются подъ благосклонный кровъ. Но кровъ Вернадскихъ былъ особенно пріятенъ.

Било два, когда Христофоровъ выходилъ изъ подъѣзда. Вернадскіе уже уѣхали. Вслѣдъ за ними выходила Анна Дмитріевна, Никодимовъ, и еще цѣлая компанія. Автомобиль ждалъ ихъ. Ѣхали за городъ, встрѣчать разсвѣтъ. Когда Христофоровъ шагалъ уже по переулку, машина, тяжело шурша, обогнала его.

— Прощайте! — крикнула Анна Дмитріевна. — Дитя, не сердитесь!

Онъ снялъ шляпу и помахалъ. Автомобиль умчался. Христофоровъ шелъ съ непокрытой головой. Ночь была синяя, прозрачная и теплая. На востокѣ свѣтлѣло. Тамъ виднѣлась крупная, играющая звѣзда. Христофо-

ровъ поднялъ голову. И тотчасъ увидѣлъ голубую Вегу, прямо надъ головой. Онъ не удивился. Онъ зналъ, что стоитъ ему поднять голову, и Вега будетъ надъ нимъ. Онъ долго шелъ, всматриваясь въ нее, не надѣвая шляпы.

Въ дни начала іюня домъ Вернадскихъ принялъ тотъ видъ, какой имѣютъ многіе дома съ наступленіемъ лѣта: мебель въ чехлахъ, гардины убраны, портреты, картины на стѣнахъ затянуты кисеей. Это значитъ, что Машура съ Натальей Григорьевной, послѣ долгой, сложной уборки выѣхали, наконецъ, на Брестскій вокзалъ, и въ купэ перваго класса, сдавъ многочисленный багажъ, катятъ мимо разныхъ Кунцевыхъ и Филей къ станціи, откуда извозчичья коляска отвезетъ ихъ въ новое лѣтнее пристанище.

Дорога на лошадяхъ пріятна и разнообразна; небогатыя нивы, лѣса, иногда хвойные; зажиточныя села съ хорошими избами; много шоссе; есть старинныя, знаменитыя подмосковныя съ парками и прудами — къ нимъ ведутъ иногда березовыя аллеи; въ селахъ новыя школы, столбы на перекресткахъ съ надписями о дорогахъ — тѣ мелочи, что говорятъ о нѣкой просвѣщенности.

Вечерѣло. Изъ-за поворота въ лѣсу вдругъ

открылся видъ на Москву-рѣку, луга и далекій Звенигородъ. Въ густой зелени горѣла золотая глава монастыря. Закатнымъ свѣтомъ, легкой, голубѣющей дымкой былъ одѣтъ пейзажъ. Коляска взяла влѣво, песчанымъ берегомъ; лошади перешли на шагъ. Подплывалъ паромъ. Куликъ летѣлъ надъ водой.

— Здѣсь очень хорошо, — сказала Наталья Григорьевна. — Мнѣ очень нравится.

— Да.

Машура не была нынче разговорчива. Она нѣсколько устала. На поблѣднѣвшемъ лицѣ глаза казались еще темнѣе.

— Обрати вниманіе на эти луга. Прямо съ нашей террасы откроется видъ на много верстъ. И потомъ, здѣсь чрезвычайно здоровый климатъ.

Наталью Григорьевну, пріємную свою мать, Машура очень уважала. Тутъ была и любовь: но съ дѣтства любовь поставили такъ, что бурно выражаться, въ нѣжности, она не могла. И иногда Машурѣ хотѣлось, какъ и сейчасъ, чтобы мать немного была менѣе основательна, покойна. «Свѣжій воздухъ, климатъ, полезно», — слова мелькали въ ея мозгу, ничего не говоря. Ей все равно было, полезна жизнь здѣсь, или нѣтъ.

На зарѣ въѣхали въ старую усадьбу,

бывшую вотчину Годуновыхъ — уже смеркалось. Огромный деревянный домъ казался мрачнымъ; мебели было мало. Въ залѣ съ поскрипывавшимъ паркетомъ, за круглымъ столомъ онѣ ужинали при свѣчахъ. Свѣжія редиски съ масломъ казались вкусны; на свѣчи летѣли ночныя бабочки, въ углахъ было полутемно. Заря изъ темно-красной переходила въ холодноватую мглу. Будто жутко стало Машурѣ — нежилое, ветхое надо обогрѣть, прежде чѣмъ станетъ своимъ. Все-же, поужинавъ, она спустилась въ садъ. Росла тутъ трава, кое-гдѣ цвѣты, какіе кому вздумается. Такія-жъ и дорожки: будто ихъ никто и не дѣлалъ, пролегли онѣ, какъ Богъ на душу положитъ. За садомъ канава въ березахъ, а тамъ луга. Машура вышла въ нихъ. Было росисто. Надъ Москвой-рѣкой стоялъ туманъ, деревня смутно темнѣла. Тамъ наигрывали на гармоникѣ. Машура не знала, хорошо ей сейчасъ, или плохо. Новое мѣсто, новые луга, усадьба, неизвѣстныя ели высятся тамъ, правѣе. Завтра взойдетъ солнце, и новыя мѣста откроютъ новую свою, дневную душу.

«Вотъ Алексѣй Петровичъ сразу понялъ бы тутъ все,—вдругъ подумала она.—Почему Алексѣй Петровичъ? А про него сказалъ одинъ знакомый: «въ немъ есть священный

идіотизмъ».—Она засмѣялась. — Ну, это пустяки! Вовсе не идіотизмъ, а что онъ немного фантастическій, это вѣрно».

Въ домѣ два окна свѣтились. Одно распахнулось, и голосъ Натальи Григорьевны, не очень громко, но какъ разъ, чтобы слышно было, крикнулъ:

— Машура! Пора домой.

— Иду-у!

Съ дѣтства Машура знала, что она Натальѣ Григорьевнѣ подчиняется. Съ дѣтства порядокъ и серьезность внушались ей, хоть не всегда успѣшно.

Прибредя домой, она прошла въ комнату матери. Наталья Григорьевна, въ чепцѣ, очкахъ и безукоризненномъ бѣльѣ лежала въ постели и читала романъ друга своего, Франса. Машура поцѣловала ей руку.

— Ты все бродишь, — сказала Наталья Григорьевна, — пора бы и ложиться. Завтра тебя не подымешь.

— Нѣтъ, милая мама, подымете, когда понадобится.

— Мнѣ не понадобится, но для твоей же пользы.

Машура раздѣвалась въ комнатѣ рядомъ. Уже заплетя косы, дунувъ на свѣчу, чтобы ложиться, она спросила изъ темноты:

— Мама, а тутъ не страшно?

Не отрываясь отъ чтенія, Наталья Григорьевна отвѣчила:

— Нѣтъ.

Машура перекрестилась, натянула одѣяло на худенькое плечо и опять спросила:

— Антонъ не говорилъ, когда пріѣдетъ?

— Развѣ можно придавать значеніе его словамъ? Сказалъ, что не скоро.

— И очень буду рада, — холодно отвѣтила Машура.

«Конечно, — думала Наталья Григорьевна уже въ темнотѣ: — эти взаимныя qui pro quo и пертурбаціи необходимы. Все-же характеръ Антона»... Она вздохнула и вспомнила объ Анатолѣ Франсѣ. Вотъ гдѣ культура, порядокъ, уравновѣшенность! Тутъ ей представилось, что трудное слово *культура* можно по-новому опредѣлить. Старческой рукой зажгла она вновь свѣчку и, надѣвъ очки, записала въ книжечку афоризмовъ и наблюденій: «культура есть стремленіе къ гармоніи. Культура — это порядокъ». Записью она осталась довольна и покойно отошла ко снамъ.

Хотя съ вечера голова немного ныла, Машура хорошо спала, встала въ добромъ настроеніи. Надѣла бѣлую матерчатую шляпу, добыла лопату, скребокъ, и къ запущенному саду стала примѣнять то, что ночью мать

назвала культурой. Чистила дорожки, вскопала клумбу. Наталья Григорьевна поощряла такія дѣла, — находя, что общеніе съ землей полезно для молодежи: укрѣпляетъ тѣло, облагораживаетъ душу.

Сама она занялась домомъ; надо было и его подтянуть. Наталья Григорьевна не хлопотала и не суетилась; она дѣйствовала. Подъ ея умѣлымъ водительствомъ переставили мебель; что нужно — добавили; появились скатерти на столахъ, на окнахъ портьеры, букеты сирени въ вазахъ. Было разобрано бѣлье. Платье развѣсили по шкафамъ.

Передъ завтракомъ, когда меньше всего о немъ думали, вкатилъ на велосипедѣ Антонъ. Онъ былъ въ каскеткѣ, поношенной лѣтней парѣ, запыленный. Потъ катился со лба. Поставивъ велосипедъ, онъ снялъ фуражку и отеръ разгоряченное лицо. Антонъ нѣсколько сутулился, но стоялъ твердо на коротковатыхъ ногахъ. Онъ былъ некрасивъ — съ широкимъ лбомъ, небольшими глазами, сидѣвшими глубоко; не украшалъ его и нечистый цвѣтъ лица — что-то непородистое, тяжеловатой выдѣлки въ немъ чувствовалось. Отецъ Антона былъ дьячокъ.

— Насилу васъ нашелъ, — сказалъ онъ Натальѣ Григорьевнѣ, здороваясь. — А, и Машура занялась хозяйствомъ. Дѣло.

Машура подошла, и просто ему улыбнулась.

— Какъ видишь.

— А я, извини меня, вѣдь нынче тебя и не ждала, — сказала Наталья Григорьевна.

— Имѣли полное основаніе. Я не хотѣлъ пріѣзжать, но потомъ передумалъ... — Онъ вдругъ густо покраснѣлъ, и какъ будто на себя разсердился. — Да, а потомъ пріѣхалъ.

Позвали завтракать. Завтракъ былъ умѣренный, свѣжій и вегетаріанскій, во вкусѣ дома.

— А, — сказалъ Антонъ, улыбнувшись, — у васъ все то же, овощи, спасеніе души...

— Нѣтъ, не спасеніе, — отвѣтила Наталья Григорьевна, — а просто нахожу это здоровымъ.

Антонъ давно бывалъ у нихъ, еще вихрастымъ гимназистомъ, когда вмѣстѣ съ Машурой состоялъ старостой гимназическаго клуба. Уже тогда онъ былъ серьезенъ, головастъ, давалъ уроки, помогая матери, и стремился на физико-математическій факультетъ. Но и теперь, считаясь женихомъ Машуры, изучая интегральное исчисленіе, — цѣликомъ не могъ привыкнуть къ дому Вернадскихъ. Что-то его удерживало. Онъ уважалъ Наталью Григорьевну, но ненавидѣлъ Анатоля Франса, бѣльевые шкафы въ ихъ

домѣ, дворню, сундуки и порядокъ, олицетвореніемъ котораго считалъ хозяйку. Кромѣ того, ему казалось, что онъ плебей, parvénu. Онъ, вѣроятно, не прощалъ Натальѣ Григорьевнѣ ея барства.

И теперь, когда она говорила о профессорахъ, университетѣ, его будущей работѣ, ему казалось, что это все — приличія, чтобы его занять и выказать вниманіе.

Послѣ завтрака Антонъ прилегъ въ гостиной на диванѣ. Обычныя, очень частыя мысли проходили въ его мозгу. Казалось, что его не цѣнятъ; Наталья Григорьевна недовольна, что онъ близокъ къ ихъ дому; даже Машура его не понимаетъ. Что именно въ немъ понимать — онъ затруднился бы сказать, но что онъ существо особенное,— въ этомъ Антонъ былъ увѣренъ.

Однако, онъ заснулъ самымъ крѣпкимъ и негеніальнымъ образомъ и проспалъ часа два. Проснувшись, зѣвнулъ и всталъ. Въ домѣ было тихо — чувствовалось, что никого нѣтъ, пахло сиренью отъ букетовъ, чуть навѣвалъ вѣтерокъ изъ балконной двери; шмель гудѣлъ; въ блѣдныхъ, перламутровыхъ облакахъ стояло солнце — неяркое и невысокое. Антонъ вдругъ улыбнулся, самъ не зная чему. Захотѣлось видѣть Машуру; онъ не зналъ, гдѣ она; просто вышелъ въ садъ,

взялъ направо, прыгнулъ чрезъ канаву и направился къ недалекому лѣсу. Пахло лугами; откуда-то доносились голоса; будто телѣга поскрипывала. У опушки лѣса виднѣлось бѣлое платье.

Лѣсъ былъ— ельникъ; тропинка выводила къ обрыву надъ рѣчкой, притокомъ Москвырѣки. Песчаный скатъ шелъ къ водѣ, въ немъ стрижи устраивали ямки, и торчали корни сосны. Машура босикомъ, слегка подоткнувъ юбку, стояла по щиколку въ водѣ и подымала камни. Иногда ракъ оказывался тамъ. Она хватала его подмышки и бросала въ лукошко съ крапивой.

Антонъ сѣлъ на обрывъ, спустивъ внизъ ноги.

— Ты устраиваешь деревенскую идиллію?

Машура подняла на него лицо, трепещущее оживленіемъ, весело отвѣтила:

— Раковъ ловлю.

— А я заснулъ, проснулся, и не могу понять, гдѣ я.

— Ложись опять. Ты утромъ былъ хмурый. А сейчасъ какой?

Антонъ усмѣхнулся.

— Сейчасъ я, кажется, приличенъ.

Онъ легъ недалеко отъ обрыва на мелкія, сухія хвои. Справа даль голубѣла, шли луга, виднѣлся Звенигородъ. Слѣва темной ча-

щей стояли елки на пустынной, иглами усѣянной землѣ. Тамъ было мрачно. Съ луговъ же тянуло тепломъ, благоуханіемъ, какое-то благорастворе́ніе было въ этомъ мѣстѣ. Внизу видѣлъ Антонъ излучину рѣчки, съ настоенной, темно-коричневой водой, гдѣ голыми, покраснѣвшими ногами дѣйствовала Машура. Ему было очень покойно тутъ.

Позанявшись своей забавой, пришла Машура, натянула чулки, сѣла рядомъ. Онъ положилъ голову ей на колѣни. Ея руки пахли водой, раками, водорослями. Она гладила ему волосы, и говорила:

— Хорошо, что сейчасъ ты милый, и ты правда мой милый, такой Антонъ, какъ надо быть. Настоящій мой женихъ. А когда не настоящій, я тоже знаю. И не люблю.

Антонъ слегка фукнулъ.

— Бѣлымъ-то насъ всякій полюбитъ. Ты полюби чернымъ.

— Что-жъ, и чернымъ...

— Всякимъ?

— Всякимъ...

Машура задумалась, по ея худому, нервному лицу прошло какъ бы напряженіе.

— Но и я не все понимаю, иногда мнѣ кажется, что между нами, мною и тобой, уже роковое, судьбой назначенное, какъ знаю я

тебя почти ребенкомъ. А иногда думаю: навсегда-ли?

— Скажи,— спросилъ онъ вдругъ,— правда, что этотъ...Христофоровъ къ вамъ пріѣдетъ?

— Да, хотѣлъ. Почему ты спрашиваешь?

— Нѣтъ, ничего. Просто вспомнилъ.

Онъ взялъ Машурину руку, поцѣловалъ въ ладонь, и долго разсматривалъ.

— Мнѣ всегда нравилась твоя рука. Пальцы длинные, тонкіе.

Онъ вздохнулъ и сказалъ уже нѣсколько инымъ тономъ:

— Бѣлая кость!

Машура опять задумалась.

— А что если я очень легкомысленная? — вдругъ спросила она. — Ты меня невѣстой считаешь...

Онъ вспыхнулъ.

— И пересталъ бы считать, если-бъ...

Онъ не договорилъ.

Нѣкоторое время они молчали. Что-то тяжелое переливалось въ Антонѣ. Видимо, онъ себя сдерживалъ.

— Удивляюсь,— сказалъ онъ, наконецъ,— если ты меня дѣйствительно любишь, почему же такія мысли...

Тутъ какъ-будто Машура смутилась.

— Ахъ, это, конечно, чепуху я говорю

Когда они шли домой, Антонъ вдругъ сказалъ ей, просто и глухо:

— А я думаю, что одинъ человѣкъ уже тебѣ нравится.

Машура высунула ему кончикъ языка, фыркнула и, подобравъ платье, помчалась къ саду.

Дома ждалъ самоваръ, чай съ очень бѣлыми сливками, Наталья Григорьевна. А въ сумеркахъ еще малое событіе произошло въ усадьбѣ, бывшей вотчинѣ Годунова: на парѣ лошадей, въ телѣжкѣ, съ мужикомъ на козлахъ подкатилъ голубоглазый Христофоровъ. Онъ былъ въ широкополой шляпѣ, синей рубашкѣ, на которую надѣлъ ветхое лѣтнее пальтецо; усы свѣшивались внизъ, глаза глядѣли обычно — привѣтливо, по-дѣтски. Назвавъ мужика «вы, кучеръ», заплативъ, Христофоровъ, слегка запыленный, съ небольшимъ чемоданчикомъ, другомъ бродячей жизни, предсталъ Антону, Машурѣ и Натальѣ Григорьевнѣ.

III.

Христофоровъ, какъ ему и полагалось, занялъ низенькій мезонинъ. Здѣсь быстро онъ освоился, вынулъ вещи, разложилъ книжки; цвѣты въ вазочкѣ появились на столѣ —

и нѣчто отъ Христофорова сразу опредѣлилось въ его жилищѣ. Было оно въ этихъ цвѣтахъ, въ снимкѣ ботичелліевской Весны на стѣнѣ, въ книгахъ, чемоданчикѣ, въ штиблетахъ на ластикѣ, выглядывавшихъ изъ угла комнаты.

Въ жизнь дома онъ вошелъ удобной частью; былъ незамѣтенъ, нешумливъ, неутомляющъ; гулялъ иногда съ Машурой и Антономъ. Съ Натальей Григорьевной могъ поговорить о Шатобріанѣ.

Антонъ чувствовалъ себя съ нимъ неровно. Что-то въ Христофоровѣ ему не нравилось, почти раздражало. Не любя кого-нибудь, онъ обычно — рѣзко задиралъ. Задирать Христофорова было нелегко, за полной его нечувствительностью. Быть добрымъ и простымъ — тоже не выходило. Антона злило спокойствіе, какъ бы безоблачность этого человѣка.

— Я знаю,— говорилъ онъ Машурѣ, раздражено, — что онъ у червяка попроситъ извиненія, если наступитъ. Люди, которые всегда, во всемъ правы! Невыносимо!

Машура смотрѣла на него съ усмѣшкой.

— Ты бы лучше хотѣлъ, чтобы онъ всегда былъ неправъ?

— Не подумай, пожалуйста, что я *чрезмѣрно* имъ интересуюсь,— сказалъ Антонъ,

подозрительно.— Мнѣ, въ сущности, до него очень мало дѣла.

— Я ничего не думаю,— отвѣтила Машура,— но ты къ нему несправедливъ.

— Ну, конечно, я во всемъ виноватъ!

Антонъ вспыхнулъ, и разговоръ прервался.

Иногда онъ садился на велосипедъ и уѣзжалъ на станцію, оттуда съ поѣздомъ въ городъ. Безъ него въ домѣ сразу становилось тише, иногда Машура ловила себя даже на томъ, что нѣсколько она отдыхаетъ; легче нервамъ. Это было отчасти и нехорошо; ее изумляли отношенія съ нимъ. Уже давно привыкла она считать его своимъ, и себя — принадлежащей ему. Тогда откуда же эта неловкость? Какъ бы затрудненность въ чувствахъ? «У него не легкій характеръ,— рѣшила она, стараясь себя успокоить.— Но, конечно, я должна его поддерживать».

Страннымъ казалось еще то, что съ Христофоровымъ ей было легче, свободнѣе, хотя понимала она его еще менѣе, чѣмъ Антона. Иногда, ложась спать, она улыбалась въ темнотѣ: «Онъ странный, но страшно милый. И страшно настоящій, хотя и странный».

Случалось ей видѣть, какъ въ знойный полдень подолгу онъ сидѣлъ надъ гусеницей, ползшей по листу; безъ шляпы бродилъ по саду, съ расширенными зрачками. Обѣдая на

балконѣ, внимательно наблюдалъ, куда летитъ горлинка, точно ему это требовалось. И съ той же внимательностью, нѣжностью переводилъ взглядъ на Машуру.

— Вамъ все нужно, всѣ нужны? — улыбаясь, спрашивала Машура.

Онъ отвѣчалъ спокойно и привѣтливо:

— Я люблю вѣдь это... все живое.

Въ мезонинѣ у него была подвижная карта неба. На каждый день онъ могъ опредѣлить положеніе звѣздъ. Вечерами очень часто выходилъ въ садъ, всматривался въ небо, какъ бы свѣряясь, все-ли на мѣстахъ въ его хозяйствѣ.

Это замѣтила и Наталья Григорьевна.

— У васъ со звѣздами какія-то особыя отношенія, — сказала она разъ шутливо.

— Дружественныя, — отвѣтилъ Христофоровъ такъ серьезно, будто правда звѣзды были его личными знакомыми.

Однажды вечеромъ они сидѣли съ Машурой на террасѣ. Христофоровъ былъ какъ-то тихъ и задумчивъ весь этотъ день.

— Когда же Антонъ вернется? — спросилъ онъ.

Машура сдержанно отвѣтила:

— Не знаю.

Онъ помолчалъ.

— Мнѣ кажется, онъ не особенно хорошо себя чувствуетъ.

Машура слегка вздохнула и спросила:

— А какъ вы себя чувствуете?

— Я — отлично,— тихо отвѣтилъ Христофоровъ.— У васъ здѣсь мнѣ очень хорошо. Но думаю, все-же, не долго тутъ пробуду.

Съ луговъ тянуло сыростью и сладкой свѣжестью. Москва-рѣка туманилась.

— Почему не долго?

— Знаете,— сказалъ Христофоровъ,— мнѣ всегда приходится кочевать. То тутъ, то тамъ. У меня нѣтъ такъ называемаго гнѣзда. Кромѣ того, что-то смущаетъ меня здѣсь.

— Какъ странно... Что же можетъ васъ смущать? — спросила Машура съ качалки, слегка измѣнившимся голосомъ.

Христофоровъ опять отвѣтилъ не сразу.

— Не могу объяснить, но мнѣ кажется, что я не долженъ жить у васъ.

— Ну, это глупости!

Машура привстала, явное неудовольствіе можно было въ ней прочесть. Даже глаза нервно заблестѣли.

— Вы все выдумываете, все разныя фантазіи.

Расширивъ зрачки, Христофоровъ смотрѣлъ вдаль, не отрываясь.

— Нѣтъ, я ничего не выдумываю.

Машура подошла къ нему, взглянула прямо въ лицо. Его глаза какъ-будто фосфорически блестѣли.

— Нѣтъ, правда,— тихо спросила она,— что васъ смущаетъ?

Христофоровъ взялъ ея руку и молча пожалъ.

Машура сбѣжала въ цвѣтникъ, остановилась.

— Это что за звѣзда? — спросила она громко.— Вонъ тамъ? Голубоватая?

— Вега, — отвѣтилъ Христофоровъ.

— А!.. — протянула она безразлично и пошла въ глубь сада. Сдѣлавъ небольшой туръ, вернулась.

Христофоровъ стоялъ у входа, прислонившись къ колоннѣ.

— Въ васъ есть сейчасъ отблескъ ночи,— сказалъ онъ, — всѣхъ ароматовъ, очарованій... Можетъ быть, вы и сами звѣзда, или Ночь...

Машура близко подошла къ нему и улыбнулась ласково.

— Вы немного... безумный, — сказала она и направилась въ домъ. Съ порога обернулась и прибавила:

— Но, можетъ быть, это и хорошо.

Машура не скрывала, — она тоже была

взволнована. Весь этотъ разговоръ былъ неожиданъ, и такъ страненъ...

Она пробовала читать на ночь, но не читалось. Спать — тоже не спалось. За стѣной мирно почивала Наталья Григорьевна. Въ комнатѣ было смутно; вѣтерокъ набѣгалъ изъ окна. Съ луговъ слышенъ былъ коростель. Долетали запахи, тайные вздохи ночи. Машура ворочалась.

Около часу она встала, накинула капотъ. Ей хотѣлось двигаться. Прислушиваясь къ мѣрному, негромкому храпѣнью за стѣной, она съ улыбкой подумала: «Ни къ чему, оказывается, доброе мамино воспитаніе!» Все же выходила потихоньку, чтобы ее не разбудить — не чрезъ балконъ, а съ другой стороны, гдѣ былъ подъѣздъ. Тутъ росли старыя ели. Среди нихъ шла аллея, по которой подъѣзжали къ дому. Машура направилась по ней. Было очень темно, лишь надъ головой, сквозь густыя лапы деревъ, мелькали звѣзды. Надъ скамейкой, влѣво, свѣтился огонекъ папиросы. Машура быстро прошла мимо, среди тьмы парка, къ калиткѣ, выходившей въ поле. Тутъ стало свѣтлѣе. Вилась дорога; поблѣднѣвшія передъ разсвѣтомъ поля тянулись. Отсюда завтра долженъ былъ пріѣхать Антонъ. Машура оперлась на изгородь, смотрѣла вдаль.

Сзади послышались шаги. Она обернулась. Это подходилъ Христофоровъ.

Папиросу онъ держалъ въ рукѣ, нѣсколько впереди себя.

— А я и не сообразилъ, что это вы,— сказалъ онъ, тихо улыбнувшись.

— Ночь проходитъ, еще часъ, будетъ свѣтать, — отвѣтила Машура.

— Почему вы нынче спросили о звѣздѣ Вегѣ? — вдругъ сказалъ Христофоровъ.

Машура обернулась.

— Просто... спросила. Она бросилась мнѣ въ глаза. А это что, важно?

Христофоровъ не сразу отвѣтилъ. Потомъ все-таки сказалъ:

— Это моя звѣзда.

Машура улыбнулась.

— Я и не отнимаю ее.

Христофоровъ тоже усмѣхнулся.

— Значитъ, — продолжала Машура, — мама права, когда говоритъ, что со звѣздами вы лично знакомы.

— Не смѣйтесь,— отвѣтилъ Христофоровъ. — Лучше поглядите на нее. Къ счастью, и сейчасъ еще она видна. Вглядитесь въ ея голубоватый, очаровательный и таинственный свѣтъ... Быть можетъ, вы узнаете въ немъ и частицу своей души.

Машура молча смотрѣла.

— Я не смѣюсь. Правда, звѣзда прелестная. А почему она ваша?

Но Христофоровъ не отвѣтилъ. Онъ показалъ ей Сатурна, висѣвшаго надъ горизонтомъ; остро-колючаго Скорпіона; Кассіопею — вѣчную спутницу неба, крестъ Лебедя.

Когда они возвращались, свѣтлѣло и подъ елями.

Жаворонокъ запѣлъ въ поляхъ. Далеко, въ Звенигородѣ, звонили къ заутрени.

Христофоровъ напомнилъ, что давно ужъ они собирались сходить въ монастырь — старинное, знаменитое мѣсто.

— Да, хорошо,— отвѣтила Машура. — Пойдемъ. Вотъ Антонъ пріѣдетъ.

Она была разсѣяна. Спать легла съ еще болѣе страннымъ чувствомъ. Ночь безъ сна, разговоры съ Христофоровымъ, волненіе. Нѣтъ, тутъ что-то есть, почти противъ Антона. Она очень устала. Засыпая, подумала... «Если-бъ я разсказала ему, онъ бы страшно разсердился. И если бы онъ былъ тутъ... ну, какія глупости... вѣдь я же ничего противъ него не сдѣлала».

Съ этимъ она заснула.

Антонъ пріѣхалъ утромъ, по той самой дорогѣ, откуда она его ждала, на томъ же велосипедѣ. Машура была съ нимъ ласкова — за-

думчивой, подчеркнутой ласковостью. Но о прогулкѣ съ Христофоровымъ не сказала.

IV.

Въ монастырь собрались черезъ нѣсколько дней. Прежде Антонъ самъ предлагалъ сходить туда, но теперь возражалъ; и въ концѣ концовъ — тоже отправился.

Они вышли утромъ, при милой, свѣтло-солнечной погодѣ. Дорога ихъ — лугами, недалеко отъ Москвы-рѣки, мелкимъ своимъ теченіемъ, изгибами, лѣнью красящей здѣшній край. Берега ея заросли лознякомъ; стадо дремлетъ въ горячій полдень; легкой рябью тянется песокъ, бѣлый и жгучій; у воды пробѣгаютъ кулики, подрагивая хвостиками. Дачницы идутъ съ простынями, выбирая мѣсто для купанья. На пескѣ голые мальчишки.

Вдали лѣсъ засинѣлъ надъ Звенигородомъ; раскинулся по холму самъ городокъ, и древній соборъ его бѣлѣетъ. Домики сѣрые и красные, подъ зелеными крышами, среди садовъ, вблизи монастыря, глядящаго золотыми главами изъ дубовъ. Старый, маленькій городъ. Красивый издали, безпорядочный, растущій какъ Богъ на душу положитъ; освященный древнею, благочестивою культурой.

Было далеко за полдень, когда Машура и Антонъ съ Христофоровымъ подымались къ монастырю. Путь извивался; налѣво крутое взгорье, съ рѣдкими соснами и дубами; на вершинѣ стѣна монастыря, ворота, купола, церкви — какъ въ сказкахъ; вправо — дубовый лѣсъ. Нѣсколько поворотовъ — взобрались, наконецъ: монастырская гостиница. Двухъэтажный домъ, со старинными, стеклянными сѣнцами, съ половичкомъ на крашеной лѣстницѣ, длиннымъ корридоромъ съ несвѣжимъ запахомъ — все то, что напоминаетъ давнія времена, дѣтство, постоялые дворы въ провинціи, долгія путешествія на лошадяхъ.

Заняли комнату съ бѣлыми занавѣсочками, портретами архіереевъ и архимандритовъ. Обѣдали на свѣжемъ воздухѣ; въ тѣни дубовъ, за врытымъ въ землю деревяннымъ столикомъ; внизу виднѣлсь рѣчка, поля и заросшіе лѣсомъ холмы. Тянуло прохладой. Монахъ медленно подавалъ блюда.

Антонъ былъ хмуръ.

— Собственно,— сказалъ онъ,— я не совсѣмъ понимаю, зачѣмъ мы здѣсь. Самый обыкновенный монастырь.

— Ты самъ говорилъ, что здѣсь очень хорошо, — отвѣтила Машура.

— Хмъ! Когда я это говорилъ? И въ какомъ смыслѣ?

Машура не возражала.

— А мнѣ очень нравится,— сказалъ Христофоровъ, обтирая усы.— Между прочимъ, не посмотрѣть-ли сейчасъ, послѣ обѣда, соборъ, тамъ въ городѣ...

Антонъ заявилъ, что итти сейчасъ никуда не намѣренъ, тѣмъ болѣе «тащиться по жарѣ Богъ знаетъ куда».

Христофоровъ было отказался, но Машура рѣшила, что непремѣнно пойдетъ. Темные глаза ея заблестѣли, проникліись трепетомъ и раздраженіемъ. Антонъ сказалъ, что ляжетъ спать. Пусть они гуляютъ.

— Все вѣдь это нарочно, все нарочно, — говорила Машура черезъ полчаса, идя съ Христофоровымъ. — Ахъ, я его знаю!

Христофоровъ какъ-то стѣснялся.

— Можетъ быть, мы напрасно идемъ.

— Я иду, — холодно отвѣтила Машура, — посмотрѣть старинный соборъ. Мнѣ это интересно.

Соборъ стоялъ выше города, на площадкѣ, окаймленной лѣсомъ — бѣлый, древне-простой, небольшой, съ нехитрой звонницей рядомъ.

Машура съ Христофоровымъ сѣли въ тѣни, на ветхую лавочку. Внизъ тянулся Звенигородъ. Москва-рѣка вилась; далеко, за лугами, въ лѣсу бѣлѣлъ домъ съ колоннами.

— Удѣльный городъ, — говорилъ Христофоровъ. — Эти мѣста видали древнихъ князей и татаръ, поляковъ, моленія, войну... Сама исторія.

— Здѣсь очень хорошо, — сказала Машура. — Смотрите, какой лѣсъ сзади!

Площадка опоясывалась какимъ-то валомъ — похоже, остатками старинныхъ укрѣпленій. За ними лѣсъ стоялъ, густой, смолистый, вѣрно, не разъ смѣнявшійся со времени св. Саввы. Тянуло свѣжимъ, очаровательнымъ его благоуханіемъ.

— Времена Петра прошли тутъ незамѣтно, — продолжалъ Христофоровъ. — Потомъ Екатерина, помѣщики. Этотъ край весь въ подмосковныхъ. Знаменитое Архангельское недалеко. И другія.Жизнь отвернула новую страницу, новый слѣдъ. Можетъ быть, и нашъ вѣкъ проведетъ свою черту. А мы, — сказалъ онъ тихо, и глаза его расширились: — мы живемъ и смотримъ... радуемся и любимъ эти переливы, вѣчныя смѣны. И, пожалуй, живемъ тѣмъ прекраснымъ, что... вокругъ.

Машура не отвѣтила. Не то, чтобы она была поглощена чѣмъ, все-же какъ-то замкнулась, собралась.

По дорогѣ назадъ Христофоровъ сказалъ:

— А остатокъ лѣта придется мнѣ проводить въ Москвѣ.

Машура нѣсколько задохнулась.

— Вы... наблюдатель... созерцатель... вамъ все равно, гдѣ, съ кѣмъ жить. Слѣдите за переливами... Что-жъ, вамъ виднѣе.

Христофоровъ отвѣтилъ тихо и очень сдержанно:

— Я уѣзжаю не потому, что я наблюдатель.

Машура пожала плечами.

— Тогда я ничего не понимаю.

— Правъ — я, — отвѣтилъ Христофоровъ, мягко, какъ бы съ грустью. — Повѣрьте!

Когда они подходили къ гостиницѣ, у подъѣзда стоялъ автомобиль. Высокій офицеръ и господинъ въ штатскомъ говорили съ монахомъ. Въ автомобилѣ сидѣла дама. Машура сразу узнала Анну Дмитріевну.

Анна Дмитріевна улыбнулась.

— А, и мы! Паломничествомъ занимаетесь?

Машура сказала, гдѣ они были. Господинъ въ штатскомъ обернулся.

— Чортъ возьми, почему же насъ не пускаютъ? Нѣтъ, скажите пожалуйста, мнѣ очень это нравится: святое мѣсто, мы пріѣхали отдохнуть, и вдругъ — нѣту номеровъ!

Онъ былъ худой, сѣдоватый, съ изящнымъ лицомъ. Синіе глаза смотрѣли удивленно.

Подойдя къ Машурѣ, онъ поклонился, назвалъ себя:

— Ретизановъ.

И все улыбался, недоумѣнно, какъ бы обиженно.

— А намъ больше повезло, — сказалъ Христофоровъ. — У насъ есть комната, мы бы могли ее предложить.

Машура подтвердила.

— Такъ у васъ есть комната? — закричалъ Ретизановъ, все держа передъ собою канотье. — Дмитрій Павлычъ, — крикнулъ онъ офицеру: — у нихъ есть комната!

Никодимовъ подошелъ, вѣжливо поклонился. Глаза его, какъ обычно, не блестѣли.

— Вы намъ очень поможете, — сказалъ онъ.

Анна Дмитріевна вышла изъ автомобиля.

— Ну, милая вы голова, — сказала она Ретизанову, — почему же вы думаете, что въ монастырской гостиницѣ *обязаны* имѣть для васъ помѣщеніе?

— Нѣтъ, это странная вещь, мы пріѣхали, и вдругъ...

Ретизановъ развелъ руками. Онъ, видимо, былъ нервенъ и легко, какъ-то ребячески вспыхивалъ.

Антонъ не очень оказался доволенъ, когда къ нимъ въ номеръ ввалилась цѣлая ком-

панія. Онъ сказалъ, что былъ уже въ монастырѣ, и тамъ нѣтъ ничего интереснаго.

— Я бывалъ тутъ давно, — тихо сказалъ Христофоровъ, — но сколько помню, напротивъ, монастырь мнѣ очень нравился.

Антонъ взглянулъ на него своими маленькими, острыми глазами почти дерзко и фыркнулъ.

— Можетъ быть, вамъ и понравился.

— Я смертельно пить хочу, — сказала Анна Дмитріевна, — пусть святые люди дадутъ мнѣ чаю, выпьемъ и пойдемъ разсудимъ, кто правъ.

Автомобиль попыхтѣлъ внизу и въѣхалъ во дворъ; розовый домъ напротивъ сіялъ въ солнцѣ. Корридорный, временъ давнишнихъ, въ русской рубашкѣ и нанковыхъ штанахъ, принесъ на подносѣ порціи чаю; пріѣзжіе пили его изъ чашекъ съ цвѣтами, разсматривая душеспасительныя картинки на стѣнахъ. Воздухъ лѣтняго вечера втекалъ въ окошко. Ласточки чертили въ синевѣ; за попомъ, проѣхавшимъ въ телѣжкѣ, клубилась золотая пыль.

Машура и Христофоровъ вышли со всѣми. Антонъ, почему-то, тоже не остался. Черезъ небольшую поляну подошли къ монастырскимъ воротамъ — съ башнею, образомъ надъ входомъ. Внутри — церкви, зда-

нія, затѣненныя липами и дубами; цвѣтники съ неизмѣнными георгинами. Недавно началась всенощная. Въ открытыя двери древняго храма, четырехугольнаго, одноглаваго, видно было, какъ теплятся свѣчи; простой народъ стоялъ густо; чувствовалось — тамъ душно, пахнетъ ладаномъ, плывутъ струи синѣющаго, теплаго воздуха.

Анна Дмитріевна шла своей сильной, полной походкой, щуря каріе глаза. Высокая, статная, была она какъ бы предводительницей всей компаніи. Иногда подымала золотой лорнетъ съ инкрустаціями.

— Вотъ вы и неправы, совсѣмъ неправы о монастырѣ, — говорила она Антону. — Я такъ и думала, что неправы.

— Да это же странное дѣло, говорить, что тутъ ничего нѣтъ хорошаго, —крикнулъ Ретизановъ. — Прямо странное.

Антонъ искоса поглядывалъ на Машуру; къ ней не подходилъ, не заговаривалъ. Онъ блѣднѣлъ, раздражался внутренно и сказалъ:

— Значитъ, я ничего ни въ чемъ не понимаю.

— Что меня касается, — сказалъ Никодимовъ, негромко, глядя на него темными, неулыбающимися глазами, — я тоже не люблю

святыхъ пѣній, золотыхъ крестовъ, поэтическихъ убѣжищъ.

— А я, грѣшная, люблю, — сказала Анна Дмитріевна. — Видно, Дмитрій Павлычъ, мы во всемъ съ вами разные.

Она вздохнула и вошла въ храмъ Рождества Богородицы, съ удивительнымъ орнаментомъ надъ дверями, послушать вечерню.

Ретизановъ остановился, задумался, снялъ съ головы каноть и, улыбнувшись по-дѣтски. своими синими глазами, сказалъ Никодимову:

— Въ Аннѣ Дмитріевнѣ есть влажное, живое. А если живое, то и теплое. Вы слышали, она сказала: грѣшная. А въ васъ одна... одна барственность, и нѣтъ влажнаго, потому что вы ничего не любите.

Христофоровъ выслушалъ это очень внимательно.

Никодимовъ чуть поклонился.

Въ это время Антонъ, съ дрожащей нижней губой, сказалъ Машурѣ, пріотставшей:

— Въ этой компаніи я минуты не остаюсь. Я иду, сейчасъ же, домой.

— Что же сдѣлала тебѣ эта компанія? — спросила Машура, тоже глухо.

— Тебѣ съ Алексѣемъ Петровичемъ будетъ интереснѣй, а я вовсе не желаю, чтобы

меня...Я не гимназистъ. Пусть Алексѣй Петровичъ тебя проводитъ... до дому.

Онъ быстро ушелъ. Машура знала, что теперь съ нимъ ничего не подѣлаешь. И она его не удерживала. Да и еще что-то мѣшало. Ей непріятенъ былъ его уходъ. Но какъ-будто такъ и должно было случиться.

Много позже, когда синеватый сумракъ сошелъ на землю, всѣ сидѣли у гостиницы, на скамеечкѣ подъ деревьями. Снизу, отъ запруды доносились голоса. По тропинкамъ взбирались запоздалые посѣтители. Монастырскія ворота были заперты, и у иконы, надъ ними, таинственно свѣтилась лампадка — красноватымъ, очаровательнымъ въ тишинѣ своей свѣтомъ. Выше, въ фіолетовомъ небѣ, зажглись звѣзды.

— Здѣсь жить я бы не могла, — говорила Анна Дмитріевна. — Но иногда и меня тянетъ къ святому, да, какъ бы вы ни улыбались тамъ, господинъ Никодимовъ, Дмитрій Павлычъ!

Она обернулась къ Христофорову.

— А правда, что вы въ монахи собирались поступать?

— Меня иногда объ этомъ спрашиваютъ, — отвѣтилъ Христофоровъ покойно. — Но нѣтъ, я совсѣмъ не собирался въ монахи.

Подали машину. Было рѣшено завезти Ма-

шуру и Христофорова домой. Когда тронулись, Анна Дмитріевна, всматриваясь въ Христофорова, вдругъ сказала:

— А васъ я хотѣла бы свезти и вовсе въ Москву. Послѣзавтра бѣга. Что вамъ въ деревнѣ сидѣть?

Машина неслась уже лугомъ. Звенигородъ и монастырь темнѣли сзади. Рѣдкіе огоньки свѣтились въ городѣ.

— Эхъ, вотъ бы нестись... это я понимаю,— говорила Анна Дмитріевна. — И еще шибче, чтобы воздухомъ душило. Нѣтъ, поѣдемте съ нами въ Москву, Алексѣй Петровичъ.

Къ удивленію ея, Христофоровъ согласился. Полетъ автомобиля опьянялъ ихъ благоуханіемъ — вечерней сырости, луговъ, лѣса. Звѣзды надъ головой бѣжали, и вѣчно были недвижны.

V.

Машуру завезли, какъ и предполагалось. Полчаса посидѣли — Наталья Григорьевна тоже изумилась, что Христофоровъ уѣзжаетъ—и покатили дальше. Было пустынно, тихо на шоссе; гнать можно шибко. Никодимовъ досталъ коньякъ, три серебряныхъ стаканчика. Выпилъ и Христофоровъ. Стало теплѣе, туманнѣе въ мозгу.

— А можетъ быть, вы хотите у меня ночевать? — спросилъ Ретизановъ, придерживая рукой канотье. — У меня квартира...

И на это согласился Христофоровъ. Онъ сидѣлъ рядомъ съ Анной Дмитріевной, а напротивъ покачивались двое мужчинъ; дальше — голова шоффера, зеркальное стекло, золотые снопы свѣта, вѣчно трепещущіе, легко мчащіеся къ Москвѣ.

Москва приближалась — золотисто-голубоватымъ заревомъ; оно росло, ширилось, и вдругъ, на одномъ изъ поворотовъ, съ горы, блеснули самые огни столицы; потомъ опять скрылись — машина перелетала въ низинѣ рѣку, пыхтѣла селомъ — и снова вынырнули.

— Никодимовъ, — сказала вдругъ Анна Дмитріевна, — отчего вы не похожи на Алексѣя Петровича?

Онъ слегка усмѣхнулся.

— Виноватъ.

— А я хотѣла, — задумчиво и упрямо повторила она, — чтобы вы были похожи на него.

Никодимовъ выпилъ еще, всталъ, сдѣлалъ подъ козырекъ и спокойно сказалъ:

— Слушаю-съ.

Зазеленѣло утро. Звѣзды уходили. Лица казались блѣднѣе и мертвеннѣе. Мелькнули

лагери, Петровскій паркъ вдали, въ утреннемъ туманѣ; казармы, каменные столбы у заставы — въ свѣтлой, голубѣющей дымкѣ принимала ихъ Москва. Анну Дмитріевну завезли домой. Переулками, гдѣ возрастали Герцены, прокатили на Пречистенку, и лишь здѣсь, у многоэтажнаго дома, отпустилъ шофера Ретизановъ.

Никодимовъ вышелъ довольно тяжело; съ собой забралъ остатки вина, сѣлъ въ лифтъ и сказалъ хмуро: «Поѣхали»! Слегка погромыхивая, лифтъ поднялъ ихъ въ седьмой этажъ. Никодимовъ вышелъ. Руки были холодны.

Когда Ретизановъ отворялъ ключомъ двери квартиры, онъ сказалъ:

— Отвратительная штука лифты. Ничего не боюсь, только лифтовъ.

— Лифтовъ? Ха! Ну, ужъ это чудачество, — сказалъ Ретизановъ. — А еще меня называетъ полоумнымъ.

Никодимовъ вздохнулъ.

— Вы-то ужъ помалкивайте.

Онъ выгрузилъ на столъ свое вино. Лицо его было блѣдно и устало; глаза все тѣ же, темные; утренняя заря въ нихъ не отсвѣчивала.

Христофоровъ осматривался. Квартира была большая, какъ-будто богатаго, но не дѣлового человѣка. Онъ прошелъ въ кабинетъ,

Старинныя гравюры висѣли по стѣнамъ. Письменный столъ, рѣзного темнаго дуба, опирался ножками на львовъ. На полкѣ кожанаго дивана — книги, на большомъ столѣ, въ углу у камина — увражи, фарфоровыя статуэтки, какія-то табакерки. На книжныхъ шкафахъ длинные чубуки, пыльный глобусъ, заржавленный старинный пистолетъ. Въ углу — восточное копье.

Страннымъ показалось Христофорову, что онъ тутъ, почти у незнакомаго, на зарѣ. Онъ вышелъ на балконъ. Было видно очень далеко — полъ-Москвы съ садами, церквами лежало въ утренней дымкѣ, уже чуть золотѣющей; вдали, тонко и легко, голубѣли очертанія Воробьевыхъ горъ. Христофоровъ курилъ, слегка наклоняясь надъ перилами. Внизу бездна — далекая, тихая улица; ему казалось, что сейчасъ все мчитъ его какая-то сила, отъ людей къ людямъ, изъ мѣстъ въ мѣста. «Все интересно, все важно, — думалъ онъ: — и пусть будетъ все». Онъ вдругъ почувствовалъ неизъяснимую сладость — въ прохожденіи жизнью, среди полей, лѣсовъ, людей, городовъ, вѣчно-смѣняющихся, вѣчно проходящихъ и уходящихъ. «Пусть будетъ Москва, какой-то Ретизановъ, кофе на зарѣ, бѣга, автомобили, Анна Дмитріевна. Это все — жизнь».

— Кофе? — говорилъ сзади Ретизановъ. — Конечно, кофе сюда. Нѣтъ, а по-вашему какъ?

Онъ тащилъ уже столикъ, а за нимъ Никодимовъ вышелъ со своими бутылками. Ретизановъ безпокоился, хлопоталъ, размахивалъ руками. Все дѣлалъ онъ самъ — не особенно складно, но шумно и съ оживленіемъ.

— А вы, можетъ быть... — сказалъ онъ Христофорову, и вдругъ улыбнулся, доброй, дѣтской улыбкой, — вы, можетъ быть, голодны?

Христофоровъ тоже улыбнулся, слегка даже покраснѣлъ, и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, почему же я голоденъ...

— У васъ такой видъ, — продолжалъ Ретизановъ, съ упорной наивностью, — что можетъ быть, вы голодны... А то я васъ ветчиной угощу.

— Вчера съ нимъ славная была дѣвица, — сказалъ Никодимовъ, кивая на Христофорова. — Вы хотя и въ родѣ монаха... но въ женщинахъ понимаете.

Христофоровъ опять смутился.

— Машура была со своимъ женихомъ... — неловко сказалъ онъ. — А я, просто потому, что у нихъ гостилъ.

Никодимовъ засмѣялся.

— Не оправдывайтесь. Женихъ довольно не складенъ... и удралъ. Не зря, видно. Нѣтъ, чокнемся. Такую подцѣпилъ... — Онъ свистнулъ. — Ди-те-но-чекъ! — И прибавилъ грубое слово.

— Ну, ужъ это чортъ знаетъ! — закричалъ Ретизановъ. — Нѣтъ, ужъ я васъ знаю. Цинизмъ разводитъ. Да вы вообще циникъ. Нѣтъ, я просто не понимаю: такое утро, мы сидимъ чуть не подъ небесами, солнце, прелесть, а онъ... гадости. И еще съ этакимъ... джентльменскимъ видомъ. Джентльменъ! Вы знаете, — обратился онъ къ Христофорову, — онъ всегда надо мной издѣвается. Напримѣръ, когда я влюбленъ...

— Каждый мѣсяцъ, — сказалъ Никодимовъ.

— Подождите, не перебивайте... Когда я влюбленъ, онъ мнѣ чортъ знаетъ что говоритъ.

Онъ сѣлъ съ Христофоровымъ рядомъ и вперилъ въ него синіе, взволнованные глаза.

— Я вотъ и сейчасъ влюбленъ. — Ретизановъ говорилъ тише, но очень серьезно. — Въ Лабунскую... Нѣтъ, это замѣчательная дѣвушка. Когда вы увидите, то скажете. Она танцуетъ.

— Вмѣсто того, чтобы... — сказалъ Нико-

димовъ, — онъ посылаетъ ей букеты, отождествляетъ съ греческими рельефами... ну, это извѣстное... рожденіе Венеры. И, кажется, намѣренъ въ кабинетѣ воздвигнуть алтарь для служенія ей.

— Нѣтъ, съ нимъ нельзя разговаривать...

Ретизановъ совсѣмъ взволновался, вскочилъ и вышелъ. Онъ отправился къ себѣ въ спальню, и для чего-то вымылъ даже руки, ополоснулъ лицо. «Нѣтъ, это ужъ чортъ знаетъ что», твердилъ онъ про себя. «Это чортъ знаетъ что».

Вернулся онъ тихій и молчаливый, какъ бы погасшій.

— Вы напрасно на меня сердитесь, — сказалъ Никодимовъ, — я, во-первыхъ, пьянъ. Во-вторыхъ, — у меня вообще дурной характеръ.

— Я на васъ не сержусь, — отвѣтилъ Ретизановъ, — на васъ сердиться нельзя.

Никодимовъ захохоталъ, но какъ-то дѣланно.

— У-билъ! Прямо убилъ въ сердце.

Все-же, они сидѣли довольно долго. Утро, дѣйствительно, было чудесно. Понемногу Москва просыпалась. Зазвенѣлъ трамвай. Появились женщины съ кулечками, проходили рабочіе. Никодимовъ сталъ зѣвать; его темные глаза отупѣли.

Усталъ и Христофоровъ. Онъ рѣшилъ не оставаться здѣсь, а прямо пройти домой, тамъ отдохнуть. Когда они выходили черезъ кабинетъ, Никодимовъ сказалъ:

— Здѣсь живетъ и работаетъ, собираетъ старинныя книги, изучаетъ ритмъ, изобрѣтаетъ новые законы гармоніи, бесѣдуетъ съ геніями и влюбляется донъ Алонзо-Кихада дель Ретизановъ. Ну, особенно съ геніями: съ этими онъ запросто.

Ретизановъ молча подалъ ему руку. Глаза его были усталы и разсѣянны.

Когда вдвоемъ они спускались въ лифтѣ, Никодимовъ сказалъ:

— Впрочемъ, каждый развлекается, какъ хочетъ. Я увѣренъ, что сейчасъ Ретизановъ совѣтуется съ духами, итти-ли завтра къ Лабунской, и какой надѣть галстукъ.

— Онъ спиритъ? — спросилъ Христофоровъ.

— Врядъ-ли. Скорѣе, просто чудакъ. Но изъ тѣхъ, — прибавилъ Никодимовъ холодно, — которыхъ многіе любятъ.

Христофоровъ взглянулъ на него. Что-то затаенное, почти горькое послышалось ему въ этихъ словахъ.

Никодимовъ шелъ по Пречистенкѣ, очень прямо и довольно твердо, курилъ и вдругъ сказалъ:

— Въ общемъ, скучно. Даже очень скучно, хотя и выпилъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова заговорилъ:

— Вотъ вы, мудрая душа, sancta simplicitas, объясните мнѣ слѣдующее. Я вижу сонъ: будто я въ Вѣнѣ, шикарный отель. Вхожу, иду къ лифту. Швейцаръ стоитъ у дверцы и внимательно смотритъ. Снимаетъ каскетку, кланяется мнѣ и улыбается. Отворяетъ дверцу. Я долженъ войти... — Больше ничего, но тутъ просыпаюсь, всегда съ ужасомъ. Странно, что всегда швейцаръ одинаковъ, я помню его лицо. Этотъ сонъ я видѣлъ раза три. Это что, плохо?

Казалось, Никодимовъ уже трезвъ. Онъ какъ-то подобрался, впалъ въ нѣкую задумчивость.

— Сна я не умѣю объяснить, — отвѣтилъ Христофоровъ. — Но вполнѣ понимаю, что для васъ онъ можетъ быть непріятенъ.

Никодимовъ вздохнулъ.

— Я все думаю, что этого швейцара съ лифтомъ встрѣчу.

Разставаясь, Никодимовъ подалъ ему руку, улыбнулся, и сказалъ:

— Что же, завтра на бѣга?

— Можетъ быть.

Христофоровъ зашагалъ по Поварской. Онъ не ясно сознавалъ, почему это дѣлаетъ, и лишь дойдя до дома Вернадскихъ, поймалъ себя на томъ, что просто ему пріятно пройти мимо него. На улицу выходилъ особнякъ съ антресолями, со старинными, зеркальными стеклами, чуть отливавшими фіолетовымъ. Были спущены синеватыя шелковыя шторы, въ складкахъ; деревья затѣняли крышу, открыты настежъ ворота, дворъ полузаросъ травой, у колодца, посреди, бродятъ сизые голуби. И лишь крѣпко запертъ каретный.

Христофоровъ остановился на другой сторонѣ улицы, въ свѣжей тѣни яснаго утра, смотрѣлъ на антресоли Машуры, потомъ улыбнулся, повернулся на одной ногѣ и пошелъ домой.

Прислуга удивилась, увидавъ его. Онъ поздоровался съ хозяйкой, старушкой въ сѣдыхъ локонахъ — г-жею Самба; когда-то была она замужемъ за французомъ; сохранила манеру аккуратно одѣваться, завивать букли; въ остальномъ была старинная московская дама; въ комнатахъ ея пѣли канарейки, лежали чистые половички, свѣчи сіяли предъ иконами; стояло много пустячныхъ статуэтокъ, фотографій — все въ безукоризненной чистотѣ.

Сейчасъ она пила утренній кофе и тоже

удивилась Христофорову. Раньше августа она его не ждала.

Христофоровъ прошелъ наверхъ. Комната казалась пустоватой, все имѣло уже нежилой духъ. Фотографіи на стѣнахъ обернуты газетами.

Онъ сѣлъ на подоконникъ, растворилъ окно. Зеленый тополь шелестѣлъ, серебристо-отблескивалъ листиками. Дальше былъ садикъ съ яблонями, дровяной сарай. Ему представилось, что сейчасъ Машура встала и работаетъ своимъ скребкомъ, или лежитъ въ гамакѣ, а голубое утро опрокидываетъ надъ нею свою чашу. Отсюда, издали, даже лучше онъ ее чувствовалъ. Хорошо или плохо, что уѣхалъ?

Онъ оглянулся, увидѣлъ свою полупустую келью, мгновенно пронеслось предъ нимъ многое изъ прежней жизни — рядъ такихъ же келій, одиночествъ и безплодныхъ мечтаній. «Ну, и ладно, ладно, — сказалъ онъ себѣ, отходя къ кушеткѣ. — Значитъ, такъ и живемъ». Онъ взялъ подушку, легъ и закрылъ глаза. Слезы стояли въ нихъ. Эти слезы пріятно было бы видѣть Машурѣ. Онъ же глоталъ ихъ и ждалъ, пока просохнутъ мокрыя рѣсницы.

Нѣсколько успокоившись, Христофоровъ уснулъ.

VI.

Утро слѣдующаго дня было такое же солнечное. Горячій тополь, шелестя пахучей листвой, бормоталъ за окномъ. Христофоровъ скромно пилъ чай съ калачикомъ и читалъ газету, когда дверь отворилась: вошла Анна Дмитріевна. Въ дверяхъ она слегка нагнулась, чтобы не помять эспри. Но и въ самой мансардѣ, при ростѣ вошедшей, эспри чуть не чертилъ по потолку воздушными своими кончиками.

— А, — сказала она, оглядываясь, — убѣжище отшельника. Здравствуйте, святой Антоній.

Христофоровъ всталъ и улыбнулся.

— Ну, вы тогда царица Савская. Впрочемъ... — онъ смѣшался — Я, кажется, говорю глупости.

Анна Дмитріевна захохотала.

— Пожалуй, что и такъ. Я, во-первыхъ, не имѣю намѣреній этой царицы, второе — у меня нѣтъ и шерсти на ногахъ. Дѣло проще: нынче бѣга, я за вами заѣхала. Ни болѣе, ни менѣе. Впрочемъ, — прибавила она, — мнѣ еще хотѣлось посмотрѣть, какъ вы живете.

Она подошла къ окну, на которомъ онъ

вчера сидѣлъ, тоже сѣла, сняла шляпу и еще разъ обвела глазами *убѣжище*.

— Въ этой комнатѣ, — сказала она, — нѣтъ женщины, и никогда ея не было. По ней тоскуютъ стѣны. Хозяинъ пьетъ чай съ одинокой булкой, ходитъ съ непришитыми пуговицами и скромно чиститъ скромный сюртучокъ.

Христофоровъ взялъ порыжѣлую шляпу и сказалъ:

— Хозяинъ прожилъ такъ полжизни.

Анна Дмитріевна смотрѣла теперь въ садикъ, залитый солнцемъ, задумалась. Потомъ вдругъ встала, вздохнула и стала поправлять эспри.

— Можетъ быть, тутъ и хорошо жить, въ вашемъ скиту. Можетъ, и надо такъ, не вамъ однимъ. Эхъ, милый вы человѣкъ, и зеркало же... ну, да ужъ что тамъ...

Они спустились и вышли. Рысакъ ждалъ на улицѣ, перебирая въ нетерпѣніи ногами — косился на кучера злымъ глазомъ; кучеръ напоминалъ истукана.

— Москва, голубушка! — сказала Анна Дмитріевна, садясь и указывая на кучерову спину.

— Я вѣдь и сама Москва, — говорила она, когда тронулись. — Я московская полукровка, мѣщанка. Говорю «на Москвѣ-рѣкѣ»,

«нипочемъ», люблю блины, къ Иверской хожу. Я просто была хорошенькая дѣвчонка, когда меня продали замужъ... или сама продалась. Меня отдали за такое, знаете-ли, милліонное животное... Сверхъестественно милліонное. И животное—сверхъестественное.

Она помолчала.

— Я ко всему пріучена, голубчикъ. Всѣмъ развращена, чѣмъ можно — и людьми, богатствомъ, хамствомъ. Теперь мужъ мой умеръ. Мнѣ и говорить-то о немъ нельзя.

Она вдругъ засмѣялась, — холодно и рѣзко.

— Онъ меня билъ. Вы знаете? Случалось. Я запудривала синяки.

Христофоровъ сбоку, съ удивленіемъ взглянулъ на эту статную, темноволосую женщину. Она поняла и улыбнулась.

— Ахъ, дитя, не ищите. Теперь сошли.

Когда рысакъ, пѣнясь подъ жаркимъ солнцемъ, мчалъ ихъ за Тріумфальной аркой, среди зеленаго avenue къ Петровскому парку, она спросила:

— Нравятся вамъ два небольшія слова: — «Тайное горе. Тайное горе»?

Христофоровъ опять на нее взглянулъ и тихо отвѣтилъ:

— Да. Очень нравятся.

Она слегка хлопнула его перчаткой.

— Такъ. Ну, вотъ и подъѣзжаемъ, — перебила она. — Теперь мы направимся съ вами въ нѣкую клоаку, называемую азартомъ, игрою и прочимъ. Здѣсь посмотримъ жалкій человѣческій родъ и себя покажемъ.

Рысакъ взялъ налѣво и понесъ по молодой аллеѣ; круглыя солнечныя пятна трепетали подъ деревьями; по тротуару спѣшило человѣчество. Завиднѣлось аляповатое зданіе, съ группами коней на фронтонѣ—къ нему безпрерывно подходили, подъѣзжали на извозчикахъ, автомобиляхъ, собственныхъ лошадяхъ. Христофоровъ никогда здѣсь не бывалъ. Выйдя изъ коляски, поднявшись къ вестибюлю, миновали они турникетъ, — и тутъ гудящая, бурливая толпа затолкала его, ошеломила. Только что кончился заѣздъ. Изъ амфитеатра спѣшили въ залу, къ окошечкамъ кассъ, записываться на слѣдующій. Посреди залы, у столиковъ, захватившіе мѣста счастливцы пили чай, воды, коньякъ.

Потолкавшись, прошли они въ ложу. Открылся вольный свѣтъ, голубой воздушный, просторъ, — а у ногъ накатанная полоса, уходившая вдаль плавнымъ эллипсомъ. На легонькихъ двухколескахъ проѣзжали по ней наѣздники, въ шутовскихъ полосатыхъ куртках, кэпи и очкахъ. За далекимъ заборомъ виднѣлись зданія вокзала, дома, сады Моск-

вы, и золотисто переливалъ куполъ Христа Спасителя.

— Здѣсь, — сказала Анна Дмитріевна, оглядываясь: — всякіе низы, шваль; а можете увидѣть и художника, врача и адвоката. Это затягиваетъ.

— Вы тутъ часто бываете? — спросилъ Христофоровъ.

Она улыбнулась.

— Нѣтъ, да я-то не особо... — Она вынула часики и взглянула. — Что же Дмитрій Павлычъ не ѣдетъ? Это онъ у насъ любитель всякихъ такихъ штукъ, — прибавила она.

Иная интонація послышалась здѣсь Христофорову. Точно тѣнь пробѣжала по ней. Она замкнулась, но но была покойна.

— А, вонъ видите — Ретизановъ!

Она приложила къ глазамъ лорнетъ.

— Гуляетъ подъ руку съ высокой барышней... Лабунская, одна танцовщица.

Въ это время въ ложу вошелъ Никодимовъ. Онъ былъ свѣже-вымытъ, подобранъ, нѣсколько блѣденъ и оживленъ.

— Ставьте на «Кругомъ-шестнадцать» — сказалъ онъ Христофорову, поздоровавшись и поцѣловавъ руку Аннѣ Дмитріевнѣ, — лошадь вѣрная. Селима играетъ ее, я тоже.

Темные глаза его, сколько могли, выказывали возбужденіе.

— Селима живетъ съ Хохловымъ и все знаетъ. Хохловъ нарочно ее темнилъ, а теперь зарабатываетъ. Въ публикѣ никто этой лошади не понимаетъ. Выдача будетъ по тысячѣ.

— Ну, ужъ Богъ съ ней, съ вашей лошадью... да и съ пѣвицей, — сказала Анна Дмитріевна, — покажите ее, по крайности. А, брюнетка, въ фіолетовой какой-то вуали... глаза подкрашены по-суздальски... Понимаю... Ти-ипичная. Съ ней юркій господинчикъ. Да... это, — обратилась она къ Христофорову, — такія темныя личности, якобы все знаютъ про лошадей, и даютъ вамъ совѣтъ — за вознагражденіе, понятно... Юрисконсульты по лошадиной части. А больше всего—жулики. Называются они — жучки. Среди нихъ вотъ пріятели Дмитрія Павлыча.

Никодимовъ усмѣхнулся.

— Если что-нибудь скверное, то непремѣнно Дмитрій Павлычъ.

Внизу зазвонили. Шесть лошадей тронулось, быстро онѣ сбились въ кучу, каждая стараясь занять внутренній кругъ. До поворота нельзя было опредѣлить ихъ шансовъ. Но лишь вышли на прямую, впереди оказался маленькій, похожій на кузнечика наѣздникъ. «Забираетъ, забираетъ», говорили кру-

гомъ. «Сенькинъ забираетъ». «Нѣтъ-съ, не думайте... Не выдастъ». «Что-то туго...» «Ага. Хохловъ»!

Христофоровъ замѣтилъ, что теперь, вблизи второго поворота, изъ группы лошадей, бѣжавшихъ изо всѣхъ силъ, отсюда же казавшихся игрушечными, вдругъ выдѣлилась одна, съ голубымъ наѣзникомъ, и легко обошла кузнечика. Толпа на трибунахъ загудѣла. «Хохловъ!» — слышались голоса. «Хохловъ!» —Обернувшись, Христофоровъ увидѣлъ блѣдныя, раздраженныя лица. Бинокли впились въ точку эллипса, гдѣ нѣкій Хохловъ, подъ блескомъ полуденнаго солнца, обгонялъ на своей «Кругомъ-шестнадцать» Сенькина, кузнечика. Никодимовъ стоялъ вытянувшись, приложивъ ладонь къ козырьку фуражки. Мускулы на щекѣ его подрагивали. Вѣтерокъ шевелилъ серебряный эксельбантъ.

— А смотрите, — сказала Анна Дмитріевна,—не отрывая отъ глазъ лорнета:—Дмитрій Павлычъ нашъ выигрываетъ. Видно, что съ Селимой знакомъ.

Въ эту минуту физически ощутилъ Христофоровъ тучу, повисшую надъ всѣмъ этимъ огромнымъ скопищемъ — тучу желаній и жадности. Горящіе глаза, поблѣднѣвшія лица. Имя Хохловъ, для большинства сей-

часъ ненавистное, другимъ звучащее музыкой, перебѣгало по толпѣ. Вопреки всему, Хохловъ побѣждалъ. На послѣдней прямой это стало ясно.

Анна Дмитріевна положила лорнетъ, обернулась и сказала Никодимову:

— Что же, васъ можно поздравить...

Съ ипподрома раздался какъ бы пистолетный выстрѣлъ. «Кругомъ-шестнадцать» вдругъ заскакала, произошло мгновенное замѣшательство, сзади кто-то охнулъ, — и чрезъ секунду впереди шла другая лошадь. «Алябьевъ, Алябьевъ, браво, навались!» — кричали сверху. Хохловъ билъ кнутомъ свою «Кругомъ шестнадцать», трясясь на двухколескѣ съ лопнувшей шиной, а нѣкій Алябьевъ, тоже нежданный герой дня, на полкорпуса обставилъ его у самаго старта. Кузнечикъ былъ третьимъ.

Толпа кричала. Одни ругали Хохлова, другіе кузнечика.

Подошелъ Ретизановъ съ высокой, тонкой дѣвушкой въ соломенной шляпѣ и коричневой, длинной вуали. Ея сѣрые глаза улыбались.

— Мы выиграли, — сказала она пѣвучимъ, московскимъ говоромъ, здороваясь съ Анной Дмитріевной. — Мы пополамъ ставили на лошадь, которой имя мнѣ понравилось: «Без-

заботная». И она пришла первая. Мы... какъ это ставили?

— Въ ординарномъ, — тоже улыбаясь, отвѣтилъ Ретизановъ. — По пяти рублей. А вы на кого? — спросилъ онъ Никодимова. — Ага, съ носомъ, ахъ, чортъ возьми, вы, значитъ, проиграли? Триста рублей!

Ретизановъ удивился.

— Нѣтъ, какъ вамъ это нравится, — обратился онъ къ Аннѣ Дмитріевнѣ, — онъ ставитъ на лошадь триста рублей! Нѣтъ, это ужъ безобразіе! По-вашему, онъ откуда ихъ беретъ?

Анна Дмитріевна ничего не отвѣтила. Что-то прошло въ ея лицѣ. Она стала отдаленнѣй.

— Если бы мнѣ покровительствовали геніи, какъ вамъ, — холодно сказалъ Никодимовъ, — я бы поставилъ и тысячу.

— Чортъ знаетъ, какъ вы это говорите... геніи! Всегда чепуху.

Ретизановъ вспыхнулъ и отошелъ.

— Какія славныя лошади, и славный день, — говорила Лабунская, слегка щурясь и глядя на ипподромъ.

— Это не потому, что я выиграла, но не знаю, мнѣ все сегодня нравится и кажется такимъ свѣтлымъ...

— У васъ сердце легкое, — отвѣтила Ан-

на Дмитріевна, ласково глядя на нее, и вздохнула. — Вы вся легкая, я чувствую.

Внизу, на доскѣ, прикрѣпленной къ столбу, вывѣсили выигрыши. Ретизановъ надѣлъ пенснэ, высунулся изъ ложи и захохоталъ.

— Ахъ, чортъ возьми! Знаете, сколько выдаютъ? Ха! Никодимовъ будетъ завидовать.

Минутъ черезъ десять онъ возвратился съ трофеями. Лабунская взяла четыре сотенныхъ, сунула въ мѣшочекъ, съ видомъ безразличія.

— Что вы будете дѣлать съ этими деньгами? — спросилъ Христофоровъ.

Она подняла на него сѣрые, ясные глаза. «Беззаботная», вспомнилось ему имя лошади, на которую она ставила.

— Я вѣдь ихъ не ждала, — сказала она.— Можетъ быть, потому и выиграла, что не ждала. А теперь что дѣлать... — Она вынула опять деньги. — Что же, это вотъ сто, духовъ куплю, сто чулки, сто... хотите, вамъ отдамъ, а еще сто... ужъ и не знаю.

— Дайте мнѣ, — сказалъ Никодимовъ, — поставимъ пополамъ.

Она взглянула на него.

— Берите.

Никодимовъ протянулъ руку. Анна Дмитріевна отвернулась. Пальцы его были холодны. Онъ ушелъ. Въ ложѣ наступила за-

минка. Анна Дмитріевна усиленно разсматривала публику, Лабунская ѣла шоколадъ и лѣниво вертѣла программу.

— Зачѣмъ вы ему дали денегъ? — волновался Ретизановъ. — Чортъ знаетъ...

Съ Никодимовымъ Лабунская проиграла. Проигралъ онъ и въ слѣдующій заѣздъ. Они выходили пить чай. Никодимовъ все игралъ. Онъ ходилъ отъ одной кучки темныхъ личностей къ другой, разговаривалъ съ Селимой, тоже нынче злой. У него былъ видъ маніака. Христофоровъ нѣсколько усталъ. Медленно проходя къ себѣ въ ложу, онъ черезъ нѣсколько человѣкъ видѣлъ, какъ Анна Дмитріевна что-то быстро и рѣзко говорила Никодимову, потомъ вынула изъ ридикюля пачку денегъ и отдала.

Когда кончился послѣдній заѣздъ, Христофоровъ подошелъ къ нему.

— Ну, какъ ваши дѣла?

Никодимовъ посмотрѣлъ на него усталыми глазами.

— Очень плохо.

Ретизановъ предложилъ обѣдать у Яра.

Начался разъѣздъ. Побѣжденные брели пѣшкомъ, хмуро ждали трамвая. Побѣдители летѣли по ресторанамъ пропивать и проматывать трофеи, ловить легкое мгновеніе быстро текущей жизни. Для нихъ широко

былъ открытъ Яръ, игралъ оркестръ, и знаменитый румынъ выбивалъ трели; горѣло золотомъ шампанское въ вечернемъ свѣтѣ; продавали розы. Можно было видѣть Лабунскую, въ соломенной шляпѣ, легко и безпечно рѣзавшую ананасъ. Анну Дмитріевну, какъ-то горько охмѣлѣвшую отъ шампанскаго, и десятки другихъ нарядныхъ женщинъ, шикарныхъ мужчинъ. Потомъ, когда сѣло солнце, прошло междуцарствіе сумерекъ, синяя ночь наступила. И въ раскрытыя, гигантскія окна взглянули иные міры, плавно протекающіе по кругамъ, золотясь, мерцая. Какъ далекій, голубоватый призракъ, провела Вега свою Лиру.

«Тайное горе, — думалъ Христофоровъ, вглядываясь въ Анну Дмитріевну. — Тайное горе».

VII.

Антонъ отлично понималъ, что во всемъ былъ виноватъ — тамъ, въ монастырѣ. Дѣйствительно, что сдѣлала противъ него Машура? Изъ-за чего онъ рѣзко и грубо ушелъ, явился домой одинъ, съ несчастьемъ и бѣшенствомъ на сердцѣ? Какъ растолковать все это Натальѣ Григорьевнѣ, «проклятому здравому смыслу»? Въ его поведеніи не было здрава-

го смысла. Но, считая себя виновнымъ, онъ находилъ, что также онъ и правъ. Ибо въ Машурѣ, за ея дѣйствіями и словами, ощущалъ нѣчто, дававшее ему право на безпорядки.

Онъ молчалъ, не уѣзжалъ въ эти дни въ городъ, былъ мраченъ и ходилъ одинъ. Минутами остро ненавидѣлъ себя. Видя въ зеркалѣ сутулую фигуру съ большой головой, вихрастыми волосами и сумрачнымъ взглядомъ небольшихъ глазъ, онъ мгновенно убѣждался, что такого полюбить нельзя. Впрочемъ, тутъ же вспоминалъ, что многіе великіе люди были даже безобразны, напримѣръ, Сократъ. Во всякомъ случаѣ, пріятность, симпатичность — а это наиболѣе цѣнится — есть признакъ малой и не страстной души. Да, но многіе въ его годы... Абель въ двадцать шесть лѣтъ открылъ ряды, обезсмертившіе его имя, хотя и умеръ молодымъ и непризнаннымъ. Въ этомъ Антонъ находилъ нѣкоторое острое удовлетвореніе: онъ, съ его неказистымъ видомъ, онъ, похожій на застѣнчиваго и вспыльчиваго гимназиста, — болѣе всего подходитъ для роли недооцѣненнаго героя, преждевременно гибнущаго. «И ладно, — говорилъ онъ себѣ, въ горькомъ упоеніи: — превосходно. Пусть такъ и будетъ».

Но долго выдержать позу не могъ. Иногда Машура дѣйствовала на него ошеломляю-

ще. Звукъ голоса, какой-нибудь завитокъ темныхъ волосъ надъ ухомъ вызывали мучительную нѣжность. Разъ она довольно долго держалась за перила терассы; потомъ ушла. Онъ всталъ съ качалки, подошелъ, приложилъ лобъ къ теплому еще дереву; на глазахъ появились слезы. Вошла Наталья Григорьевна. Онъ быстро отвернулся, все-же она замѣтила, какъ онъ взволнованъ. Это лишь усилило ея безпокойство.

Наталья Григорьевна вообще замѣчала, что между ними неладно. Спрашивала и Машуру, почему онъ въ такой, какъ она выражалась, депрессіи. Но Машура ничего ей не объяснила. Она сама чувствовала себя неважно. Что-то очень смутное и неясное было у нея въ душѣ. Нѣчто ее безпокоило.

Пріѣзжалъ, на нѣсколько часовъ, Христофоровъ, за вещами. Онъ былъ тихъ и молчаливъ. Обѣдали довольно сумрачно. Когда случайно разговоръ коснулся Анатоля Франса, Антонъ сказалъ, обращаясь къ Натальѣ Григорьевнѣ:

— Вашъ Анатоль Франсъ просто французскій разговорщикъ. Отъ него волосы на головѣ не шевелятся.

Наталья Григорьевна возразила, что кромѣ волосъ на головѣ — есть еще стиль, изящество и философія; иронія и доброта; есть,

наконецъ, геній многовѣковой латинской культуры.

Но Антонъ не возражалъ, и разговоръ, вообще, не поддержался. Вѣрно, всѣ были заняты другимъ.

Вечеромъ, когда Христофоровъ уѣхалъ, у Машуры съ Антономъ было объясненіе. Оно не выяснило ничего. Антонъ волновался, почти грубилъ. Машура расплакалась и убѣжала въ свою комнату. Ночью оба не спали. А на утро онъ уѣхалъ, оставивъ записку, что такъ больше жить не можетъ. Онъ отправляется до осени на урокъ.

Машура прочла, разорвала бумажку и рѣшила, что пусть будетъ, какъ будетъ. Отнынѣ просто одна она станетъ заниматься жизнью, маленькими своими дѣлами, ни о комъ не думая. И правда, этотъ послѣдній мѣсяцъ провела въ деревнѣ, въ одиночествѣ— полторы недѣли даже совсѣмъ одна — Наталья Григорьевна уѣзжала въ Петербургъ. Это время осталось въ ея памяти, какъ полоска жизни чистой, покойной и немного грустной. Можно было гулять одной ясными августовскими вечерами, когда овесъ смутно бѣлѣетъ и шуршитъ въ сумеркахъ, полынь горкнетъ на межахъ, и красноватый дискъ встаетъ на лиловомъ горизонтѣ. Казалось, что она свободна отъ всего и всѣхъ. Можно

было мечтать объ одинокой жизни среди полей, подъ звѣздами.

Но вернулась Наталья Григорьевна, все стало на свои мѣста. И, какъ полагалось, въ первыхъ числахъ сентября водворились уже Вернадскіе на зимнія квартиры, совершая непрестанный круговоротъ, называющійся бытіемъ.

Какъ всегда, Машура возвращалась къ старому пепелищу освѣженная, какъ бы ободренная. Предстояла зима, полная новаго: впечатлѣній, занятій, выѣздовъ, книгъ. Жизнь осенью, въ Москвѣ, бываетъ иногда хороша.

И Машура съ живостью и возбужденіемъ устраивалась на Поварской. Къ ней наверхъ вела узенькая лѣстница. Небольшая первая комната — какъ бы пріемная; во второй, большой, раздѣленной пополамъ портьерой, вдоль которой длинный диванъ, жила Машура. Окна смотрятъ на югъ. Солнце чисто и привѣтливо сіяетъ въ безукоризненномъ паркетѣ, отсвѣчиваетъ въ ризахъ иконъ въ кіотѣ, золотитъ клавиши піанино; освѣщаетъ на стѣнѣ итальянскій примитивъ — старинную копію; блеститъ въ ручкахъ качалки съ накинутымъ вышиваніемъ, въ книжкахъ, фотографіяхъ, тетрадкахъ, гдѣ можно встрѣтить стихи Блока и портретъ Бальмонта —

во всѣхъ тѣхъ маленькихъ пустякахъ, что составляетъ обстановку и уютъ московской барышни изъ образованной семьи.

Жизнь ея приняла предустановленное теченіе: ходила Машура на курсы, гдѣ слушала философію, исторію и литературу; взяла абонементъ на Кусевицкаго; бывала у знакомыхъ, и у себя дома принимала; въ этомъ году то еще явилось, что Машура вошла въ общество «Бѣлый Голубь». Оно состояло сплошь изъ дѣвушекъ. Собирались для чтенія книгъ, рефератовъ и бесѣдъ, направленныхъ къ духовному саморазвитію. Занимались религіей. Искали смысла жизни. Разсуждали о поэзіи, искусствѣ. Устраивали музыкальные вечера. Среди барышень была молодая актриса, двѣ музыкантши, художницы. Тамъ встрѣтилась Машура съ Лабунской.

Лабунская очень ей понравилась — красотой, изяществомъ и простой вольностью движеній.

Пріятны были улыбка, смѣхъ; нѣсколько тягучій, широкій и мягкій московскій выговоръ. Скоро выяснилось, что у нихъ есть общіе знакомые — Анна Дмитріевна. Лабунская сказала, что знаетъ, какъ они были въ монастырѣ.

— Ахъ, — прибавила она живо: — да вы, пожалуй, знаете и Христофорова. Ну, та-

кой голубоглазый дядя, не то поэтъ, не то отшельникъ. — Впрочемъ, — прибавила она со смѣхомъ: — мы съ нимъ познакомились на бѣгахъ.

Машура слегка покраснѣла.

— Да, Алексѣя Петровича я знаю...

Лабунская сказала, что скоро у нихъ въ студіи будетъ вечеръ, немногочисленный, «но, можетъ быть, и ничего себѣ». Тамъ и она выступаетъ. Машуру она приглашала.

— Будутъ нѣкоторые пресмѣшные,—прибавила она. — Въ общемъ, ничего. Приходите.

Машура поблагодарила. И предложеніе приняла. Въ условленный день Лабунская звонила къ ней. Наталья Григорьевна не была безразлична къ тому, куда Машура ходитъ; но считала ее вполнѣ благоразумной, и не возражала.

Часовъ въ десять вечера Машура подходила къ большому красному дому, въ затѣйливомъ стилѣ, на площади Христа Спасителя. Луна стояла невысоко. Бѣлѣлъ въ зеленой мглѣ Кремль; тянулась золотая цѣпь огней вдоль Москвы-рѣки.

Машура поднялась на лифтѣ, отворила дверь къ какой-то корридоръ, и въ концѣ его поднялась по лѣсенкѣ въ слѣдующій этажъ. Вся эта область населялась одинокими художниками; жили тутъ три актрисы и фран-

цузъ. Лѣсенка вывела ее въ большую студію, подъ самой крышей. Уголъ отводился для раздѣванія. Главная же комната, вся въ свѣту, раздѣлена суконной занавѣсью пополамъ. Войдя, Машура скромно стала къ стѣнкѣ и осматривалась. Обстановка показалась непривычной: висѣли плакаты, замысловатыя картины; по стѣнамъ — нѣчто въ родѣ наръ, на которыхъ можно сидѣть и лежать. Вмѣсто рампы — грядка свѣжихъ гіацинтовъ.

— А-а,—сказалъ Ретизановъ, улыбаясь.— Вамъ нравятся вотъ эти гіацинты? Это я все..

Ретизановъ былъ очень наряденъ, въ хорошемъ смокингѣ, безукоризненной манишкѣ, лакированныхъ ботинкахъ. На блѣдномъ лицѣ съ сѣдоватой бородкой и усами синѣли глаза.

— Вы знаете, я люблю цвѣты... Я не понимаю, какъ можно не любить... А вы какъ смотрите? Тѣмъ болѣе, когда танцуетъ Елизавета Андреевна... Потому что она вѣдь одна музыка и ритмъ, чистѣйшее проявленіе музыки и ритма...

Онъ заволновался и сталъ доказывать, что Лабунскую надо смотрѣть именно среди цвѣтовъ. Машура не возражала. Она даже была согласна; но Ретизановъ, усадивъ ее въ уголъ,

громилъ какихъ-то воображаемыхъ своихъ противниковъ, и мѣшалъ даже разсмотрѣть присутствующихъ. Забѣжала Лабунская, уже въ длинной, свѣтлой туникѣ, поцѣловала Машуру, улыбнулась и ускользнула.

За минуту до начала, когда дамы, художники, меценаты, курсистки, поэты, молодыя актрисы усаживались, кто на нарахъ, кто на табуреткахъ, шурша платьями, благоухая, смѣясь, — къ Машурѣ подошелъ Христофоровъ, въ обычномъ своемъ сюртучкѣ. Она взглянула на него сбоку, сдержанно, и протянула холодноватую руку.

Заиграла невидимая музыка, свѣтъ погасъ, и зеленоватыя сукна надъ гіацинтами медленно раздвинулись. Первый нумеръ была пастораль, дуэтъ босоножекъ. Одна изображала влюбленнаго пастушка, наигрывала, танцуя, на флейтѣ, нѣжно кружила надъ отдыхавшей пастушкой; та просыпалась, начинались объясненія, стыдливости и томленье, и въ финалѣ торжествующая любовь. Затѣмъ шелъ танецъ гномовъ, при красномъ свѣтѣ. Лабунская выступала въ Орфеѣ и Эвридикѣ. Была она легка, нѣжна и безконечно трогательна. Казалось страннымъ, зачѣмъ нужна она тамъ, въ подземномъ царствѣ; и одновременно — да, можетъ быть и есть своя правда, и высшая печаль въ этомъ.

— Я говорилъ вамъ, — шепталъ сзади Ретизановъ: — что она божественна. А еще Никодимовъ болтаетъ... Нѣтъ, это ужъ чортъ знаетъ что...

Въ антрактѣ онъ побѣжалъ къ Лабунской. Машура и Христофоровъ прогуливались среди полузнакомой толпы. Опять сіялъ свѣтъ, блестѣли брилліанты дамъ.

— Я васъ не видѣлъ почти мѣсяцъ, — говорилъ Христофоровъ. — Уже сколько дней...

Машура взглянула на него. Его глаза были слегка влажны, блестѣли; казалось, былъ онъ очень оживленъ, какимъ-то хорошимъ воодушевленіемъ. Она улыбнулась.

— Вы весело живете, Алексѣй Петровичъ?..

— Какъ вамъ сказать, — онъ слегка расширилъ зрачки: и грустно, и весело.

Когда опять погасъ свѣтъ, и раздвигался занавѣсъ, Машура сказала шопотомъ:

— Все-таки въ томъ, какъ вы уѣхали отъ насъ, было что-то мнѣ непріятное...

Христофоровъ ничего не отвѣтилъ, смотрѣлъ на нее долго ласковымъ, смущенно-взволнованнымъ взоромъ. На сценѣ полунагія дѣвушки изображали охоту: то онѣ быстро неслись, какъ бы догоняя, то припадали на одно колѣно, и метали дротикъ, кружились въ концѣ концовъ, опять танцовали

другъ съ другомъ и по-одиночкѣ — быть можетъ, съ воображаемымъ звѣремъ.

Христофоровъ вынулъ блокъ-нотъ, оторвалъ бумажку, написалъ нѣсколько словъ и передалъ Машурѣ. Въ неясномъ свѣтѣ рампы, близко поднеся къ глазамъ написанное, она прочла: «Простите, ради Бога. Если дурно сдѣлалъ, то ненамѣренно. Простите».

Худыя щеки Машуры слегка заалѣли. Взявъ карандашикъ, она отвѣтила: «Я нисколько не сержусь на васъ, милый (и загадочный) Алексѣй Петровичъ».

Христофоровъ взялъ и шопотомъ спросилъ:

— Почему загадочный?

Машура мотнула головой и по-дѣтски, но убѣжденно отвѣтила:

— Да ужъ потому.

Когда вечеръ кончился, Ретизановъ сказалъ имъ, чтобы не уходили со всѣми. Лабунская просила итти вмѣстѣ.

— А Никодимовъ, хорошъ гусь, а? — вдругъ сказалъ онъ. — Сейчасъ записку прислалъ — дайте взаймы тысячу рублей. Какъ это вамъ нравится? Тысячу рублей! — Ретизановъ вскипѣлъ. — Что я, банкиръ ему, что ли? Мало Анну Дмитріевну обирать, такъ и меня...нѣтъ-съ, ужъ дудки...

Въ студіи стали гасить свѣтъ. Лишь сцена

освѣщалась — оттуда слабо пахло гіацинтами. Христофоровъ съ Машурой отошли къ нишѣ, разрисованной углемъ и пастелью. Былъ изображенъ винный погребъ, бочки, пьяницы за столомъ. Окно выходило на Москву-рѣку.

— Вотъ и Кремль въ лунномъ свѣтѣ, — сказалъ Христофоровъ: — въ немъ есть что-то сладостное, почти пьянящее.

— Вамъ Лабунская нравится? — спросила Машура.

— Да, — отвѣтилъ онъ просто. — Очень.

Машура засмѣялась.

— Мнѣ кажется, что вамъ нравится и Кремль, и лунный свѣтъ, и я, и ваша голубая Вега, и Лабунская, такъ что и не разберешь...

— Мнѣ, дѣйствительно, — тихо сказалъ онъ: — многое въ жизни нравится и очаровываетъ, но по-разному...

Подошла Лабунская, подхватила ихъ и повела. Ретизановъ ждалъ, уже одѣтый. Онъ былъ въ большой мягкой шляпѣ, въ пальто съ поднятымъ воротничкомъ.

— А я очень рада, — говорила Лабунская, прыгая внизъ по лѣстницѣ черезъ нѣсколько ступеней: — что вся эта катавасія кончилась. Ну, какъ наши дѣвицы плясали? Не очень позорно? Мы вѣдь не важно танцуемъ. Такъ, тюти-фрюти какія-то.

— Всѣ плохи, кромѣ васъ! — сказалъ Ретизановъ и захохоталъ. — Позвольте, я приготовилъ вамъ еще букетъ на дорогу! Тутъ, у швейцара.

— Ну, дай вамъ Богъ здоровья!

Лабунская шла по тротуару, помахивая букетомъ и смѣясь.

— Значитъ, — говорила она: — все-таки хорошо, что былъ этотъ вечеръ. — Я получила букетъ, меня ведутъ въ Прагу ужинать, луна свѣтитъ... вообще, все чудесно.

«Беззаботная!» вспомнилъ Хриcтофоровъ имя лошади, на которую она выиграла. И улыбнулся.

На Пречистенскомъ бульварѣ было пустынно; тѣни деревъ переплетались голубоватой сѣткой; изрѣдка пролеталъ автомобиль; извозчикъ тащился, помахивая концомъ вожжи. Лабунская бѣгала по боковымъ дорожкамъ, танцовала, бросала листьями въ лицо Ретизанову. Христофоровъ смѣялся. Онъ пробовалъ ее обгонять, но неудачно.

Ретизановъ звалъ всѣхъ ужинать, — Машура отказалась. У памятника Гоголя она сѣла съ Христофоровымъ на скамейку и сказала, что дальше не двинется: очень ночь хороша.

— Если соскучитесь, — крикнулъ Рети-

зановъ, уходя: — приходите въ Прагу. Я и васъ накормлю.

Но они не соскучились. Христофоровъ снялъ шляпу, курилъ и внимательно, нѣжно смотрѣлъ на Машуру.

— Почему вы написали: загадочный?

Машура улыбнулась, но теперь серьезнѣй.

— Да, вѣдь и вѣрно — вы загадочный.

— Я ужъ право не знаю.

Машура нѣсколько оживилась.

— Ну, напримѣръ... вы, по-моему, очень чистый, и не такой, какъ другіе... да, очень чистый человѣкъ. И въ то же время, если бы вы были мой, близкій мнѣ, я бы постоянно мучилась... ревновала.

— Почему?

— Я, положимъ, знаю, — продолжала она горячо: — что если Антонъ меня любитъ, то любитъ именно меня, и для него весь міръ закрытъ, это можетъ быть и проще, но... Да, у васъ какія-то свои мысли, и я ничего не знаю. Я о васъ ничего не знаю, и увѣрена — никогда не узнаю. Навѣрно, и не надо мнѣ знать, но вотъ именно есть въ васъ что-то свое, въ глубинѣ, чего вы никому не разскажете... А, пожалуй, вы и думаете тамъ о чемъ-нибудь, еще другихъ любите... Нѣтъ, должно быть, я ужъ нелѣпости заговорила.

Она взволновалась, и правда, будто стала недовольна собой.

Христофоровъ сидѣлъ въ нѣкоторой задумчивости.

— Вы меня странно изображаете, — сказалъ онъ. — Возможно, и потому, что у васъ страстная душа. Почему вы говорите о ревности, или о томъ, что я нехорошо отъ васъ уѣхалъ, — прибавилъ онъ съ внезапной, яркой горечью. — Развѣ вы не почувствовали, что мнѣ не весело было уѣзжать? Нѣтъ, въ томъ, что я уѣхалъ, ничего для васъ дурного не было.

— А мнѣ казалось, это значитъ сохранить свободу дѣйствій.

Онъ взялъ ее за руку.

— Какъ вы самолюбивы... Какъ...

Машура вдругъ откинулась на спинку скамьи. Пыталась что-то выговорить но не смогла. Въ лунномъ свѣтѣ Христофоровъ замѣтилъ, что глаза ея полны слезъ.

— А все-таки, — сказала она черезъ минуту, рѣзко: — я никого не люблю кромѣ Антона. Никого, — прибавила она упрямо.

Во второмъ часу ночи, прощаясь съ ней у подъѣзда ихъ дома, Христофоровъ сказалъ:

— Можетъ быть, вы отчасти и правы, я таинственный человѣкъ.

Въ голубоватой мглѣ деревъ, чуть оза-

ренный луннымъ призрачнымъ серебромъ, съ глазами расширенными и влажными онъ, дѣйствительно, показался ей страннымъ.

— Не знаю,—холодновато отвѣтила она.— Покойной ночи.

Онъ поцѣловалъ ей руку.

VIII.

Было около шести. Въ концѣ Поварской закатъ пылалъ огненно-золотистымъ заревомъ. Въ немъ вычерчивалась высокая колокольня, за Кудринымъ; узкое, багряное облачко съ позлащеннымъ краемъ пересѣкало ее.

Антонъ вошелъ въ ворота дома Вернадскихъ, поднялся на небольшое крыльцо и позвонилъ. Косенькая горничная отворила ему и сказала, что барышня дома. «Только у нихъ нынче собраніе, они запершись, наверху», добавила она, не безъ значительности.

Антонъ снялъ свое неблестящее пальто и усмѣхнулся.

— Дѣвицы?

— Такъ точно. И чай туда имъ носила. Старая барыня въ столовой, пожалуйста.

«Спасеніемъ души Машура занимается», подумалъ онъ, оправляя у зеркала вихры,

Очевидно, у Машуры нынче засѣданіе общества «Бѣлый Голубь». «Пишутъ какіе-нибудь рефераты, настраиваютъ себя на возвышенный ладъ, а къ сорока годамъ станутъ теософками», хмуро подумалъ онъ. Напала минутная тоска. Стоитъ-ли оставаться? Не надѣть-ли пальтишко, не уйти-ли назадъ? Полтора мѣсяца онъ съ Машурой почти въ ссорѣ, въ Москвѣ не былъ, а сейчасъ явился зачѣмъ-то — съ повинной? «Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ»?...

Но онъ переломилъ неврастеническій приступъ, вздохнулъ, и полутемнымъ коридоромъ, откуда подымалась лѣсенка къ Машурѣ, прошелъ въ столовую.

На столовую она походила не совсѣмъ. По стѣнамъ стояли диваны, книжный шкафъ, въ углу гипсовая Венера Медицейская; закатъ бросалъ на дорогіе, темнокоричневые обои красныя пятна. За чайнымъ столомъ въ вазахъ стояли букеты мимозъ и красная роза въ граненомъ съ толстыми стѣнками стаканчикѣ. Печенья, торты, хрустали, конфеты — все нынче нарядней, пышней обычнаго — у Натальи Григорьевны тоже пріемный день, когда собирались знакомые и друзья. Сама она, въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ брилліантовой брошью, въ золотыхъ своихъ очкахъ, при сѣдой шевелюрѣ, имѣла

внушительный видъ. За столомъ была Анна Дмитріевна, двѣ неопредѣленныхъ барыни, важный старикъ съ пушистыми сѣдыми волосами и толстая дама въ пенснэ — почтенная теософка. Старикъ же, разумѣется, профессоръ.

Онъ что-то разсказывалъ — медленно, длинно, съ той глубокой убѣжденностью, что это интересно всѣмъ, какая нерѣдко бываетъ у недалекихъ людей.

— Я тогда же сказалъ Максиму Ковалевскому: Максимъ Максимычъ, намъ, какъ русскимъ ученымъ, представителямъ молодой русской науки на западѣ, не пристало выступать съ какими-то — passez moi le mot — мистическими сверхъ-индивидуалистами, чуть не спиритами, ну-те-съ, и тому подобное. Онъ согласился. Въ тотъ же день мы завтракали у Габріэля Тардъ. Былъ лордъ Крессель, Брандесъ, я и, представьте...

Знакомое чувство раздраженія прошло по спинѣ Антона. «А можетъ, онъ и вретъ все, и никакого лорда тамъ не было, да и его самого никто въ Парижѣ не знаетъ».

Старикъ не весьма былъ доволенъ, что его прервали; не глядя поздоровался, — и плавно вторя себѣ рукой съ пухлыми пальцами, которые собирались въ горсточку, продолжалъ о завтракѣ у Тарда. Въ закатѣ розовѣли

его сѣдые виски; блестѣлъ массивный золотой перстень на указательномъ пальцѣ.

— Давно не заглядывалъ, — сказала Наталья Григорьевна Антону, наливая ему чаю.

— Меня въ Москвѣ не было, — отвѣтилъ онъ глухо, и слегка покраснѣлъ.

— Ты Машуру не ранѣе, чѣмъ черезъ часъ увидишь, — продолжала она. — Да и то не надолго. У нихъ сегодня собраніе. «Бѣлый Голубь».

Антонъ ничего не отвѣтилъ. Онъ сидѣлъ хмуро, помѣшивалъ ложечкой, и опять былъ подавленъ тоской; опять ему казалось, что напрасно онъ пришелъ сюда; ничего кромѣ униженія не вынесешь, да еще слушай рѣчистаго старика.

Вошелъ Ретизановъ, въ изящномъ жакетѣ и съ цвѣткомъ въ петлицѣ. Въ это время почтенная теософка, напоминавшая англійскую даму хорошаго общества, со спокойствіемъ вѣрующаго и образованнаго человѣка разсказывала сосѣдкѣ о лунной манвантарѣ и солнечныхъ питрисахъ. Она приводила точныя выраженія Анни Безантъ. Тонъ ея былъ таковъ, что это нисколько не менѣе очевидно, чѣмъ лекціи Ковалевскаго, завтракъ у Тарда. Профессоръ же продолжалъ свое.

Ретизановъ поцѣловалъ руку Натальи Григорьевны и улыбнулся.

— Все попрежнему, — сказалъ онъ: — Наталья Григорьевна занимаетъ золотую середину, а на флангахъ кипитъ бой.

— Это только значитъ, — внушительно замѣтила она:—что я терпима къ чужимъ мнѣніямъ. Терпимость основывается на культурѣ. А ужъ середина я, или нѣтъ, позвольте знать мнѣ самой.

Она слегка взволновалась, и на старческихъ щекахъ выступили красноватыя пятна. Ретизановъ смутился.

— Нѣтъ, я совсѣмъ не въ томъ смыслѣ...

Но она уже не слушала. Рѣшивъ, что особой воспитанностью никогда онъ не отличался, Наталья Григорьевна заговорила съ Антономъ.

Впрочемъ, Ретизановъ и самъ отвлекся. Профессоръ доказывалъ, что Достоевскій, какъ человѣкъ душевнобольной, развратный и реакціонно-мыслившій, недостоинъ того ореола, какой создался вокругъ его имени въ *нѣкоторыхъ* (онъ строго оглянулъ присутствовавшихъ) — кружкахъ.

— На одномъ обѣдѣ литературнаго фонда,— это было давно, я собиралъ еще тогда матеріалъ по исторіи хозяйства при Меровингахъ, для диссертаціи, гдѣ поддерживалъ Бю-

жера противъ Эдуарда Мейера,—такъ вотъ-съ покойный Николай Константиновичъ Михайловскій прямо указывалъ мнѣ — мы сидѣли рядомъ — что талантъ Достоевскаго есть не болѣе, какъ гигантская проэкція свойствъ жестокости, сладострастія и истеріи. Въ своей извѣстной статьѣ онъ опредѣлилъ этого писателя, какъ жестокій талантъ.

— А скажите, — вдругъ спросилъ Ретизановъ: — когда вы читаете «Идіота», то чувствуете вы нѣкоторую атмосферу, какъ бы ультрафіолетовыхъ лучей всюду, гдѣ появляется князь Мышкинъ? Такая нематеріальная фосфоресценція...

— Я скорѣе сказала бы, — замѣтила теософка: — что внутренній и, конечно, нематеріальный свѣтъ этого романа — блѣдно-зеленоватый. Свѣтъ, несомнѣнно, эѳирный.

Профессоръ развелъ руками и заявилъ, что ничего подобнаго онъ не видитъ и не встрѣчалъ такихъ утвержденій въ критикѣ.

— Впрочемъ, — прибавилъ онъ, — я и вообще нахожу, что между мною и нѣкоторыми изъ присутствующихъ есть коренное расхожденіе въ міровоззрѣніяхъ. Я считаю, что Максъ Нордау былъ совершенно правъ, утверждая...

— Да неужели вы можете говорить о Нор-

дау? — почти закричалъ Ретизановъ. — Максъ Нордау просто болванъ...

Послѣ этого профессоръ недолго уже сидѣлъ. Онъ поцѣловалъ руку Натальи Григорьевны и сказалъ, что радъ будетъ встрѣтиться съ ней въ Литературномъ Обществѣ, гдѣ она должна была читать докладъ: «Къ вопросу о вліяніи Шатобріана на раннія произведенія Пушкина».

Когда старикъ уѣхалъ, Ретизановъ, смущенно улыбаясь, спросилъ ее:

— Откуда вы достаете такихъ дубовъ?

На этотъ разъ Наталья Григорьевна не разсердилась. Она доказывала, что профессоръ вовсе не дубъ, а человѣкъ иного поколѣнія, иныхъ взглядовъ.

Антонъ поднялся, незамѣтно вышелъ. Рядомъ съ прихожей была пріемная, маленькая комнатка, вся уставленная книгами. Въ нее надо было подняться на ступеньку. Дальше шла зала, и въ глубинѣ настоящій, большой кабинетъ Натальи Григорьевны. Антонъ сѣлъ въ мягкое кожаное кресло. Виденъ былъ дворъ, залитый голубоватою луной. Наверху, въ комнатѣ Машуры, слышались шаги, голоса. Антонъ положилъ голову на подоконникъ. «Онѣ рѣшаютъ тамъ возвышенные вопросы, а я умираю здѣсь отъ тоски», думалъ онъ. «Отъ тоски, вотъ въ этомъ самомъ лунномъ

свѣтѣ, который ложится на подоконникъ и обливаетъ мнѣ голову».

Онъ сидѣлъ такъ нѣкоторое время, безъ мыслей, въ тяжелой скованности. «Нѣтъ, уйду», рѣшилъ онъ наконецъ. «Довольно»! Въ это время движеніе наверху стало сильнѣе, задвигали стульями. Онъ прислушался. Черезъ минуту раздались шаги по лѣсенкѣ, ведшей сверху; вся она какъ бы наполнилась спускавшимися, послышались молодые голоса. Почти мимо его двери всѣ прошли въ переднюю; тамъ опять смѣялись, разбирали одежду, шляпы, перчатки. Затѣмъ хлопала парадная дверь, съ каждымъ разомъ отрѣзая часть голосовъ. Наконецъ, стало тихо. Знакомой, легкой поступью прошла Машура. «Ну вотъ, теперь она пойдетъ въ столовую и будетъ тамъ сидѣть съ матерью и Ретизановымъ».

Было уже ясно, что она уходитъ, но Антонъ медлилъ, не могъ одолѣть тяжелой летаргіи, въ которой находился.

Вдругъ тѣ же, но возвратные, теперь веселые шаги. Онъ всталъ и со смутно бьющимся, замирающимъ сердцемъ двинулся къ двери. Въ лунныхъ сумеркахъ навстрѣчу вбѣжала Машура, легко вспрыгнула на ступеньку и горячо поцѣловала.

— Ты? — смѣялась она. — Ты, я знала,

что ты придешь! Что ты тутъ дѣлаешь Одинъ! Какой чудакъ!

— Я... — сказалъ Антонъ: — ужъ собрался уходить... ты была занята.

Машура захохотала.

— Почему ты такой смѣшной? Ты какой-то замученный, растерянный. Погоди, дай на тебя посмотрѣть...

Она взяла его за плечи, подвела къ окну, гдѣ отъ луны было свѣтлѣе.

— Я, — говорилъ онъ растерянно, — я, видишь ли, столько времени у васъ не былъ... я уѣзжалъ изъ Москвы...

Она глядѣла ему прямо въ небольшіе глаза; въ нихъ стояли слезы. Волосы его вихрились, большой лобъ былъ влаженъ. На искѣ сильно билась вена.

Глаза Машуры блестѣли.

— Ты похожъ на Сократа, — вдругъ зашептала она: — ты страшно милъ, настоящій мужчина. Я знала, что ты придешь, и придешь такой...

Она сжала его руки.

Антонъ опустился на скамеечку у ея ногъ, прижалъ къ глазамъ ея ладонь.

— Если-бъ ты знала, какъ я... все это время... — твердилъ онъ, сквозь слезы. — Если бы знала...

Около девяти Антонъ, съ просохшими,

сіяющими въ полумглѣ глазами, ходилъ изъ конца въ конецъ залы, пересѣкая лунные прямоугольники, облекавшіе его свѣтомъ.

Изъ кабинета вышла Наталья Григорьевна; она была теперь въ свѣтломъ вечернемъ платьѣ, съ иными брилліантами.

— Ну, милый, — сказала она Антону: — иди, торопи Машуру. Лошадь подали.

Плохо соображая, какъ въ туманѣ подымался Антонъ по витой лѣсенкѣ.

— Можно? — спросилъ онъ глухо, входя.

— Погоди минутку.

Раздался смѣхъ Машуры, мелькнуло голое, смугло-персиковое плечо, и веселый голосъ отвѣтилъ изъ-за портьеры:

— Теперь можно. Но сюда не входи.

Антонъ сѣлъ и сказалъ, что Наталья Григорьевна ждетъ.

— Сейчасъ, сейчасъ... Мама вѣчно боится опоздать.

За портьерой шуршали, слышно было, какъ горничная застегиваетъ кнопки. Въ комнатѣ было тепло, пахло духами, и еще чѣмъ-то, чего не могъ опредѣлить Антонъ, что вызывало въ немъ легкій ознобъ.

Когда Машура вышла, въ бѣломъ платьѣ, оживленная, съ темно-сверкающими глазами на остроугольномъ лицѣ, она показалась

ему прекрасной. Худенькой рукой приколола она себѣ красную розу.

Горничная ушла.

— Ты прелестна, — тихо сказалъ Антонъ.

Она улыбнулась.

Антонъ проводилъ ихъ и остался въ домѣ еще нѣкоторое время. Не хотѣлось уходить, разставаться съ комнатами, полными голубоватаго луннаго дыма — гдѣ неожиданно пришла къ нему Машура. И вновь переживая все, ходилъ онъ по залѣ, изъ угла въ уголъ.

IX.

За ночь выпалъ снѣгъ. Въ комнатахъ посвѣтлѣло, воздухъ сразу сталъ вкусный, днемъ острый и прозрачный, къ сумеркамъ синѣющій. Деревья рѣзче чернѣли на бѣлизнѣ. Извозчики плелись безшумно: шапки, полости у нихъ бѣлѣли. И веселѣй орали вороны на бульварѣ, слетая съ вѣтокъ; внизъ сыпался за ними снѣжокъ.

Анна Дмитріевна сидѣла въ небольшомъ своемъ кабинетикѣ у письменнаго стола, съ перомъ въ рукѣ. Въ окно глядѣлъ бульваръ, запушенный снѣгомъ, отъ подоконника шелъ токъ теплаго воздуха, тепелъ былъ пуховой

платокъ на плечахъ и мягкокъ коверъ, занимавшій всю комнату. Надъ диваномъ — nature morte Сапунова, варіантъ красныхъ цвѣтовъ.

«Во всякомъ случаѣ, такъ дальше продолжаться не можетъ», писала она твердымъ, крупнымъ почеркомъ — онъ казался лишь частью всей ея статной фигуры. «Какая бы я ни была, вы должны понять, что всему есть предѣлъ. Вы знаете, чѣмъ были для меня все это время. Предъ вами я мало въ чемъ виновата. Но вы — ваше поведеніе я совсѣмъ перестаю понимать. Для меня деньги—ничто. Для васъ—все. Сколько разъ я васъ выручала — вы знаете. И то знаете, какъ издѣвались вы надо мной, среди пьяныхъ товарищей, грязнили мое къ вамъ чувство. Все вамъ сходило. Но то, что теперь выяснилось... Я не могу даже написать того слова, какое слѣдуетъ. Хочу васъ видѣть и спрошу прямо. Завтра я на балетѣ, бель-этажъ, ложа № 3. Буду ждать». Она подписалась одной буквой, вложила въ конвертъ и надписала: «Дмитрію Павловичу Никодимову».

Только что велѣла она отослать письмо, какъ въ комнату вошла, не снимая бархатной шляпы, невысокая дама еврейскаго вида, съ огромными подкрашенными глазами — Фанни Мондштейнъ. Она была очень ши-

карна, въ новомъ тысячномъ палантинѣ. Бурый мѣхъ блестѣлъ снѣжинками.

— Голубчикъ, — сказала она быстро, цѣлуя Анну Дмитріевну и распрострапяя запахъ Rue de la Paix: — я къ тебѣ на минутку. Завтра выступаетъ Ненарокова, дебютъ, я обязательно должна быть. Идіотъ Ладыжниковъ напуталъ, какъ всегда, билетовъ нѣтъ, представь, я непремѣнно должна быть, вѣдь Ненарокова танцуетъ вмѣсто Вѣры Сергѣевны, тутъ, понимаешь, отчасти интриги, отчасти борьба молодого со зрѣлымъ. Конечно, ей до Вѣры Сергѣевны... — великая артистка, и начинающій щенокъ... Но я обѣщала быть, а получается чепуха...

Фанни подняла вуаль и обнаружила лицо не первой свѣжести, подкрашенное, съ черными, очень красивыми глазами. Фанни живо закурила, и мгновенно стало ясно, въ чемъ дѣло: о Ненароковой она должна была дать отчетъ Вѣрѣ Сергѣевнѣ, и хотѣла попасть въ ложу Анны Дмитріевны.

— Ну, конечно, ну, да, — говорила Анна Дмитріевна, — о чемъ тутъ разговаривать? Я очень рада. Ты покажешь мнѣ разныя fouettés.

— Милунъ, но развѣ Ненарокова можетъ сдѣлать что-нибудь подобное?

Фанни встала и съ серьезнымъ, какъ бы

убѣжденнымъ лицомъ подошла къ Аннѣ Дмитріевнѣ.

— Вѣрѣ Сергѣевнѣ приходилось дѣлать тридцать пять fouettés подрядъ, — этого никто не можетъ въ Россіи, кромѣ нея. Но вѣдь и сама она — прелесть. Одни ея выраженія... Ты думаешь, она завидуетъ этой Ненароковой? Ни капли. Она мнѣ говоритъ: «Вы понимаете, вѣдь это надо сдѣлать, эту роль! Вы, кажется, *уже* начинаете меня понимать? Этотъ балетъ — чистѣйшій экзотъ, его надо почувствовать. Вотъ, по вашему лицу я вижу, что вы начинаете меня понимать». Нѣтъ, Вѣра Сергѣевна замѣчательный художникъ, порохъ и дитя, восторженная, увлекающаяся душа.

Фанни сама увлеклась, сняла шляпу, и стала разсказывать о Вѣрѣ Сергѣевнѣ.

Фанни была въ нее нѣсколько влюблена — влюбленностью театральной поклонницы. Она принадлежала къ «партіи» Вѣры Сергѣевны: неизмѣнно бывала на ея выступленіяхъ, бѣшено вызывала, бѣгала къ ней въ уборную, защищала отъ враговъ, исполняла мелкія порученія и помогала въ сердечныхъ дѣлахъ.

— Нѣтъ, ты понимаешь, у нея совсѣмъ особенный языкъ: если за ней кто-нибудь ухаживаетъ, она называетъ это *навертъ*.

Анна Дмитріевна засмѣялась.

— А правда, что одну свою соперницу она избила ногами?

— Фу, глупости! Ну, если бы захотѣла... — ноги у нея стальныя, убить, я думаю, можетъ: Все-таки это клевета...

— Фанни, — спросила вдругъ Анна Дмитріевна: — тебя билъ когда-нибудь мужчина?

Фанни вскочила и захохотала.

— Во-первыхъ, милая, у меня нѣтъ такого властелина, и не будетъ, надѣюсь. Да, но тогда скорѣе можно спросить, не била-ли я кого... Правда, у меня ноги не такія, какъ у Вѣры Сергѣевны, все-же... вотъ этой рукой, я могу, конечно, дать пощечину негодяю, который покусился бы на мою дѣвственность.

Она повалилась на диванъ и опять захохотала. Анна Дмитріевна тоже смѣялась. Потомъ Фанни поднялась, оправила палантинъ и стала прощаться.

— Голубь, значитъ, до завтра. Бель-этажъ, третій номеръ... буду помнить... третій номеръ. Цѣлую тебя.

Проводивъ ее, Анна Дмитріевна медленно возвращалась черезъ залу. Проходя мимо большого Бехштейновскаго рояля, она приподняла его крышку и взяла нѣсколько нотъ на клавіатурѣ. Смутная тягость была у ней

на сердцѣ. Она вздохнула и сразу все вспомнила. Эти самые звуки, такой же бѣлый день, рояль, зала, похожая на эту, и она сама, еще совсѣмъ молодая, недавно замужемъ. Такъ же она брала нѣсколько нотъ, а онъ вышелъ изъ той двери. Шелъ онъ молча. Лицо было красное. Потомъ молча же, со всего маху ударилъ ее по щекѣ.

Крышку она захлопнула, быстро вышла. «Дурная жизнь, распущенная, скверная жизнь», твердила она, уже у себя въ кабинетѣ, ходя взадъ-впередъ по мягкому ковру. «Я ему продалась и измѣняла, а онъ билъ меня, какъ молодую кобылу. Какъ была дурная, такъ и осталась».

— Что же, — я сама катала съ офицерами по ресторанамъ, обманывала его, и пожинала лавры собственной жизни. А развѣ и сейчасъ... что-жъ, по-своему и Дмитрій правъ, считая меня... бабой, которая можетъ платить его долги. Онъ хорошъ, но и я...

Она опять прошлась и остановилась у большой, подъ стекломъ, фотографіи со старинной картины. Справа и слѣва отъ озера большія купы деревъ, темныхъ, кругловатыхъ; какая-то башня; далекія горы за озеромъ, свѣтлыя облака; на переднемъ планѣ танцуетъ женщина съ бубномъ, и мужчина; пастухъ, опершись на длинный посохъ, смо-

тритъ на нихъ; на травѣ, будто для беззаботной пирушки, расположились люди, женщина съ ребенкомъ, тоже смотрятъ. Лодки плывутъ по блѣдному озеру. И кажется, такъ удивительно ясна, мечтательна и благостна природа; такъ чисто все. Такъ дивно жить въ этой башнѣ у озера, бродить по его берегамъ, любоваться нѣжными, голубоватыми призраками далекихъ горъ.

Аннѣ Дмитріевнѣ представилось, что если-бы она жила въ этой странѣ, то все иное былобы, и, возможно, она узнала бы ту истинную любовь, высокую и пламенную, которая есть же, вѣдь, наконецъ!

Завтракала она одна, какъ обычно. Потомъ вышла на улицу. Хотѣлось пройтись. Снѣгъ мягко скрипѣлъ подъ ногой, падали бѣлые его хлопья, медленно и беззвучно; что-то вкусное, свѣжее и острое несли они съ собой; и осѣдая на вѣтвяхъ деревьевъ, шапочкахъ барышень, усахъ мужчинъ, давали бѣлое опереніе, называемое зимой.

Анна Дмитріевна шла по Арбату и думала, что любой извозчикъ, трусцой плетущійся въ Дорогомилово, или курсистка, бѣгущая съ лекцій, болѣе правы, и прочны, — можетъ быть, даже счастливы, чѣмъ она, живущая въ своемъ особнякѣ и тратящая тысячи. Пройдя по Воздвиженкѣ, вышла она

на Моховую, обогнула Манежъ, направилась вдоль рѣшетки Александровскаго сада. Начинало смеркаться. Смутно синѣлъ снѣгъ за оградой, летали вороны, высокія башни въ Кремлѣ уходили во мглу. Зажигались золотые фонари. Съ сердцемъ, полнымъ печали, тягости, Анна Дмитріевна подошла къ Иверской, знаменитому палладіуму Москвы — часовнѣ, видѣвшей на своихъ ступеняхъ и царей, и нищихъ. Купивъ свѣчку, взошла, зажгла ее, и поставила передъ Ликомъ Богородицы, мягко сіявшимъ въ золотыхъ ризахъ. Кругомъ — захудалыя старушки, бабы изъ деревень; ходилъ монахъ съ курчавой бородой, въ черной скуфейкѣ. Плакали, вздыхала, охали. Ближе къ стѣнѣ Музея занимали мѣста тѣ, кто устраивался на ночь. Ночевали здѣсь по обѣту, чтобы три, или десять разъ встрѣтить ту икону Богоматери, которую возятъ по домамъ, и которая возвращается поздно ночью. Здѣсь служится молебенъ. И невѣсты, желающія доброй жизни въ замужествѣ, матери, у которыхъ больны дѣти, жены, неладно живущія съ мужьями, мерзнутъ здѣсь зимними ночами, когда лихіе голубки уносятъ изъ Большой Московской къ Яру разгулявшихся господъ.

Анна Дмитріевна стала на колѣни, перекрестилась, глаза ея наполнились слезами.

Еще дѣвочкой, когда сильно пилъ и бушевалъ отецъ, бѣгала она потихоньку на эти, снѣжныя сейчасъ, плиты, и на цѣнный пятачокъ ставила свѣчку «Укротительницѣ злыхъ сердецъ».

— Старайся, милая, старайся, — говорила рядомъ старушонка, съ глубоко-запавшимъ ртомъ, въ кацавейкѣ, изъ числа тѣхъ, что неизвѣстно откуда берутся на похоронахъ свадьбахъ и молебнахъ. — Она, Матушка-Заступница, все видитъ, всяческое усердіе цѣнитъ.

Подошелъ рыжій извозчикъ, немолодой, тоже поставилъ свѣчу, снялъ шапку и бухнулся на колѣни. Быть можетъ, молился онъ о захромавшей лошади, или чтобы овесъ подешевѣлъ. А возможно, и его вела та же тоска, что и Анну Дмитріевну.

Оттого-ли, что поплакала, или, правда, въ золотомъ сіяніи Богородицы былъ миръ, но она поднялась облегченная, какъ бы овлажненная. Стряхнувъ снѣгъ, приставшій къ подолу, вздохнула и стала спускаться со ступеней. Нѣсколько нищихъ потянулось къ ней. Она сунула имъ. И медленно пошла къ Большому театру.

Въ хмурыхъ сумеркахъ высился онъ темной громадой; Мюръ и Мерилизъ сіялъ, насквозь пронизанный свѣтомъ; золотые сно-

пы ложились отъ него на снѣгъ. Анна Дмитріевна шла наискось черезъ площадь, по тропинкѣ, только-что проложенной. И почти столкнулась съ Христофоровымъ. Онъ былъ въ мѣховой шапкѣ, запушенный снѣгомъ, съ побѣлѣвшими усами. Увидѣвъ ее, улыбнулся и остановился, кланяясь.

— Голубчикъ вы мой, милый человѣкъ! — чуть не вскрикнула Анна Дмитріевна. — Что тутъ дѣлаете?

— Гуляю, — отвѣтилъ онъ. — У меня нѣтъ цѣли.

— Гуляю! Такъ себѣ просто и гуляетъ, самъ не зная зачѣмъ! Ну, тогда пойдемте со мной, проводите, мнѣ тоже некуда...

Она взяла его подъ руку и медленно, разговаривая, они побрели. Ей, правда, почему-то пріятно было его встрѣтить. Настроеніе подымалось. Они прошли по Кузнецкому, разглядывая витрины. У Сіу пили шоколадъ, разсматривали модныхъ барынь, смѣялись. Было свѣтло, пахло духами, сигарами. Бѣлѣли воротнички мужчинъ. Горѣли брилліанты.

Анна Дмитріевна пригласила Христофорова на другой день на балетъ, къ себѣ въ ложу.

X.

Есть нѣчто пышное въ обликѣ зрительнаго зала Большого театра: золото и красный шелкъ, красный штофъ. Тяжелыми складками висятъ портьеры ложъ съ вытканными на пурпурѣ цвѣтами, и въ этихъ складкахъ многолѣтняя пыль; обширны аванъ-ложи, мягки кресла партера, холодны и просторны фойе, грубовато-великолѣпны ложи царской фамиліи и походятъ на министровъ старые капельдинеры, лысые, въ пенснэ и ливреяхъ. Молча ѣдятъ другъ друга глазами два истукана у царской ложи. Духъ тяжеловатый, аляповатый, но великодержавный есть здѣсь.

Христофоровъ, явившійся въ ложу первымъ и одиноко сидѣвшій у ея красно-бархатнаго барьера, чувствовалъ себя затеряннымъ въ огромной, разодѣтой толпѣ. Театръ наполнялся. Входили въ партеръ, непрерывное движеніе было въ верхахъ, усаживались въ ложахъ; кое-гдѣ направляли бинокли. Надъ всѣмъ стоялъ тотъ ровный, неумолчный шумъ, что напоминаетъ гудѣніе бора — голосъ человѣческаго множества. Человѣчество затихло лишь тогда, когда капельмейстеръ, худой, старый человѣкъ во фракѣ, взмахнулъ своей таинственной палочкой, и за ней взле-

тѣли десятки смычковъ того удивительнаго существа, что называется оркестромъ. Загадочно, волшебствомъ вызывали они новую жизнь; и помимо ложъ, партера и публики въ театрѣ появилась Музыка. Поднялся занавѣсъ, чтобы въ безмолвномъ полетѣ балеринъ дать мѣсто генію Ритма.

Анна Дмитріевна явилась во-время. Фанни немного опоздала. Фанни была еще сильнѣй подкрашена. Она усѣлась рядомъ съ Христофоровымъ съ видомъ дѣловитымъ, увѣреннымъ; оглядѣла залу, оркестръ, сцену, какъ-бы провѣряя, все-ли въ порядкѣ. Иногда, разсматривая балетъ, вдругъ наклонялась къ Аннѣ Дмитріевнѣ и шептала:

— Взгляни на Козакевичъ. Лѣтомъ въ Крыму нарочно загорала, и третій мѣсяцъ загаръ съ рукъ и плечъ не сходитъ. Крайняя справа — Семенова. Какъ мила! Ты понимаешь, одна простота, никакихъ фанаберій, настоящая добросовѣстная работа.

Анна Дмитріевна улыбалась ей глазами, но была сдержанна, одѣта въ черномъ, нѣсколько блѣдна. Дышала не вполнѣ ровно. Къ концу акта дверь въ аванъ-ложу отворилась, звякнули шпоры. Занавѣсъ побѣжалъ внизъ. Стало свѣтлѣе, зааплодировали. Никодимовъ, худой, съ правильнымъ проборомъ и бѣлыми эксельбантами подо-

шелъ къ Аннѣ Дмитріевнѣ, поцѣловалъ руку. Видъ онъ имѣлъ измученный; глаза его угрюмо темнѣли. Онъ вынулъ надушенный платочекъ и разгладилъ усы.

— Богъ мой, — сказала Фанни: — не узнаю васъ, дорогой.

— Я нездоровъ, — отвѣтилъ Никодимовъ. — У меня невралгія лицевыхъ нервовъ. Я очень дурно сплю по ночамъ.

— Ахъ, pauvre enfant!

Фанни засмѣялась, и стала показывать Христофорову знаменитаго коннозаводчика, сидѣвшаго въ первомъ ряду.

— Вы меня звали, — сказалъ Никодимовъ тихо Аннѣ Дмитріевнѣ: — я пришелъ, несмотря на нездоровье.

Она вздохнула, прошла въ аванъ-ложу и сѣла на диванъ. Заложивъ ногу на ногу, подрагивая носкомъ лакированной туфли, вертѣла она въ рукѣ лорнетъ. Наконецъ, какъ-бы пересиливъ себя, сказала:

— Правда-ли, что вы поддѣлали мою подпись?

Никодимовъ сложилъ руки на колѣняхъ и глядѣлъ внизъ.

— Я отдамъ вамъ эти деньги, очень скоро. Я сейчасъ въ большомъ выигрышѣ. А тогда нужны были, чрезвычайно.

Анна Дмитріевна помолчала.

— Правда-ли, что за вами какое-то темное дѣло... По части нравственности? И еще, у васъ живетъ... Такой юноша?

— Не безпокойтесь, на скамьѣ подсудимыхъ вы меня не увидите. Васъ не скомпрометтирую.

— Дѣло не во мнѣ, — отвѣтила она глухо: — дѣло въ томъ, что вы окончательно гибнете.

— Это возможно. Возможно, что окончательно я выхожу изъ числа такъ называемыхъ порядочныхъ людей.

Въ зрительномъ залѣ стемнѣло, поднялся занавѣсъ. Сцена представляла мастерскую кукольнаго мастера. Нѣсколько куколъ сидѣли недвижно. Съ легкими подругами прокрадывалась сюда Коппелія. Послѣ мимическихъ сценъ являлся хозяинъ, испуганные гости разбѣгались.

— Недурна, — говорила Фанни Христофорову: — Коппелія недурна, но и только. «Какъ-бы разыгранный Фрейшицъ перстами робкихъ ученицъ». Если-бъ вы Вѣру Сергѣевну въ этой роли видѣли! Ну, что она выдѣлываетъ!

Въ это время въ аванъ-ложѣ Никодимовъ говорилъ:

— Я никогда не понималъ, чѣмъ виноватъ такъ называемый безнравственный че-

ловѣкъ, что онъ родился именно такимъ. Почему вы брюнетка, а не блондинка? Много пріятнѣе быть симпатичнымъ и добрымъ, жить въ почетѣ, довольствѣ, уваженіи, — чѣмъ путаться въ долгахъ, ощущать презрѣніе и ждать той-же черной дыры, куда всѣ сваливаются. Скучать, болѣть, завидовать... Нѣтъ, мы, порочные, составляющіе касту въ обществѣ, врядъ-ли сойдемся когда-либо съ довольными собой. Во всѣ времена были мы отверженными. Такъ и всегда будетъ. Развѣ со временемъ люди нѣсколько поумнѣютъ и поймутъ, что одной благородной позы мало.

— Всѣ стараетесь себя оправдать...

— Ни нравственнаго, ни безнравственнаго нѣтъ. Есть люди, родившіеся съ разными вкусами. Вы любите артишоки, а я ростбифъ. Я и ѣсть буду ростбифъ, и меня станутъ называть прохвостомъ. А все дѣло въ томъ, что природа, или Господь Богъ, произвели насъ на свѣтъ съ разными вкусами. Свободная воля! Глупость, выдуманная попами.

Никодимовъ говорилъ негромко, сидѣлъ недвижно, лишь иногда, отъ боли въ вискѣ, страдальчески подергивалъ глазомъ.

Анна Дмитріевна смотрѣла на этого человѣка, такъ много взявшаго въ ея жизни, на его сухіе пальцы съ отточенными ногтями, на

перстень съ вырѣзаннымъ черепомъ и двумя костями, на изможденное, но породистое лицо, — и какъ бывало нерѣдко — странная смѣсь обаянія и презрѣнія, нѣжности и обиды, пронзительной жалости и отвращенія подымалась въ ней.

— Ахъ, — сказала она, задохнувшись: — чѣмъ вы меня взяли?

— Жалостью, — отвѣтилъ Никодимовъ. Вы считаете, что посланы въ мою жизнь, чтобы исправить меня. Женщины съ добрымъ сердцемъ, какъ вы, нерѣдко чувствуютъ именно такъ. Смѣю васъ увѣрить.

— Замолчите, вы... слышите, замолчите... шопотомъ, давясь словами, произнесла Анна Дмитріевна. Она закрыла глаза платочкомъ, откинулась на диванъ. Влѣво темнѣлъ треугольникъ между портьерой. Тамъ былъ полумракъ гигантскаго театра, тысячи головъ и глазъ, направленныхъ на сцену.

Коппелія танцовала длинное и трудное adagio. Фанни впивалась въ каждое ея движеніе. Временами бормотала: «Молодецъ»! «Для нея — даже хорошо»! Упираясь въ полъ носкомъ, рукой придерживаясь за высоко-поднятую руку партнера, Коппелія вся вытянулась горизонтально, слегка колебля другой ногою, какъ хвостомъ рыбы — и медленно, легко и изящно описывала полный кругъ,

Adagio имѣлъ успѣхъ. Коппелія выпорхнула и раскланялась, — съ той нечеловѣческой легкостью, которая поражаетъ въ балетѣ.

— Таланта у ней мало, — судила Фанни: — но работа большая. Очень изящно. Это и говорить нечего.

Анна Дмитріевна видѣла только конецъ третьяго акта. Ансамбли, дуэты, соло, безсвязно проносились предъ глазами. Фанни разбирала всѣхъ по косточкамъ. Одна отяжелѣла — извѣстная немолодая балерина съ дивными ногами; другая великолѣпна по темпераменту, но не вполнѣ строгаго вкуса. Третья — вся создана покровительствомъ.

— Фанни хочетъ сдѣлать изъ васъ балетомана, — сказала Анна Дмитріевна Христофорову, чрезъ силу улыбаясь. — У васъ голова кругомъ пойдетъ, коли будете слушать.

— Что-жъ, это очень интересно, — отвѣтилъ Христофоровъ.

— Не взыщите, голубокъ, — моя слабость! Чѣмъ я виновата, если балетъ меня восхищаетъ? Посмотрѣла — точно бутылку шампанскаго выпила.

Когда по окончаніи всѣ спускались къ выходу, Христофоровъ обратился къ Аннѣ Дмитріевнѣ:

— Я очень благодаренъ, что вы меня взяли.

— Вы что-жъ, — отвѣтила Анна Дмитріевна: — вообще, кажется, становитесь свѣтскимъ человѣкомъ? Фракъ-бы еще на васъ нацѣпить, да вывести на балъ.

Христофоровъ засмѣялся, поглаживая свои усы.

— Во фракѣ мнѣ, дѣйствительно, неподходяще. Свѣтскость... ну, какая-же! Но, конечно, я цѣню новыя впечатлѣнія, даже очень цѣню, — прибавилъ онъ серьезнѣе. — Я хотѣлъ-бы очень много видѣть, какъ можно больше.

У выхода, подъ гигантскими колоннами портика, Фанни пригласила ихъ къ себѣ ужинать. Христофоровъ сначала замялся, потомъ согласился.

— У меня есть вино, — сказала Фанни. — Разумѣется, дареное, — прибавила она и захохотала.

Зимней, свѣжей ночью, при блескѣ огней изъ Метрополя, шли они вверхъ, къ Лубянской площади. Миновали лубянскій фонтанъ, старую, красную церковку Гребневской Б. Матери, прежній застѣнокъ, и вышли на Мясницкую — улицу камня, желѣза, зеркальныхъ витринъ съ выставленными двигателями, конторъ, правленій и нѣмцевъ.

Фанни снимала огромную квартиру въ Армянскомъ переулкѣ. Была она запутаннаго, сложнаго устройства, съ билліардной комнатой, полутемной столовой, огромной гостиной, не менѣе чѣмъ тремя спальнями. Старинныя, дорогія вещи стояли вперемежку съ рыночными; въ гостиной сомнительныя картины; въ общемъ духъ безалаберной, праздной и веселой жизни.

— Ну, для чего тебѣ, напримѣръ, билліардъ? — спрашивала Анна Дмитріевна, стоя съ кіемъ у освѣщеннаго низкой лампой билліарда. Христофоровъ съ улыбкой перекатывалъ бѣлые шары.

— Какъ зачѣмъ? А захочу играть? Вотъ, младенца милаго обучу этому ремеслу, — она кивнула на Христофорова и захохотала. — Лена, — крикнула она горничной: — скорѣе, ужинать! Сейчасъ, переодѣнусь только. Одна минута.

И она выбѣжала, на своихъ коротковатыхъ, рѣзвыхъ ногахъ.

— Фанни живой человѣкъ, — сказала Анна Дмитріевна: — неунывающій. — Въ клубѣ ночами въ карты дуется, поспитъ часа два, и какъ рукой сняло, опять весела, въ кафе, въ концертъ, куда угодно.

Когда ихъ позвали въ столовую, Фанни,

въ капотѣ, заложивъ ногу за ногу, сидѣла у телефона. Она заканчивала отчетъ о спектаклѣ.

— Успѣхъ — да, средній, но да. Adagio прямо понравилось. Въ общемъ это, конечно, серединка... понимаете, дорогая моя... Отъ настоящаго, большого искусства, какъ у васъ, ну... — безконечность.

Фанни кормила ихъ недурнымъ ужиномъ. Не обманула и насчетъ вина. Была въ очень живомъ настроеніи и разсказывала о студенческихъ сходкахъ 1905 г. «Товарищи,— кричала она и хохотала простодушно:—не напирайте, товарищъ Ѳеня родитъ»! «Товарищи, не курите, ничего не слышно»! Затѣмъ изображала еврейскіе анекдоты, съ хорошимъ выговоромъ.

Анна Дмитріевна пила довольно много. Фанни подливала. Ея собственные, большіе подкрашенные глаза блестѣли.

— Пей, — говорила она: — вино мнѣ подарили, не жаль. А тебѣ надо встряхнуться. Ты мнѣ не н'дравишься послѣднее время. Не н'дравишься, — языкъ ея склоненъ былъ заплетаться. — Плюнь, выпьемъ.

Послѣ ужина перешли въ будуаръ. Затопили каминъ. Фанни принялась полировать себѣ ногти.

— Алексѣй Петровичъ, милый вы человѣкъ, — вдругъ сказала Анна Дмитріевна, взяла

его за руки и припала на плечо горячимъ лбомъ: — что-же дѣлать? какъ существовать? Ангелъ, мнѣ вся я не н'дравлюсь, съ головы до пятъ, всѣ мы развращенные, тяжелые, измученные... На васъ взгляну, кажется: онъ знаетъ! Онъ одинъ чистый и настоящій...

Христофоровъ смутился.

— Почему-же я...

— Если-вы такой, — продолжала Анна Дмитріевна, — то должны знать, какъ и что... гдѣ истина.

— Объ истинѣ, — отвѣтилъ онъ, не сразу, — я много думалъ. И о томъ, какъ жить. Но вѣдь это очень длинный разговоръ... и притомъ, мои мысли никакъ нельзя назвать... объективными, что-ли. Можетъ быть, только для меня онѣ и хороши.

Анна Дмитріевна глядѣла на танцующее, золотое пламя въ каминѣ.

— Все-таки, скажите вашъ устой, ваше главное... понимаете, — я-же не умѣю выражаться.

Христофоровъ улыбнулся.

— Вотъ и исторія... Мы были въ балетѣ, пили шампанское, смѣялись, и вдругъ дѣло дошло до устоевъ.

Анна Дмитріевна вспыхнула.

— Смѣшно? Считаете меня за вздорную бабу?

— Нисколько, — тихо и серьезно отвѣтилъ Христофоровъ. — Я хочу только сказать, что многое сплетается въ жизни причудливо. Къ вамъ, Анна Дмитріевна, я отношусь съ симпатіей. Многое родственно мнѣ, думаю, въ вашей душѣ. Поэтому, именно лишь поэтому, я скажу вамъ одинъ свой *устой*, какъ вы выражаетесь.

Христофоровъ помолчалъ.

— Мнѣ почему-то приходитъ сейчасъ въ голову одно... О бѣдности и богатствѣ. Объ этомъ училъ Христосъ. Его великій ученикъ, св. Францискъ Ассизскій, прямо говорилъ о добродѣтели, мимо которой не долженъ проходить человѣкъ: sancta povertade, святая бѣдность. Все, что я видѣлъ въ жизни, все подтверждаетъ это. Воля къ богатству есть воля къ тяжести. Истинно свободенъ лишь *беззаботный*, вы понимаете, лишенный связей духъ. Вотъ почему я не изъ демократовъ. Да и богачи мнѣ чужды.

Онъ улыбнулся.

— Я не люблю множества, середины, посредственности. Нѣтъ ничего въ мірѣ выше христіанства. Можетъ быть, я не совсѣмъ такъ его понимаю. Но для меня — это аристократическая религія, хотя Христосъ и обращался къ массѣ. Моя партія — аристократическихъ нищихъ.

— Фанни, — сказала Анна Дмитріевна: — слышишь? «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому внити въ Царствіе Небесное»! Это про насъ съ тобой.

— Давно извѣстно, — отвѣтила Фанни, зѣвнувъ, — и не въ моемъ духѣ. — Богатство есть изящная оправа жизни. Вѣдь и вы не отказываетесь отъ моего шампанскаго.

— Шампанскаго! Нѣтъ, это въ высшемъ смыслѣ, ты не понимаешь. Меня твое шампанское не зальетъ, если тутъ у меня болитъ, здѣсь, въ сердцѣ!

— Оставь пожалуйста. Эти сердечныя томленія надо бросить для неврастениковъ, а самимъ жить, пока молоды. Вѣдь и Алексѣй Петровичъ-же жизнь цѣнитъ.

Христофоровъ подтвердилъ. Только добавилъ, что бѣдность вовсе не мѣшаетъ любить жизнь, а, быть можетъ, дѣлаетъ эту любовь чище и безкорыстнѣе. Анна Дмитріевна рѣзко стала на сторону Христофорова. Точно ее это облегчало.

— Ну, и отлично, — сказала въ третьемъ часу Фанни: — продавай свой особнякъ, раздай деньги бѣднымъ, и поступай на службу въ городскую управу.

Всѣ засмѣялись. Такъ какъ было поздно, Фанни предложила ночевать у себя. Христофоровъ сперва стѣснялся. Но простой и иск-

ренній тонъ Фанни убѣдилъ его. Ему накрыли въ дальней комнатѣ, на громадной постели — роскошномъ дѣтищѣ Louis XV.

— Вотъ и спите здѣсь, поклонникъ Франциска Ассизскаго, — сказала Фанни, прощаясь. — Вы увидите, что это гораздо лучше, чѣмъ на соломѣ, въ холодной хижинѣ.

Когда она ушла, Христофоровъ, раздѣваясь, съ улыбкой смотрѣлъ на разныхъ, краснаго дерева амуровъ, натягивавшихъ въ него свои луки. Ему вдругъ представилось, что вполнѣ за св. Франциском онъ итти, все-же, не можетъ. Погасивъ свѣтъ, онъ лежалъ въ темнотѣ, на чистыхъ простыняхъ мягкой постели. «Все-таки», думалъ онъ: «слишкомъ я люблю земное». Онъ долго не могъ заснуть. Вспоминался сегодняшній вечеръ, балетъ, Анна Дмитріевна, неожиданный ужинъ, разговоръ, странное пристанище на ночь. Такъ и вся жизнь, отъ случая къ случаю, отъ волны къ волнѣ, подъ всегдашнимъ покровомъ голубоватой мечтательности. Ему вдругъ вспомнилось, какъ у памятника Гоголя Машура съ полными слезъ глазами сказала, что любитъ *одного* Антона. Онъ вздохнулъ. Нѣжная, мучительная грусть пронзила его сердце. Отчего до сихъ поръ, до тридцати лѣтъ — онъ одинъ? Милые женскіе облики, къ которымъ онъ склонялся — и

съ нѣкоторой ступени, какъ сны, они уходили. «А Машура»?

«Одиночество», говорилъ другой голосъ. «Святое, или не святое — но одиночество».

Онъ засыпалъ.

XI.

Довольно долго послѣ встрѣчи съ Антономъ осенью Машура считала, что ея сердечныя дѣла прочны. Антонъ былъ такъ кротокъ, преданъ, такое обожаніе выдавали его небольшіе глаза, какое бываетъ у людей самолюбивыхъ и уединенныхъ. И Машурѣ съ нимъ казалось легко. «Этотъ не выдастъ, — думала она. — Весь, дѣйствительно, мой». Она улыбалась. Но незамѣтно — въ сердцѣ оставалась царапина — недоговоренное слово, мысль невысказанная.

Разъ въ разговорѣ, при ней, Наталья Григорьевна назвала одного знакомаго, служившаго въ банкѣ:

— Отличный человѣкъ. Типа, знаете-ли, семьянина, абсолютнаго мужа.

Она даже засмѣялась, довольная, что нашла слово.

— Именно, это абсолютный мужъ.

Хотя къ Антону эти слова не относились, все-же Машурѣ, почему-то, были непріятны.

«Какія глупости, — говорила она себѣ. — Развѣ Антонъ въ чемъ-нибудь похожъ на этого банковскаго чиновника? Абсолютный мужъ!» Но и самой ей казалось страннымъ, что объ Антонѣ она мало думаетъ. Когда онъ приходитъ, это пріятно, даже ей скучно, если его нѣтъ. Все-же... Не совсѣмъ то.

Однажды, возвращаясь съ нимъ по переулку, морозной ночью, Машура вдругъ спросила:

— Это какая звѣзда?

Антонъ поднялъ голову, посмотрѣлъ, отвѣтилъ:

— Не знаю.

— Да, ты не любишь...

Машура не договорила, но почему-то смутилась, ей стало даже немного непріятно. Антонъ тоже почувствовалъ это.

— Не все-ли равно, какъ называется эта, или та звѣзда, — сказалъ онъ недовольно. — Кому отъ этого польза?

«Не польза, а хочу, чтобы зналъ», подумала Машура, но ничего не сказала. А часъ спустя, раздѣваясь и ложась спать, съ улыбкой и какимъ-то острымъ трепетомъ вспомнила ту ночь, подъ Звенигородомъ, когда они стояли съ Христофоровымъ въ паркѣ, у калитки, и разсматривали звѣзду Вегу. «Почему онъ назвалъ ее тогда *своей* звѣздой?

Такъ вѣдь и не сказалъ. Ахъ, странный человѣкъ Алексѣй Петровичъ!»

Черезъ нѣсколько дней, незадолго до Рождества, Машура медленно шла утромъ къ Знаменкѣ. Изъ Александровскаго училища шеренгой выходили юнкера съ папками, строились, зябко подрагивая ногами, собираясь въ Дорогомилово, на съемку. Машура обогнула уголъ каменнаго ихъ зданія, и мимо Знаменской церкви, глядящей въ окна мерзнущихъ юнкеровъ, направилась въ переулокъ. Было тихо, слегка туманно. Галки орали на деревьяхъ. Со двора училища свозили снѣгъ; медленно брелъ старенькій артиллерійскій генералъ, поднявъ воротникъ, шмурыгая закованными калошами. Машура взяла налѣво въ ворота, къ роскошному особняку, гдѣ за зеркальными стеклами жили картины. Ей казалось, что этотъ день какъ-то особенно чистъ и милъ, что онъ таитъ то нѣжно-интересное и изящное, что и есть прелесть жизни. И она съ сочувствіемъ смотрѣла на галокъ, на запушенныя снѣгомъ деревья, на проѣзжавшаго, рысцой, московскаго извозчика въ синемъ кафтанѣ съ краснымъ кушакомъ.

Тепломъ, свѣтомъ пахнуло на нее въ вестибюлѣ, гдѣ раздѣвались какія-то барышни. Сверху спускался молодой человѣкъ въ блу-

зѣ, съ длинными волосами à la Теофиль Готье, съ курчавой бородкой: внѣ сомнѣнія, будущій Ванъ-Гогъ.

По заламъ бродили посѣтители трехъ сортовъ: снова художники, снова барышни, и скромныя стада экскурсантовъ, покорно внимавшихъ объясненіямъ. Машура ходила довольно долго. Ей нравилось, что она одна, внѣ давленія вкусовъ; она внимательно разсматривала туманно-дымный Лондонъ, яркоцвѣтнаго Матисса, отъ котораго гостиная становится свѣтлѣй, желтую пестроту Ванъ-Гога, примитивъ Гогена. Въ одномъ углу, передъ арлекиномъ Сезанна, сѣдой старикъ въ пенснэ, съ московскимъ выговоромъ, говорилъ группѣ окружавшихъ:

— Сезаннъ-съ, это послѣ всего прочаго, какъ, напримѣръ, господина Монэ, все равно, что послѣ сахара а-ржаной хлѣбецъ-съ...

Тутъ Машура вдругъ почувствовала, что краснѣетъ: къ ней подходилъ Христофоровъ, слегка покручивая усъ. Онъ тоже покраснѣлъ, неизвѣстно почему. Машурѣ стало на себя досадно. «Да что онъ мнѣ, правда»? Она холодно подала ему руку.

— А я, — сказалъ онъ смущенно: — все собираюсь къ вамъ зайти.

— Развѣ это такъ трудно? — сказала Машура. Что-то кольнуло ей въ сердце. Почти

непріятно было, что его встрѣтила — или казалось, что непріятно.

— Меня стѣсняетъ, что у васъ всегда народъ, гости...

«Вы предпочитаете tête à tête, какъ въ Звенигородѣ — подумала Машура.—Чтобы загадочно смотрѣть и вздыхать!»

Пройдя еще двѣ залы, попали они въ комнату Пикассо, сплошь занятую его картинами, гдѣ изъ ромбовъ и треугольниковъ слагались лица, туловища, группы.

Старикъ — предводитель экскурсантовъ, снялъ пенснэ и, помахивая имъ, говорилъ:

— Моя послѣдняя любовь, да, Пикассо-съ... Когда его въ Парижѣ мнѣ показывали, такъ я думалъ — или всѣ съ ума сошли, или я одурѣлъ. Такъ глаза и рветъ, какъ ножичкомъ чикаетъ-съ. Или по битому стеклу босикомъ гуляешь...

Экскурсанты весело загудѣли. Старикъ, видимо не впервые говорившій это, и знавшій свои эффекты, выждалъ, и продолжалъ:

— Но теперь-съ, ничего-съ... Даже напротивъ, мнѣ послѣ битаго стекла все мармеладомъ остальное кажется... Такъ что и этотъ портретецъ — онъ указалъ на груду набѣгавшихъ другъ на друга треугольниковъ, отъ которыхъ, правда, рябило въ глазахъ — этотъ

портретецъ я считаю почище Монны Лизы-съ, знаменитаго Леонардо.

— А правда, — спросилъ кто-то неувѣренно, что Пикассо этотъ сошелъ съ ума?

Машура вздохнула.

— Можетъ быть, я ничего не понимаю, — сказала она Христофорову, — но отъ этихъ штукъ у меня заболитъ голова.

— Пойдемте, — сказалъ Христофоровъ, — тутъ очень душно.

Его голубые, обычно ясные глаза, правда, казались сейчасъ утомленными.

Спустившись, выйдя на улицу, Христофоровъ вздохнулъ.

— Нѣтъ, не принимаю я Пикассо. Богъ съ нимъ. Вотъ этотъ сѣренькій день, снѣгъ, Москву, церковь Знаменія, — принимаю, люблю, а треугольники — Богъ съ ними.

Онъ глядѣлъ на Машуру открыто. Почти восторгъ свѣтился теперь въ его глазахъ.

— Я васъ принимаю, и люблю, — вдругъ сказалъ онъ.

Это вышло такъ неожиданно, что Машура засмѣялась.

— Это почему-жъ?

Они остановились на тротуарѣ Знаменскаго переулка.

— Васъ потому, — сказалъ онъ просто и убѣжденно, — что вы лучше, еще лучше Мо-

сквы, и церкви Знаменія. Вы очень хороши, — повторилъ онъ еще убѣдительнѣй, и взялъ ее за руку такъ ясно, будто безспорно она ему принадлежала.

Машура смутилась и смѣялась. Но ея холодность вся сбѣжала. Она не знала что сказать.

— Ну, идемъ... Ну, эта церковь, и объясненія на улицѣ... Я прямо не знаю... Вы, какой странный, Алексѣй Петровичъ.

На углу Поварской и Арбата, прощаясь съ ней, онъ поцѣловалъ ей руку и сказалъ, глядя голубыми глазами:

— Отчего вы ко мнѣ никогда не зайдете? Мнѣ иногда кажется, что вы на меня сердитесь... Но, право, не за что. Кому-кому, — прибавилъ онъ, — но не вамъ.

Машура кивнула привѣтливо, и сказала, что зайдетъ.

Она шла по Поварской, слегка шмурыгая ботиками. Что-то веселое и острое владѣло ею. «Ну, каковъ, Алексѣй Петровичъ! Вы очень хороши, лучше Москвы и церкви Знаменія!» Она улыбалась.

Дома все было, какъ обычно. Въ залѣ стояла елка, которую Наталья Григорьевна готовила ко второму дню Рождества, для дѣтей и взрослыхъ. Пахло свѣжей хвоей, серебряныя рыбки болтались на вѣтвяхъ. Машура

поднялась къ себѣ наверхъ. Въ комнатахъ ея тепло, свѣтло и чисто, все на своихъ мѣстахъ, уютно и культурно. Она молода, все интересно, неплохо... Машура сѣла въ кресло, заложила руки за голову, потянулась. Въ глазахъ прошли цвѣтные круги. «Ахъ все-бы хорошо, отлично, если-бъ...» «Господи, что-же это такое? А?» Стало жутко почему-то, даже страшно. «Что-же, я врала Антону? Ну, зачѣмъ, зачѣмъ...» Острое чувство тревоги и тоски наполнило ее. «Почему все такъ выходитъ? Развѣ я...» Все смѣшалось въ ней, то ясное, утреннее ушло и смѣнилось сумбуромъ. Кто такой Христофоровъ? Какъ онъ къ ней относится? Что значатъ его отрывочныя, то восторженныя, то непонятныя слова? Можетъ быть, все это — одна игра? И, какъ-же съ Антономъ? На нее нашли сомнѣнія, колебанья. Она разстроилась. Даже слезы выступили на глазахъ.

Завтракала она хмурая, въ сумеркахъ сѣла къ роялю, разбирая вещицу Скрябина, которую слышала въ концертѣ. Но тамъ было одно, здѣсь-же выходило по-другому.

Пришелъ Антонъ. Слегка сутулясь, какъ обычно, онъ подалъ ей холодную съ мороза руку и сказалъ:

— Это Шопенъ? Помню, слышалъ. Только ты замедляешь темпъ.

— Вовсе не Шопенъ, — сухо отвѣтила Машура. — «Онъ увѣренъ, что все знаетъ, и музыку, и искусство, — подумала она недружелюбно: — удивительное самомнѣніе!»

— Да, значитъ, я ошибся, — сказалъ Антонъ, покраснѣвъ, — во всякомъ случаѣ, темпъ ты чрезмѣрно замедляешь.

Машура взглянула на него.

— Я просто плохо читаю ноты.

Онъ ничего не отвѣтилъ, но чувствовалось, что остался недоволенъ.

— Я была нынче въ галлереѣ, — сказала Машура, — кончивъ и обернувшись къ нему.

— Не зналъ. Я-бы тоже пошелъ. Отчего ты мнѣ не сказала?

— Просто, встала утромъ, и рѣшила, что пойду.

Въ пять часовъ они пили чай одни — Наталья Григорьевна уѣзжала въ комитетъ дѣтскихъ пріютовъ, гдѣ работала. Отрѣзая себѣ кусокъ soupe anglaise, Антонъ сказалъ, что, по его мнѣнію, всѣ эти кубисты, футуристы, Пикассо — просто чепуха, и смотрѣть ихъ ходятъ тѣ, кому нечего дѣлать. Машура возразила, что Пикассо вовсе не чепуха, что въ галлерею ходитъ много художниковъ, и

понимающихъ въ искусствѣ. Напримѣръ, тамъ встрѣтила она Христофорова.

— Христофоровъ понимаетъ столько-же въ живописи, сколько Наталья Григорьевна въ литературѣ, — вспыхнувъ, отвѣтилъ Антонъ.

Машура разсердилась.

— Мама въ десять разъ образованнѣе тебя, а ругать моихъ знакомыхъ — твоя обычная манера.

Антонъ заволновался. Онъ отвѣтилъ, что въ этомъ домѣ ему давно тѣсно, и душно; что, если-бы не любовь къ Машурѣ, онъ-бы здѣсь никогда не бывалъ, ибо ненавидитъ барство, весь барственный складъ, и, дѣйствительно, не любитъ ихъ знакомыхъ.

Въ его тонѣ было задѣвающее. Машура обидѣлась, ушла наверхъ. Но Антонъ погружался въ то состояніе нервнаго возбужденія, когда нельзя остановиться на полусловѣ; когда нужно говорить, изводить, чтобы потомъ въ слезахъ и поцѣлуяхъ помириться, или же рѣзко разойтись. Въ ея комнатѣ сталъ онъ доказывать, что неувѣренъ, любитъ-ли она его по-настоящему, и во всякомъ случаѣ, если любитъ, то очень странно. Машура сказала, что ничего страннаго нѣтъ, если она случайно встрѣтила Христофорова. Разговоръ былъ длинный, тяжелый. Антонъ на-

калялся и къ концу заявилъ, что теперь онъ видитъ, — во всякомъ случаѣ Машура дитя своего общества, которое ему ненавистно, и гдѣ, видимо, иныя понятія о любви, чѣмъ у него. Тогда она сказала, что Христофоровъ звалъ ее къ себѣ, и что она пойдетъ.

— Это гадость, понимаешь, мерзость!— закричалъ Антонъ. — Ты дѣлаешь это нарочно, чтобы меня злить.

Онъ ушелъ взбѣшенный, хлопнувъ дверью. Машура плакала въ этотъ вечеръ, но какое-то упрямство сильнѣе овладѣвало ею. «Захочу,— твердила она себѣ, лежа въ темнотѣ, въ слезахъ, на кушеткѣ:—и пойду. Никто мнѣ не смѣетъ запрещать».

Вернувшись домой, Наталья Григорьевна осталась недовольна. По одному виду Машуры и тому, что былъ Антонъ, она поняла, въ чемъ дѣло. Эти сердечныя столкновенія весьма ей не нравились. Со своимъ покойнымъ мужемъ она прожила порядочно, какъ надлежитъ культурнымъ людямъ, безъ всякихъ слезъ и сумасбродствъ. И считала, что такъ и надо.

На другой день съ утра заставила Машуру заниматься елкой, распредѣлять подарки, посылала прикупить чего нужно — то къ Сіу, то къ Эйнемъ. Машура машинально исполняла; въ этихъ мелкихъ дѣлахъ чувствовала она себя легче.

Какъ въ хорошемъ, старомъ домѣ, Рождество у Вернадскихъ проходило по точному ритуалу: на первый день являлись священники, пѣли «Рождество Твое, Христе Боже нашъ»; Наталья Григорьевна кормила ихъ окорокомъ, угошала наливками, мадерами, и тѣми неопредѣленно-любезными разговорами, какіе обычно ведутся въ такихъ случаяхъ. Она не была поклонницей этихъ vieux religieux, но считала, что обряды исполнять слѣдуетъ, ибо они — часть культурной основы общежитія.

Потомъ пріѣзжали съ безконечными визитами разныя дамы, какіе-то старики, подкатывали лицеисты въ треуголкахъ, шаркали, цѣловали ручку и ѣли торты. Весь день приходили поздравлять съ чернаго хода. Наталья Григорьевна заранѣе намѣнивала мелочи.

Въ этомъ году все протекало въ обычномъ родѣ; какъ обычно, Машура очень устала къ концу перваго дня. Какъ всегда, много было народу и дѣтей на второй день, на елкѣ; было также парадно, и скучновато, какъ полагается на елкахъ взрослыхъ. Профессоръ, другъ Ковалевскаго, длинно разсказывалъ, глотая кофе, что обычай празднованія Рождества восходитъ къ глубокой древности, до-христіанской. Его прообразъ можно най-

ти въ римскихъ Сатурналіяхъ, гдѣ также дарили другъ другу свѣчи, орѣхи, игрушки.

Антонъ не пришелъ; онъ не явился и на слѣдующій день, и не звонилъ. Подошелъ новый годъ. Машура чокнулась шампанскимъ съ матерью, а Антона будто и не было. «Что-то будетъ въ этомъ году!» думала она, засыпая послѣ встрѣчи. Ей чувствовалось одиноко, то хотѣлось плакать, то, напротивъ, сердце останавливалось въ истомѣ и нѣжности.

И не очень долго раздумывая, вдругъ въ одинъ морозный святочный вечеръ надѣла она мѣховую кофточку, взяла муфту и, ничего не сказавъ матери, по скрипучему снѣгу побѣжала къ Христофорову.

XII.

Христофоровъ былъ дома. Въ его мансардѣ горѣла на столѣ зеленая лампа. Окна заледенѣли; мѣсяцъ, еще неполный, золотилъ ихъ хитрыми узорами. А хозяинъ, куря и прихлебывая чай, раскладывалъ пасьянсъ. Онъ былъ задумчивъ, медленно вынималъ по картѣ, и разсматривалъ, куда ее класть. Валеты слѣдовали за тузами, короли за тройками. Здѣсь, въ царствѣ картъ, былъ новый

міръ, отвлеченнѣе, безмолвнѣй нашего. Всегда важны короли, одинаковы улыбки дамъ, недвижно держатъ свои сѣкиры валеты. Они слагались въ такихъ сложныхъ сочетаніяхъ! Ихъ печальная смѣна, и безконечность смѣнъ говорили о вѣчномъ круговоротѣ.

«Говорятъ, — думалъ Христофоровъ, — что пиковая дама нѣкогда была портретомъ Жанны д'Аркъ». Это его удивляло. Онъ находилъ, что дама червей напоминаетъ юношескую его любовь, давно ушедшую изъ жизни. И каждый разъ, какъ она выходила, жалость и сочувствіе пронзали его сердце.

Онъ удивленъ былъ легкимъ шагамъ, раздавшимся на лѣсенкѣ, — отворилась дверь: — тоненькая, зарумянившаяся отъ мороза, съ инеемъ на рѣсницахъ стояла Машура.

Онъ быстро поднялся.

— Вотъ это кто! Какъ неожиданно!

Машура засмѣялась, но слегка смущенно.

— Вы-же сами меня приглашали.

— Ну, конечно, все-таки... — Онъ тоже улыбнулся, и прибавилъ тише: — Я, правду говоря, не думалъ, что вы придете. Во всякомъ случаѣ, я очень радъ.

— Я была здѣсь, — говорила Машура, снимая шубку и кладя ее на лежанку, — только разъ, весной. Но васъ тогда не застала. И оставила еще черемуху... Что это вы

дѣлаете? — сказала она, подходя къ столу. — Боже мой, неужели пасьянсъ?

Она захохотала.

— Это у меня тетка есть такая, старуха, княгиня Волконская. У ней полонъ домъ собачонокъ, и она эти пасьянсы раскладываетъ.

Христофоровъ пожалъ плечами, виновато.

— Что подѣлать! Пусть ужъ я буду похожъ на тетку Волконскую.

— Фу, нѣтъ, нисколько не похожи.

Христофоровъ сходилъ за чашечкой, налилъ Машурѣ чаю. Досталъ даже конфетъ.

— Вы дорогая гостья, рѣдкая, — говорилъ онъ. — Зналъ-бы, что придете, — устроилъ-бы пиръ.

Какая-то тѣнь прошла по лицу Машуры.

— Я и сама не знала, приду или нѣтъ.

Христофоровъ посмотрѣлъ на нее внимательно.

— Вы какъ-будто взволнованы.

— Вотъ что, — сказала вдругъ живо Машура, — нынче Святки, самое такое время, къ тому-же вы чернокнижникъ... навѣрно умѣете гадать. Погадайте мнѣ!

— Я, все-таки, не цыганка! — сказалъ онъ, и засмѣялся. Его голубые глаза нѣжно заблестѣли.

Но Машура настаивала. Все смѣясь, онъ

сталъ раскладывать карты по три, подражая старинным гаданьямъ; и припоминая значеніе картъ, разсказывалъ длинную ахинею, гдѣ были, разумѣется, червонная дорога, интересъ въ казенномъ домѣ, для сердца — радость.

— Вамъ завидуетъ бубновая дама, — сказалъ Христофоровъ, и разложилъ слѣдующую тройку. — Любитъ васъ король трефъ, а на сердцѣ, да... король червей.

— Это — блондинъ? — спросила Машура.

Христофоровъ взглянулъ на нее загадочно. Она не поняла, въ серьезъ это, или шутка.

— Да, блондинъ. Какъ я.

Онъ вдругъ смутился, положилъ колоду, взялъ Машуру за руку.

— Это неправда, — сказалъ онъ, — у червоннаго короля на сердцѣ милая королева, приходящая святочнымъ вечеромъ, при лунѣ.

Онъ поцѣловалъ ей руку.

— Или, можетъ быть, снѣжная фея, лунное видѣнье.

Машура поблѣднѣла, и немного откинулась на стулѣ.

— А можетъ быть, вы исчезнете сейчасъ, растаете, какъ внезапно появились, — вдругъ сказалъ Христофоровъ тревожно, тихо, и

почти съ жалобой. Голубые глаза его расширились. Машура смотрѣла. Странное что-то показалось ей въ нихъ.

— Вы безумный, — тихо сказала она. — Я давно замѣтила. Но это хорошо.

Христофоровъ потеръ себѣ немного лобъ.

— Нѣтъ, ничего... Вы — конечно, это вы, но и не вы.

Они сѣли на диванчикъ. Машура положила ему голову на плечо и закрыла глаза. Было тепло, сверчокъ потрескивалъ за лежанкой, изъ окна, золотя ледяные разводы на стеклѣ, ложился лунный свѣтъ. Машура ощущала — странная нѣга, какъ милый сонъ, сходила на нее. Все это было немного чудесно.

Христофоровъ гладилъ ей руку и изрѣдка цѣловалъ въ високъ.

— Почему мнѣ съ вами такъ хорошо? — шепнула Машура. — Я невѣста другого, и почему-то я здѣсь. Ахъ, Боже мой!

— Пусть идетъ все какъ надо, — отвѣтилъ Христофоровъ.

Объ вдругъ задумался и засмотрѣлся на нее долго, пристально.

— А? — спросила Машура.

— Вы пришли въ мою комнату, Машура, въ пустую комнату... И уйдете. Комната останется, какъ прежде. Я останусь. Безъ васъ.

Машура слегка приподнялась.

— Да, но вы... кто-же вы, Алексѣй Петровичъ? Вѣдь я этого не знаю. Ничего я не знаю.

— Я, — отвѣтилъ онъ, — Христофоровъ, Алексѣй Петровичъ Христофоровъ.

— Все равно, я-же должна знать, какъ вы, что вы... Ахъ, ну вы-же понимаете, что вы мнѣ дороги, а сами все говорите... я не понимаю...

Она взяла его за плечи, и прямо, упорно посмотрѣла въ глаза.

— Вы мое навожденіе. Но я ничего, ничего не понимаю.

Она вдругъ закрыла лицо руками и заплакала.

— Прелестная, — шепталъ Христофоровъ, — прелестная.

Черезъ нѣсколько минутъ она успокоилась, вздохнула, отерла глаза платочкомъ.

— Это все сумасшествіе, просто полоуміе глупой дѣвчонки... Мы друзья, вы славный, милый Алексѣй Петровичъ, я ни на что не претендую.

Они сидѣли молча. Наконецъ, Машура встала.

— Дайте мнѣ шубку. Выйдемъ. Мнѣ хочется воздуха.

Христофоровъ покорно одѣлъ ее, самъ одѣлся. Машура была блѣдна, тиха. Когда за-

дулъ онъ лампу, въ голубоватой мглѣ блеснули на него влажные, свѣтящіеся глаза.

Они вышли. Тѣнь отъ дома синѣла на снѣгу. Христофоровъ взялъ Машуру подъ руку, свелъ съ крыльца, и сказалъ:

— Тутъ у насъ есть садикъ. Хотите взглянуть?

Отворили калитку, и вошли въ тотъ небольшой, занесенный снѣгомъ уголокъ кустовъ, деревьевъ, дорожекъ, какіе попадаются еще въ Москвѣ. Въ глубинѣ виднѣлась даже плетеная бесѣдка, обвитая замерзшимъ, сухимъ хмѣлемъ. Они сѣли на скамейку.

— Здѣсь видны ваши любимыя звѣзды, — сказала Машура, не подымая головы.

Съ деревьевъ, на бархатъ рукава, слетали зеленовато-золотистыя снѣжинки. Все полно было тихаго сверканія, голубыхъ тѣней.

— Прямо надъ домомъ, вонъ тамъ,—сказалъ Христофоровъ, указывая рукой, — голубая звѣзда Вега, альфа созвѣздія Лиры. Она идетъ къ закату.

— Помните, — произнесла Машура, — ту ночь, подъ Звенигородомъ, когда мы смотрѣли тоже на эту звѣзду, и вы сказали, что она ваша, но почему ваша, — не отвѣтили.

— Я тогда не могъ отвѣтить, — сказалъ Христофоровъ, — еще не могъ отвѣтить.

— А теперь?

— Теперь, — выговорилъ онъ тихо, — время ужъ другое. Я могу вамъ сказать.

Онъ помолчалъ.

— У меня есть вѣра, быть можетъ, и странная для другого: что эта звѣзда — моя звѣзда-покровительница. Я подъ нею родился. Я ее знаю и люблю. Когда ее вижу, то покоенъ. Я замѣчаю ее *первой*, лишь взгляну на небо. Для меня она — красота, истина, божество. Кромѣ того, она женщина. И посылаетъ мнѣ свѣтъ любви.

Машура закрыла глаза.

— Вотъ что! Я такъ и думала.

— Въ васъ, — продолжалъ Христофоровъ, — часть ея сіянья. Потому вы мнѣ родная. Потому я это и говорю.

— Погодите, — сказала Машура, все не открывая глазъ, и взяла его за руку. — Помолчите минуту... именно надо помолчать, я сейчасъ...

Гдѣ-то на улицѣ скрипѣли полозья. Слышно было, какъ снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами прохожихъ. Доносились голоса. Но все это казалось отзвукомъ другого міра. Здѣсь-же, въ алмазной игрѣ снѣга, его тихомъ и непрерывномъ сверканіи, въ таинственномъ золотѣ луны, снѣжныхъ одеждахъ деревъ было, правда, навожденіе.

Машура медленно поднялась.

— Я начинаю понимать, — сказала она тихо.

Она открыла глаза, взглядъ ея вначалѣ напоминалъ лунатика. Понемногу онъ прояснился. Она опустила плечи, взялась рукой за спинку скамейки.

— Вотъ теперь будто-бы яснѣе.

Она еще помолчала.

— Знаете, мнѣ иногда казалось, что васъ забавляетъ играть... игра въ любовь, что-ли. Въ постоянномъ затрагиваніи и ускользаніи... для васъ какая-то прелесть. Можетъ быть, жизнь изучаете, что-ли, женщину... И я бывала даже оскорблена. Я васъ временами не любила.

Христофоровъ подался впередъ, сидѣлъ недвижно, глядя на нее.

— Вдругъ, именно теперь, въ этотъ вечеръ, я поняла, что неправа.

Она остановилась, какъ-бы захлебнувшись. И продолжала:

— Вы, можетъ быть, меня и любите...

Христофоровъ нагнулъ голову.

— Но вы вообще очень странный человѣкъ.. возможно, я еще мало жила, но я не видѣла такихъ. И именно въ эти минуты я поняла, что ваша любовь, какъ ко мнѣ, такъ и къ этой звѣздѣ Вегѣ... ну, это вашъ поэтическій

экстазъ, что-ли... — Она улыбнулась сквозь слезы. — Это сонъ какой-то, фантазія, и, можетъ быть, очень искренняя, но это... это не то, что въ жизни называется любовью.

— А почему вы думаете, — произнесъ Христофоровъ, — что эта любовь хуже?

Машура ступила на шагъ впередъ.

— Я этого не говорю, — прошептала она. Потомъ вздохнула. — Можетъ быть, это даже лучше.

— Нѣтъ, сказалъ Христофоровъ. — Я вами не игралъ. Но любовь, правда, удивительна. И неизвѣстно, не есть-ли еще это настоящая жизнь, а то, въ чемъ прозябаютъ люди, сообща ведущіе хозяйство — то, можетъ быть, неправда... А?

Онъ спросилъ съ такой простотой и убѣжденностью, что Машура улыбнулась.

— Вы правы, — сказала она и подала ему руку. — Я, кажется, за этотъ вечеръ стала взрослѣй, и старше, чѣмъ за много мѣсяцевъ.

Она провела рукой по глазамъ.

— Я буду помнить этотъ странный садикъ, луну, свою влюбленность... Да, во мнѣ есть — вѣрнѣе, — была влюбленность... я не стыжусь этого сказать... Напротивъ...

Она направилась къ выходу. Христофо-

ровъ всталъ. Она вынула часики, взглянула и сказала, что пора домой.

Христофоровъ проводилъ ее. Почти у подъѣзда дома Вернадскихъ встрѣтили они Антона. Онъ, сутулясь, быстро и рѣшительно шелъ навстрѣчу. Увидавъ, поклонился, какъ малознакомый, и перешелъ на другую сторону.

Ночью Машура плакала у себя въ постели. На Молчановкѣ Христофоровъ, не раздѣваясь, долго лежалъ на томъ самомъ диванчикѣ, гдѣ она сидѣла. Сердце его раздиралось нѣжной и мучительной грустью,

XIII.

Святки въ Москвѣ были шумныя, какъ и весь тотъ годъ. Гремѣли кабарэ, полъ-города съѣзжалось смотрѣть танго, — подкрашенные юноши и дамы извивались передъ зрителями, вызывая волненіе, и острую, щемящую тоску. Меценаты устраивали домашніе спектакли. Въ нихъ отличались музыканты, художники, поэты, воспроизводя Венецію галантнаго вѣка. Много было баловъ. Шли новыя пьесы; открывались выставки, клубы работали. Морозной ночью летали тройки и голубки къ Яру.

Именно въ это время бойкая Фанни, вмѣстѣ

съ другими дамами и мужчинами, задумала устроить маскарадъ. Собирали деньги, нанимали помѣщеніе, музыку; художники писали декораціи; дамы шили платья, готовили списокъ приглашенныхъ.

Ретизановъ попалъ туда. Утромъ пріѣхала къ нему Фанни, вручила билетъ и взяла пятьдесятъ рублей.

Ретизановъ улыбался, глядя на нее.

— Какая вы... быстрая, — сказалъ онъ. — Вы, вѣдь, меня почти не знаете...

— И, тѣмъ не менѣе, вломилась, и обобрала? Васъ, ангелъ мой, во-первыхъ, вся Москва знаетъ, второе — вы со средствами, что вамъ пятьдесятъ рублей?

— Позвольте, — перебилъ Ретизановъ: — а это интересно? Да, и Лабунская будетъ танцовать?

Фанни увѣрила, что сама Вѣра Сергѣевна обѣщала быть, несравненная, очаровательная.

— Ха, Вѣра Сергѣевна... Нашли кого съ Лабунской равнять.

Фанни засмѣялась.

— Дѣло вкуса, голубчикъ. Не настаиваю.

Уже въ передней, подавая ей одѣться, Ретизановъ сказалъ:

— Неужели вы серьезно думали привлечь меня этой... Вѣрой Сергѣевной?

Фанни хлопнула его слегка муфтой и вышла.

— Вы чудакъ, ангелочекъ. Всегдашній чудакъ. А мнѣ еще въ тысячу мѣстъ.

И она захлопнула дверь. Ретизановъ-же пошелъ пить кофе. Читалъ газеты — и раздражался — ему казалось, что онѣ созданы для опошленія жизни. Ничто порядочное не можетъ появиться въ нихъ.

Въ это утро ему пришла мысль о томъ, что слѣдовало-бы заключить союзъ творцовъ и людей высшей породы, тайный союзъ въ родѣ масонскаго, для охраненія духовной культуры, общенія между собой, и попытокъ коллективнаго, но строго-аристократическаго рѣшенія дѣлъ искусства, философіи, поэзіи. Мысль его воодушевила. Онъ бросилъ кофе, отправился въ кабинетъ, долго ходилъ изъ угла въ уголъ, пощелкивая пальцами, бормоча, потомъ пошелъ въ спальню, для совѣщанія съ геніями. Его кровать отдѣлялась занавѣсью. Онъ просунулъ голову между ея складками, погрузилъ глаза въ полумглу, потомъ закрылъ ихъ. Нѣкоторое время молчалъ, затѣмъ, уже противъ его воли, мозгъ зашепталъ безсмысленныя слова, пока не стало казаться, что ни его, ни комнаты нѣтъ, все слилось въ одно смутное пятно. Геніи отвѣтили. Они шептали, слабо и нѣжно, въ

оба уха. Онъ улыбался, кивалъ. Когда узналъ, что нужно и они перестали, онъ отошелъ, блѣдный и усталый, сѣлъ на диванъ и отеръ лобъ. Геніи одобрили его. Они сообщили также, что завтра возвращается изъ Петербурга Лабунская.

Въ два часа онъ завтракалъ, одинъ, въ Прагѣ, задумчивый и разсѣянный. Когда подали бутылку мозельвейна, и онъ налилъ вино въ зеленоватый бокалъ, вдругъ появился Никодимовъ.

— Ахъ, это вы...

Ретизановъ даже вздрогнулъ.

— Ну, присядьте...

— Что вы на меня такъ смотрите? — спросилъ Никодимовъ, холодновато улыбаясь. — Я не кусаюсь.

Ретизановъ смутился.

— Нѣтъ, ничего. Я васъ не боюсь.

Никодимовъ спросилъ, пригласили-ли его на маскарадъ.

— Пригласили... А вы откуда знаете, что все это... что это будетъ?

Никодимовъ имѣлъ нездоровый видъ, и слегка подрагивалъ глазомъ.

— Я знаю потому, что меня именно не пригласили. Всѣхъ моихъ знакомыхъ пригласили, но не меня.

Ретизановъ спросилъ простодушно:

— Почему-же не васъ? Это странно.

Никодимовъ отвѣтилъ не сразу.

— Потому, — сказалъ онъ, наконецъ: — что я Никодимовъ, Дмитрій Павлычъ Никодимовъ. Но я все равно приду.

— Дмитрій Павлычъ Никодимовъ... — протянулъ Ретизановъ. — Какъ странно... Да, а знаете, — вдругъ добавилъ онъ задумчиво, — когда вы подошли, мнѣ на минуту стало жутко. Я ощутилъ... какую-то мертвенную тѣнь на сердцѣ. Будто что-то неживое.

Никодимовъ поднялся.

— Довольно, — сказалъ онъ. — Мнѣ, знаете, все это надоѣло. Мертвенная, или живая тѣнь, мнѣ все равно. Я пока все-же человѣкъ, а не фигура.

Ретизановъ привсталъ.

— Нѣтъ, да я не хотѣлъ васъ обидѣть.

Но Никодимовъ повернулся и отошелъ въ дальній уголъ. Тамъ сѣлъ одинъ за столикъ, и потребовалъ водки. Ретизановъ-же остался въ смущеніи и нѣкоторой тревогѣ. Что-то его угнетало. Кончивъ обѣдъ, расплатился. На сердцѣ у него было тоскливо. Хотѣлось какой-то музыки.

Выйдя на Арбатъ, онъ взялъ налѣво, пересѣкъ площадь и мимо хмураго Гоголя пошелъ Пречистенскимъ бульваромъ. Навстрѣчу бѣжали гимназистки и хохотали. Въ тирѣ

военнаго училища, за стѣной, шла стрѣльба. Дѣти играли у эстрады. На деревьяхъ гомозилось воронье, устраиваясь на ночь; зажигались желтые фонари, да летѣлъ снѣжокъ, билъ въ лицо. Чувство глубокой призрачности охватило Ретизанова. Вдругъ ему показалось, — стоитъ вѣтру дунуть, все развѣется, какъ и онъ самъ. Онъ остановился... «Можетъ быть, ничего этого и вовсе нѣтъ?» спросилъ онъ вслухъ.Дѣти шарахнулись отъ высокаго, худого, сѣдоватаго господина, говорившаго съ самимъ собой. Онъ постоялъ минуту и пошелъ дальше. Было уже темно, когда онъ поднялся наверхъ. У себя онъ засталъ Христофорова,—въ кабинетѣ, въ креслѣ у камина.

— Каминъ уже топился,—сказалъ Христофоровъ, улыбаясь, — когда я пришелъ. Я принесъ вамъ книжки, которыя бралъ еще до Рождества. И говоря правду — озябъ.Потому и сѣлъ погрѣться.

— Вы какъ-будто извиняетесь, — сказалъ Ретизановъ. — Чортъ знаетъ! Вы должны были заказать себѣ кофе, или еще что вздумается... Но вы вообще очень скромный человѣкъ... Когда я васъ вижу, мнѣ кажется, что вы хотите стать бокомъ, въ тѣнь, чтобы васъ не видѣли.

— Ну, можетъ быть, я вовсе не такъ скро-

менъ, какъ вы думаете, — отвѣтилъ Христофоровъ.

Ретизановъ велѣлъ подать кофе.

— Вы дѣйствуете на меня хорошо, — сказалъ онъ. — Въ васъ есть что-то блѣдно-зеленоватое... Да, въ васъ весеннее есть. Когда къ маю березки... одѣлись. Говорятъ, вы любитель звѣздъ?

— Да, люблю.

— Въ звѣздахъ я ничего не понимаю, но небо чувствую, и вѣчность.

Онъ помолчалъ, потомъ вдругъ заговорилъ, съ жаромъ:

— Я очень хорошо понимаю вѣчность, которая глотаетъ всѣхъ насъ, какъ букашекъ... какъ букашекъ. Но вѣчность есть для меня и любовь, въ одно и то-же время. Или, вѣрнѣе — любовь есть вѣчность...

Ретизановъ выпилъ чашку кофе, совсѣмъ разволновался. Онъ нападалъ на будничность, сѣрое прозябанье, на само время, на трехмѣрный нашъ міръ, и полагалъ, что истина и величіе — лишь въ мірѣ четырехъ измѣреній, гдѣ нѣтъ времени, и который такъ относится къ нашему, какъ нашъ — къ міру какой-нибудь улитки.

— Время есть четвертое измѣреніе пространства, — кричалъ онъ. — И оно виситъ на насъ, какъ ветхія, но тяжкія одежды.

Когда мы его сбросимъ, то станемъ полубогами, и одновременно будемъ видѣть событія прошлаго и будущаго — что сейчасъ мы воспринимаемъ въ послѣдовательности, которую и называемъ временемъ. Впрочемъ, вы понимаете меня.

Христофоровъ сидѣлъ, молчалъ и курилъ. Ему нравилось золотое пламя, безпрерывный, легкій его танецъ, но съ самаго того вечера, какъ Машура приходила къ нему, его не покидало чувство острой, разъѣдающей тоски. Машура жила все тутъ-же, на Поварской. Но у него было ощущеніе, что она гдѣ-то безконечно далеко. Неужели онъ пойдетъ, позвонитъ у подъѣзда и взойдетъ въ ея свѣтелку, гдѣ она читаетъ, или шьетъ? Это казалось ему невозможнымъ.

Ретизановъ, наконецъ, умолкъ. Молча онъ смотрѣлъ въ каминъ, потомъ вдругъ обернулся къ Христофорову.

— Вы о чемъ-то думаете, своемъ, — сказалъ онъ. — Ха! Я волнуюсь, а вы погружены въ мысли, и какъ-будто печальны.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Христофоровъ. — Я ничего.

Ретизановъ взялъ щипцы и помѣшалъ въ каминѣ.

— Печаль, во всякомъ случаѣ, украшаетъ міръ. Онъ становится не такъ плосокъ. Быть

можетъ, душа стремится за предѣлы, одолѣть которые дано лишь мудрымъ.

Онъ вдругъ засмѣялся.

— Слушайте, совсѣмъ про другое. Хотите итти со мной въ маскарадъ... Такой художественно-поэтическій маскарадъ на-дняхъ.

Христофоровъ вздохнулъ, и улыбнулся.

— Я получилъ приглашеніе. Но, во-первыхъ, у меня нѣтъ костюма.

— Можно просто во фракѣ.

Христофоровъ всталъ, подошелъ къ нему и, положивъ руку на плечо, сказалъ тихо, со смѣхомъ:

— Но у меня, дорогой мой хозяинъ, именно нѣтъ фрака.

Ретизановъ удивился.

— Да... фрака! Такъ вы говорите, что у васъ нѣтъ фрака?

Христофоровъ, все такъ-же смѣясь, увѣрилъ его, что не только фрака нѣтъ, но и никогда не было.

— Да, и не было... — проговорилъ Ретизановъ съ той-же задумчивостью, и какъ-бы серьезностью, съ какой могъ говорить о четырехмѣрномъ мірѣ. — Ну, если и не было... — Вдругъ онъ хлопнулъ рукой по столу. — Если не было, такъ возьмите мой!

Христофоровъ, все улыбаясь, началъ было его отговаривать. Но Ретизановъ заявилъ,

что если дѣло во фракѣ, онъ обязательно даетъ свой, старый, но вполнѣ приличный.

— Позвольте, — кричалъ онъ, ужъ у себя въ спальнѣ, снимая съ вѣшалки фракъ съ муаровыми отворотами, на почтенной шелковой подкладкѣ, — если вы не можете итти, потому что не во что одѣться, а какой-нибудь Никодимовъ, игрокъ, дрянь, будетъ... Нѣтъ, это ужъ чортъ знаетъ что!

Фракъ оказался впору. Но Ретизановъ такъ увлекся, что заставилъ мѣрить жилетъ и брюки.

— Послушайте, — сказалъ онъ горячо, — я очень васъ прошу: надѣньте все, здѣсь фрачная сорочка, галстукъ, бальныя туфли.

Христофоровъ изумился.

— Зачѣмъ? Для чего-же...

— Я хочу поглядѣть васъ, въ парадѣ... Нѣтъ, пожалуйста... Вы, можетъ быть, будете другой... Я выйду, вы одѣньтесь, приходите въ кабинетъ.

Какъ ни странно было, Христофоровъ исполнилъ просьбу. Когда онъ повязалъ бѣлый галстукъ, оправился передъ зеркаломъ, то и ему самому стало странно: правда, показался онъ какъ-то инымъ, тоньше, наряднѣе, будто свадебное нѣчто, торжественное появилось въ немъ.

«Вотъ и маскарадъ,—думалъ онъ, съ горечью,

и странной нѣжностью, идя въ кабинетъ. — Вотъ ужъ и я — не я»!

— Принцъ и нищій, — сказалъ онъ съ улыбкой Ретизанову, войдя въ кабинетъ.

Ретизановъ одобрилъ.

Сговорились такъ, что въ день маскарада, къ одиннадцати, Христофоровъ зайдетъ къ нему, и вмѣстѣ они поѣдутъ.

Уже въ передней, провожая его, Ретизановъ впалъ въ задумчивость.

— А скажите, пожалуйста, — вдругъ спросилъ онъ, — что, по-вашему, за человѣкъ Никодимовъ?

— Я не знаю, — отвѣтилъ Христофоровъ.

Черезъ минуту прибавилъ:

— По-моему — тяжелый.

— А по-вашему — онъ на многое способенъ?

Христофоровъ нѣсколько удивился.

— Почему вы... такъ спрашиваете?

— Нѣтъ, ни почему. Я его нынче встрѣтилъ. Вы знаете, что онъ мнѣ сказалъ? Что непремѣнно будетъ на этомъ маскарадѣ, хотя его и не звали. — Нѣтъ, невыносимый человѣкъ. Я его ощутилъ сегодня знаете какъ? Мертвенно. По-вашему, онъ зачѣмъ туда идетъ?

Христофоровъ ничего не могъ сказать. Ему подали лифтъ, онъ поѣхалъ внизъ плав-

но, и вдругъ тоже вспомнилъ Никодимова, какъ спускались они утромъ, лѣтомъ, въ этомъ-же лифтѣ. «А дѣйствительно, тяжелый человѣкъ», подумалъ онъ. Вспомнилъ, какъ боялся Никодимовъ лифта. Ему стало даже жаль его.

XIV.

Черезъ нѣсколько дней, въ назначенное время, Христофоровъ вновь входилъ въ знакомую квартиру. Ретизановъ брился. Онъ былъ повязанъ салфеткой, одна щека гладкая, чуть синеватая, другая вся въ мылѣ. Онъ оставилъ острую бородку — лицо его стало еще худѣе и блѣднѣй. Увидѣвъ Христофорова, кивнулъ, улыбнулся съ тѣмъ жалкимъ видомъ, какой имѣютъ бреющіеся люди.

— Какъ по-вашему, — спросилъ онъ, стараясь не порѣзаться, — ничего, что я бородку оставилъ? Или сбрить?

На него напала нервная нерѣшительность. Сбрить, или не сбрить? Онъ омылъ лицо одеколономъ, попудрилъ, такъ что большіе, синіе глаза еще лучше оттѣнялись на бѣлизнѣ, и все колебался.

— Нѣтъ, не брить, — тихо сказалъ Христофоровъ.

— Такъ вы думаете — оставить... А знаете... — онъ вдругъ захохоталъ, — я сегодня, по морозу, ходилъ мимо дома, гдѣ живетъ Лабунская, и выбиралъ моментъ, когда народу меньше. Осмотрюсь, и сниму шапку, иду непокрытый. Это было страшно радостно. Вы меня понимаете?

Онъ вынималъ уже обмундировку Христофорова. Слегка стѣсняясь, тотъ сталъ переодѣваться. Онъ былъ въ нѣсколько подавленномъ настроеніи — и безучастенъ. «Хорошо», думалъ онъ, глядя на своего двойника въ зеркалѣ и застегивая запонку крахмальной рубашки: «пускай маскарадъ, или что угодно. Что угодно».

— А вдругъ, — говорилъ въ это время Ретизановъ, повязывая галстукъ, — я пріѣду, и не узнаю тамъ Лабунской? Чортъ... всѣ въ маскахъ, и костюмахъ... Это можетъ случиться?

— Вы почувствуете ее, — отвѣтилъ Христофоровъ.

— Почувствую... я ее чувствую; когда она въ Петербургѣ... Но вдругъ нападетъ слѣпота... Понимаете, духовная слѣпота...

Въ двѣнадцать были они готовы. Ретизановъ надѣлъ на гостя шубу, они вышли. Наняли на углу *рѣзваго*, запахнулись полостью и покатили. Рысакъ, правда, шелъ рѣзво, но

сбивался; снѣгъ скрипѣлъ; Москва была уже пустынна; по небу, освѣщенныя снизу, летѣли бѣлыя облака, и провалы между ними казались темны. Закутавшись, Христофоровъ глядѣлъ вверхъ, какъ въ этихъ глубинахъ, темно-синихъ, являлись золотыя звѣзды, вновь пропадали подъ облаками, вновь выныривали. Привычный взоръ тотчасъ замѣтилъ Вегу. Она восходила. Часто заслоняли ее дома, но всегда онъ ее чувствовалъ.

У большого особняка, на Садовой, сіялъ молочный электрическій фонарь. Подкатывали извозчики. Вылѣзали закутанныя дамы, мужчины, хлопала дверь. Въ передней надѣвали маски. Тутъ висѣлъ голубой фонарь. Изъ-подъ шубъ, ротондъ, саковъ появлялись испанцы, турки, арлекины, бабы, фавны и менады. Два негра въ цилиндрахъ, въ красныхъ фракахъ, отбирали билеты — у входа, декорированнаго подъ ущелье. За ущельемъ шелъ корридоръ, драпированный шалями. Здѣсь, проходя мимо зеркала, гдѣ оправляла прическу молоденькая венеціанка на деревянныхъ башмачкахъ, въ черной шали, съ розами въ смоляныхъ волосахъ, мелькомъ увидѣлъ Христофоровъ двѣ тѣни, во фракахъ, шелковыхъ масочкахъ и безукоризненныхъ манишкахъ. Снова не совсѣмъ онъ узналъ себя. Снова подумалъ — можетъ, такъ и нуж-

но, если маскарадъ. И чѣмъ дальше шелъ, тѣмъ больше нравилось быть подъ маской. Точно лоскутокъ шелка, съ бархатной оправой для глазъ, становился для него пріютомъ въ долгомъ и пустынномъ пути; точно изъ-подъ его защиты виднѣй было происходящее, и отдаленнѣй; и еще менѣе участвовалъ онъ самъ въ пестромъ гомонѣ карнавала.

Какъ всегда первое время была холодокъ: не всѣ еще съѣхались, не всѣ узнали другъ друга, не разошлись. Маски бродили группами, и по-одиночкѣ, разсматривая гостиныя — увѣшанныя коврами, расписанныя удивительными звѣрями и фигурами, небеснымъ сводомъ въ звѣздахъ, магическими знаками. Была комната китайскихъ драконовъ. Были, конечно, гроты любви. Въ большой залѣ началась музыка и танцы. Въ комнатѣ черезъ корридоръ, отдѣланной подъ нюренбергскій кабачокъ, за прилавкомъ откупоривали бутылки; цѣдили пиво изъ бочки. На стѣнахъ кое-гдѣ надписи: «Всѣ равны». «Всѣ знакомы». «Прочь мораль».

Къ двумъ часамъ съѣздъ опредѣлился. Больше толпились, хохотали, танцовали. Легкая маска, тоненькая, въ восточныхъ шальварахъ и фатѣ, быстро подхватила Христофорова, склонила голову — сѣрые, будто знакомые, и незнакомые глаза взгля-

нули на него, будто знакомый голосъ шепнулъ:

— Онъ ходитъ, онъ ждетъ. Но напрасно, напрасно...

И убѣжала на рѣзвыхъ ногахъ, замѣшалась въ толпѣ менадъ, окружавшихъ розоваго Вакха, съ тирсомъ, въ виноградныхъ лозахъ.

— Это кто была, по-вашему? — безпокойно спросилъ Ретизановъ. — Что она вамъ сказала? Нѣтъ, куда она дѣлась?

И онъ бросился искать восточную дѣвушку.

Христофоровъ-же пошелъ дальше, все такъ-же медленно. «Лабунская? — думалъ онъ. — Да, навѣрно»... Но его мысли были далеко. Онъ прошелъ мимо двери, предъ которой на минуту остановился. Вся она закрывалась матеріями, лишь внизу оставлено отверстіе, куда можно пролѣзть на четверенькахъ. Онъ заглянулъ. Дальше было опять препятствіе, такъ что войти туда могли лишь очень рѣшительные. Танцовщица въ коротенькой юбочкѣ, и астрологъ въ колпакѣ со звѣздами проскользнули, все-же, хохоча.

Въ слѣдующей комнатѣ было полутемно. На эстраду вышелъ худенькій Пьеро, съ набѣленными щеками, и дѣвушка Ночь, въ черномъ газовомъ платьѣ со звѣздами, въ красной маскѣ. На піанино заиграли танго.

Пьеро подалъ руку Ночи — и они начали этотъ, странный и щемящій, какъ-бы прощальный танецъ.

Христофоровъ отошелъ къ стѣнѣ. Онъ глядѣлъ на эстраду, на толпу цвѣтныхъ масокъ, толпившихся вокругъ, то приливавшихъ, то, смѣясь, выбѣгавшихъ въ другія залы. Кто такъ усталъ, такъ измученъ, что создалъ это? Не жизнь-ли, человѣчество остановилось на распутьи? Христофорову вдругъ представилось, что сколь не блестяща, и весела, распущена эта толпа, довольно одного дыханія, чтобы какъ стая листьевъ разлетѣлись всѣ во тьму. Можетъ быть, это всѣ знаютъ, но не говорятъ — стараются залить виномъ, танцами, музыкой. Можетъ быть всѣ сознаютъ, что они — на краю вѣчности. И торопятся обольститься?

Венеціанская куртизанка знакомой, мощной походкой подошла къ нему, и слегка ударила его вѣеромъ.

— И ты здѣсь, поэтъ?

— Здѣсь, прекрасная, — отвѣтилъ онъ. — Смотрю.

Она засмѣялась.

— И прославляешь бѣдность?

Онъ придвинулся, заглянулъ въ темные глаза, окончательно узналъ Анну Дмитріевну, сказалъ тихо:

— Ты веселишься? Это правда? — Онъ сжалъ ей руку. — Правда?

Она выдернула ее.

— Оставь. Не насмѣхайся.

Подбѣжалъ Ретизановъ.

— Слушайте, — закричалъ онъ, — я въ духовной слѣпотѣ. Я ничего не понимаю. Нѣтъ, чортъ, я не могу ее найти. По-вашему, она тутъ? Да нѣтъ, вообще здѣсь все очень странно. Еще два часа, а ужъ есть пьяные, тѣснота. Не пускаютъ Никодимова. Онъ скандалитъ. Вамъ нравится? — обратился онъ къ Христофорову.—А главное, я не могу понять, что со мной сдѣлалось. Я навѣрно знаю, что она пріѣхала изъ Петербурга и должна здѣсь быть. Но гдѣ-же?

— Ищите дѣвушку въ шальварахъ, — отвѣтилъ Христофоровъ, — въ низенькой шапочкѣ и фатѣ.

— Да вы почемъ знаете? — закричалъ Ретизановъ. — Ахъ, чортъ...

Глаза его блестѣли, онъ былъ уже безъ маски. Что-то нетрезвое, лихорадочное сквозило въ немъ.

— Мнѣ кажется, — сказалъ онъ съ отчаяніемъ, — что, если сейчасъ ее не найду, это значитъ, я погибъ.

Христофоровъ взялъ его подъ руку.

— Пойдемте, не волнуйтесь. Она здѣсь. Мы ее найдемъ.

Дѣйствительно, въ третьей-же комнатѣ, окруженная толпой, Лабунская танцовала danse de l'ourse съ индійской царевной. Христофоровъ постоялъ, посмотрѣлъ и двинулся дальше. Онъ не снималъ маски.

Попрежнему странное и горькое удовольствіе доставляло ему — смотрѣть, не будучи замѣченнымъ. Отъ Лабунской, какъ и всегда, осталось у него легкое ощущеніе, будто геній свѣта и воздуха одухотворялъ ее. Но иной образъ стоялъ въ его душѣ, безконечно близкій и дорогой — безконечно далекій. Было что-то родственное межъ ними, какая-то нота очарованія. Христофоровъ зналъ, что сюда Машура не пріѣдетъ. Все-же, бродя, въ пестромъ мельканіи масокъ, онъ искалъ ее. Это волновало и мучило. Иногда мерещилась она въ быстромъ танцѣ, въ блескѣ глазъ изъза кружевъ, въ полуосвѣщенномъ углу. Но какъ мгновенно вспыхивала, такъ-же и уходила. Была минута, когда, ставъ въ тѣни портьеръ, закрывъ глаза, усиліемъ воображенія онъ ее вызвалъ. Она была блѣдна, тонка, въ длинныхъ черныхъ перчаткахъ, съ худенькими плечиками. Масочка скрывала среднюю часть лица. «Это вашъ поэтическій экстазъ,— говорила она съ улыбкой и слезами:

— сонъ, но не то, что въ жизни называется любовью».

Онъ открылъ глаза и тронулся. Машинально пробрался онъ впередъ, и хотя теперь ее не видѣлъ, странное ощущеніе, что она здѣсь, невидимо, не оставляло его. Свѣтъ, люди, шумъ измѣнялись *ея* присутствіемъ. Хотѣлось плакать. Сердце ныло нѣжностью.

Въ нюренбергскомъ кабачкѣ очень шумѣли. Всѣ столики были заняты, скатерти залиты виномъ. На бочкѣ танцовала маска. Кто-то пытался ораторствовать. Другого собирались качать. У прилавка стоялъ, очень блѣдный, Никодимовъ, и допивалъ коньякъ.

— Несмотря на все, — говорилъ онъ флорентійскому юношѣ, съ ласковымъ и порочнымъ лицомъ, — я здѣсь... Дмитрій Павлычъ Никодимовъ пришелъ.

Юноша дернулъ его за рукавъ.

— Дима, — сказалъ онъ теноромъ, вытягивая звуки. — Не пей. Тебѣ вредно.

— Да снимите вы маску! — крикнулъ Христофорову знакомый, веселый голосъ.

Обернувшись, онъ увидѣлъ Фанни, за столомъ съ нѣсколькими іудеями. Толстый человѣкъ во фракѣ, съ ней рядомъ, куря сигару, говорилъ сосѣду:

— Здѣсь и совсѣмъ Парыжъ!

Христофоровъ снялъ маску. Фанни, въ

предѣльно-декольтированномъ платьѣ, съ чайной розой, хохотала и кричала:

— Садитесь! Къ намъ! Это м-милѣйшая личность, — обратилась она къ друзьямъ. — Проповѣдникъ бѣдности, или любви... чего еще тамъ? Жизни, что-ли? Забыла! Но милѣйшая личность. Давидъ Лазаревичъ, налейте ему шампанскаго!

Давидъ Лазаревичъ, съ короткими и пухлыми пальцами въ перстняхъ, изъ тѣхъ Давидовъ Лазаревичей, что посѣщаютъ всѣ модные театры, кабарэ и увеселенія, говоря про одни: «это Парыжъ», а про другія важно: «ну, это вамъ не Парыжъ», — отложилъ сигару, и налилъ *молодому человѣку* вина.

Христофоровъ имѣлъ нѣсколько ошеломленный видъ. Но поблагодарилъ и чокнулся.

— Очар-ровательно, — сказала Фанни, щуря продолговатые, подкрашенные глаза. — А откуда такой фракъ?

Христофоровъ нагнулся къ самому ея уху, съ брилліантовой сережкой, и шепнулъ:

— Чужой, Александра Сергѣевича.

— Милый! — закричала она. — Аб-бажаю! Очар-ровательно, весь въ меня. Я такая-же. Мы всѣ шахеръ-махеры.

Отъ вина голова Христофорова затуманилась — пріятнымъ опьяненіемъ. Онъ теперь радъ былъ, что встрѣтилъ Фанни, сытыхъ

израилей, и не отказывался, когда Давидъ Лазаревичъ налилъ ему еще бокалъ.

— Хорошо, что ушелъ этотъ Никодимовъ, — заболтала Фанни.—Фу! Не люблю такихъ. Что онъ изъ себя изображаетъ? Непонятную фигуру? А по-моему — просто темная личность съ претензіями. Хоть и дворянинъ, и баринъ... И потомъ, онъ на меня тоску нагоняетъ. Что это такое? Нѣтъ, я люблю, чтобы весело было, и жизненно, безъ всякихъ вывертовъ. Не понимаю тоже и Анну — что она въ немъ нашла? Ахъ, бѣдная женщина. Слоняется тутъ. Выпьемъ за нее!

На этотъ разъ она не спрашивала Давида Лазаревича, налила сама. За виномъ разболтала она многое о своей пріятельницѣ, чего не сказала-бы въ обычномъ видѣ.

Скоро ее позвали — какъ распорядительница, должна она была устраивать новый номеръ. Христофоровъ посидѣлъ немного, и тоже поднялся.

Въ сущности, пора ужъ было уходить, вновь возвращаться въ полупустую свою комнату. Для чего былъ онъ здѣсь? Сердце его опять сжалось. Онъ вспомнилъ Ретизанова. Все-таки, тотъ встрѣтилъ свою дѣвушку въ шальварахъ, — которую носятъ по заламъ геніи вѣтровъ. Машуры-же вновь не было съ нимъ. Въ сердцѣ пустота, и одиночество.

Значитъ права была Лабунская, шепнувшая свои легкія слова. Значитъ, надо уѣзжать.

Онъ потолкался еще среди масокъ, по заламъ, и машинально забрелъ въ темный закоулокъ у передней, откуда лѣсенка шла наверхъ. Онъ почему-то поднялся,—и попалъ въ двѣ полутемныя антресоли. Въ первой шептался въ креслѣ Пьеро съ черненькой венеціанкой. Христофоровъ прошелъ мимо. Въ дальней сѣлъ онъ на ситцевый диванчикъ, вздохнулъ и закурилъ. Эту комнату не готовили. Не было декораціи, мебель обычная. Въ углу, у иконы, лампадка. Окна выходили въ садъ. Смутная, синеватая мгла.

Снизу слышался шумъ, танцы, доносилась музыка. Отсюда видны были деревья въ саду, полосы свѣта изъ нижнихъ оконъ, да кусокъ неба. Христофоровъ сидѣлъ, курилъ, смотрѣлъ на это небо, на которомъ увидѣлъ голубую звѣзду Вегу. Она мерцала нѣжно, и таинственно. Среди вѣтокъ можно было замѣтить, какъ по вѣковому пути движется она, ведя за собой, какъ странница, свѣтло-золотую Лиру. Голубоватый свѣтъ ея успокаивалъ. Чѣмъ дольше смотрѣлъ Христофоровъ, тѣмъ болѣе ему казалось, что ея таинственное сіяніе глубже разливается по окружающему, внося гармонію. Тотъ-же голубоватый отблескъ есть и въ глазахъ Машуры, въ ми-

лой Лабунской. Оцѣпенѣніе, въ родѣ сна, овладѣвало имъ. Призрачнѣй, нѣжнѣй и туманнѣе летѣла музыка. Легче, и нечеловѣчнѣй казались маски. Очаровательнѣй, ближе и дальше, возможнѣй и невозможнѣе невозможная любовь.

XV.

Въ это время внизу, въ небольшой гостиной, уже пустой, стоялъ у окна Никодимовъ, тупо смотрѣлъ на улицу. Подошла венеціанская куртизанка. Онъ обернулся.

— Дмитрій, — сказала она. — Почему ты здѣсь?

Онъ пожалъ плечами.

— Гдѣ-же мнѣ быть?

— Для чего ты пріѣхалъ на этотъ маскарадъ?

— Меня объ этомъ спрашивали нынче, — отвѣтилъ онъ глухо. — Въ передней...

Куртизанка сжала пальцы.

— Для чего ты себя унижаешь.

— Этого я не умѣю тебѣ сказать.

Она вдругъ быстро взяла его руку и поцѣловала.

— Иногда мнѣ кажется, что все твое... всю тоску, скверное, я могла-бы взять на себя.

Никодимовъ перевелъ на нее темные и мутные глаза. Слабая улыбка появилась на его лицѣ.

— Женщина, — сказалъ онъ и вздохнулъ. — Особенный вашъ родъ.

— И не стыжусь, что женщина. Я, милый мой, тоже много видѣла стыда на своемъ вѣку. Меня не удивишь.

— Ничего, — пробормоталъ Никодимовъ. — Ничего. Живу, какъ живу. Ничего не надо. Никакихъ сентиментальностей.

— Уѣдемъ отсюда, — вдругъ сказала она. — Я тебя увезу на край свѣта, будемъ жить у моря, солнца, путешествовать... Ты будешь свободенъ, но... уѣдемъ!

— Фантасмагоріи!

— Поселимся въ Венеціи...

Никодимовъ слегка вздрогнулъ.

— Въ Вѣнѣ я былъ очень близко къ смерти, — сказалъ онъ. — Никогда тебѣ не разсказывалъ. Во всякомъ случаѣ, это сильное ощущеніе.

Онъ вынулъ часы.

— Пять.

Глаза его нѣсколько прояснились, онъ подобрался и оглянулся.

— Поѣзжай домой. Пора. Видишь, всѣ разъѣзжаются. А у меня есть еще дѣло. Я поссорился съ однимъ человѣкомъ.

Никодимовъ поцѣловалъ ей руку, съ внезапной, но холодной вѣжливостью, и вышелъ. Куртизанка постояла, сѣла на диванъ и уткнулась лицомъ въ его спинку.

Никодимовъ-же встрѣтилъ въ залѣ флорентійскаго юношу и подошелъ къ нему.

— У меня сегодня дуэль, — сказалъ онъ. — Мы заѣдемъ домой, ты переодѣнешься, выпьемъ кофе, и въ половинѣ восьмого должны быть въ Петровскомъ паркѣ.

Юноша попятился. Его бархатные, безпокойно-распутные глаза взглянули испуганно.

— Дуэль? — произнесъ онъ слабымъ голосомъ. — Но тебя могутъ убить.

— Безразлично, — тихо, и слегка задыхаясь, отвѣтилъ Никодимовъ. — А пока ты — мой... ѣдемъ.

Юноша пытался возражать. Никодимовъ властно и нѣжно взялъ его подъ руку, повелъ къ выходу.

Маскарадъ, дѣйствительно, кончался. Въ нюренбергскомъ кабачкѣ орали еще пьяницы. Фанни, въ передней, накидывала свой палантинъ. Давидъ Лазаревичъ подавалъ ей ботики. По угламъ гнѣздились еще пары, не желавшія разстаться. Варили послѣдній кофе — для пьяницъ и тѣхъ неврастениковъ, которые не могутъ вернуться домой раньше

дня. Послѣдними досиживаютъ они, небольшими компаніями, среди синяго утра, разбросанныхъ окурковъ, облитыхъ виномъ скатертей, зашарканныхъ паркетовъ — всегдашней мишуры и убожества финальныхъ часовъ.

— Гдѣ вы? Куда вы пропали? —кричалъ Ретизановъ, поймавъ, наконецъ, Христофорова. — Чортъ знаетъ, вы сидите здѣсь... понятія не имѣете... А это ужасъ... Нѣтъ, это чортъ знаетъ что! Такой негодяй...

Путаясь, волнуясь и крича, онъ объяснилъ, что полчаса назадъ Никодимовъ, ни съ того ни съ сего, грубо оскорбилъ Лабунскую.

— Нѣтъ, вы понимаете, это хамъ, котораго разъ навсегда надо проучить. Я ему это и сказалъ. И ударилъ-бы, если-бы не помѣшали. Но теперь — дуэль. Дѣло рѣшеное. Нѣтъ, это давно надо было сдѣлать.

Христофоровъ былъ пораженъ.

— Какъ... дуэль? — переспросилъ онъ.

— Сегодня-же, утромъ, въ Петровскомъ паркѣ. Онъ привезетъ оружіе... Да что вы такъ удивились? Это давно надо было сдѣлать, я давно собирался отъ него избавиться. Ничего не значитъ, что вызовъ безъ секундантовъ... Все равно, вы должны присутствовать.

— Я, секундантомъ?

— Что? Вы не хотите? Нѣтъ, это ужъ дудки-съ!

Христофоровъ совсѣмъ потерялся. — Что угодно могъ онъ предположить, только не это. Участвовать въ дуэли! Но вѣдь это безконечно дико. Запинаясь, онъ старался объяснить, что никакой дуэли быть не должно, что это нелѣпая ссора, и, быть можетъ, Никодимовъ просто нетрезвъ...

— Какъ? — закричалъ Ретизановъ. — Оскорбить Елизавету Андреевну — нелѣпая ссора? Вы не понимаете, что ужъ давно онъ къ этому подъѣзжаетъ, потому что онъ темный человѣкъ, и его бѣситъ любовь, подобная моей. Нелѣпая ссора! Это должно было произойти, не сегодня, такъ завтра. Нѣтъ, уступить ему... дудки!

Христофоровъ понялъ, что теперь остановить его уже нельзя. Они сошли снова внизъ, въ нюренбергскій кабачокъ. Неврастеники дохлестывали вино. Трое пьяныхъ въ углу громко разсуждали, что хорошо-бы предпринять кругосвѣтное путешествіе.

Ретизановъ занялъ столикъ, заказалъ кофе и коньяку. Христофоровъ молчалъ. Онъ чувствовалъ себя странно. Ему казалось — то необычайное, что вторглось въ его жизнь этой зимой, и привело, во фракѣ и маскѣ, въ этотъ

кабачокъ — владѣетъ имъ и мчитъ дальше, по неизвѣстной ему дорогѣ, навстрѣчу необычнымъ чувствамъ. Опять ему вспомнилось, какъ стоялъ онъ лѣтомъ, на утренней зарѣ, на балконѣ квартиры Ретизанова, надъ спящей Москвой, и ощущалъ великій жизненный потокъ, несущій его. «Да, можетъ быть, и правъ Ретизановъ,—думалъ онъ.—Можетъ быть, и правда, еще тогда, въ ту шумную ночь зарождались событія, которымъ лишь теперь надлежитъ вскрыться».

Ретизановъ, между тѣмъ, пилъ кофе, вливая въ него коньякъ. Онъ молчалъ, потомъ сталъ улыбаться, и полузакрылъ глаза рукой. Походило на то, будто онъ погружается въ трансъ.

— Куба, Ямайка, Гаити и Порторико! — кричалъ пьяный путешественникъ. — Иначе не могу, поймите меня, я-же не могу... Милые мои, хорошіе мои, ну куда-же я поѣду? — Онъ хлопнулъ кулакомъ по столу, вновь заоралъ:

— Куба, Ямайка, Гаити, Порторико! И никакихъ шариковъ.

Ретизановъ отнялъ отъ лица руки. На глазахъ его были слезы.

— Геніи отвѣтили, — тихо сказалъ онъ, — что я не долженъ никому позволять... даже если-бы пришлось умереть. Я долженъ от-

разить натискъ темныхъ силъ. А если Никодимовъ этотъ — вовсе не Никодимовъ, а кто-то другой, болѣе страшный, въ его обличьѣ...

Ретизановъ говорилъ все медленнѣе и тише. Глаза его горѣли. Сухая нервность была въ рукахъ. Христофорову ясно стало казаться, что онъ не въ себѣ. На мгновеніе остро его кольнуло — вѣдь это полубезумный, его надо-бы везти домой, и въ санаторію Но тотчасъ онъ понялъ, что сдѣлать этого нельзя. Значитъ, надо повиноваться.

Въ началѣ восьмого они одѣлись и вышли. Начинало свѣтать — хмурымъ, неясно-свинцовымъ разсвѣтомъ. На бульварѣ, въ деревьяхъ, шумѣлъ вѣтеръ. Фонари гасли. Побѣжали трамы, надъ ними вспыхивала зеленая искра. На Страстной площади было пустынно. Дремалъ лихачъ на парѣ голубковъ. Лампадка краснѣла у входа въ монастырь, открылась свѣчная лавочка. На колокольнѣ медленно звонили.

Ретизановъ подошелъ къ лихачу и негромко сказалъ:

— Въ Петровскій паркъ.

— Пожа-пожалуйте!

Лихачъ вскочилъ и бросился снимать съ озябшихъ лошадей попоны.

Черезъ минуту они катили по Тверской,

по прямой, классической улицѣ кутежей, загородныхъ ресторановъ. Иногда навстрѣчу попадались тройки — кутилы шумѣли, хохотали, и въ облакѣ снѣга уносились. Проревѣлъ автомобиль. Лежавшій на днѣ, веселый человѣкъ, привѣтствовалъ встрѣчныхъ, выкидывая ноги кверху. Прокатили подъ Тріумфальной аркой, гдѣ тяжело летѣли бронзовые кони побѣдъ. Свѣтящіеся часы на вокзалѣ показывали безъ двадцати восемь.

Христофоровъ находился въ странномъ, полуотсутствующемъ состояніи. Онъ не особенно хорошо понималъ, куда и зачѣмъ ѣдутъ. Какъ-будто измѣнились декораціи, но все продолжается его мечтательное созерцанье въ мансардѣ—теперь летятъ навстрѣчу арки, дома, сады — съ то-же фантастической безцѣльностью. И лишь подо всѣмъ, глубоко и жалобно, стонетъ что-то въ сердцѣ. Ретизановъ молчалъ. Онъ былъ задумчивъ и сдержанъ, какъ человѣкъ, дѣлающій важное, очень серьезное дѣло. Онъ указалъ кучеру, гдѣ надо свернуть, за Яромъ, по какой аллеѣ проѣхать. Потомъ остановилъ его. Они вылѣзли. Лихачъ шагомъ долженъ былъ возвращаться въ указанное мѣсто.

— Вотъ, сюда, — покойно сказалъ Христофорову Ретизановъ, и повелъ узкой, слегка протоптанной тропинкой на средину по-

ляны. Тамъ росли три огромныхъ пихты; подъ ними — скамейка. Мѣсто было пустынное. Налеталъ вѣтеръ, курилъ снѣжкомъ. Тяжело пронеслась, ныряя, ворона. Виднѣлись забитыя и занесенныя снѣгомъ дачи. Что-то очень суровое и скорбное было въ этомъ утрѣ, синѣющемъ снѣгѣ, мертвыхъ дачахъ.

Ждать пришлось недолго. Съ противоположной стороны поляны, шагая по цѣльному снѣгу, приближалась высокая фигура Никодимова, въ николаевской шинели, которую приходилось подбирать. За нимъ шелъ военный врачъ и юноша въ пальто со скунсовымъ воротникомъ, торчавшимъ вѣеромъ.

— Вотъ они гдѣ, — сказалъ круглолицый докторъ, настоящій москвичъ, — будто отлично былъ знакомъ съ сидѣвшими. — Привѣтъ на сто лѣтъ! Ну, и пустяковое-же дѣло затѣяли, господа!

Христофорову стало очень холодно. Никодимовъ положилъ на скамейку два браунинга и обоймы.

— Право, — сказалъ врачъ, потирая руки, улыбаясь и слегка пристукивая озябшими ногами. — Бросьте вы эти, простите меня, глупости.. Что такое, порядочные люди будутъ другъ въ друга изъ револьверовъ шпарить!

Ретизановъ вдругъ взволновался.

— Нѣтъ, нѣтъ, — закричалъ онъ. — Пожалуйста, докторъ. Это не шутки.

Христофоровъ тоже пытался вмѣшаться. Но ничего не вышло. Никодимовъ только покачалъ головой. Пришлось отмѣривать дистанцію. Ни Христофоровъ, ни юноша не умѣли заряжать.

— Эхъ, свѣтики, ясные соколы, — сказалъ докторъ и взялъ обоймы. — Еще называетесь секундантами!

Когда противники взяли оружіе, Никодимовъ вдругъ сказалъ:

— Впрочемъ, если господинъ Ретизановъ извинится, я готовъ прекратить.

Ретизановъ вспыхнулъ:

— Извиниться! Нѣтъ, это ужъ чортъ знаетъ что!

И пошелъ на свое мѣсто. Христофорову ясно представилось, что дѣйствительно это маніакъ, и если геніи сказали ему, что нужно драться, онъ драться будетъ. Никодимовъ снялъ шинель, стоялъ высокій, худой, очень блѣдный, въ лакированныхъ сапогахъ и бѣлыхъ погонахъ. Онъ повернулся бокомъ, чтобы меньше была цѣль. Ретизановъ поднялъ браунингъ весьма неувѣренно, какъ вещь, совсѣмъ незнакомую. Долго водилъ дуломъ. Наконецъ, выстрѣлилъ.

Христофоровъ стоялъ, прислонившись къ

пихтѣ. Онъ видѣлъ, какъ вдали, по замерзшему пруду шелъ мальчикъ, видимо ученикъ, съ ранцемъ за плечами. Заметалъ по полянѣ снѣжокъ. Щипало уши. И казалось, такъ все необыкновенно тихо, будто нѣтъ ни жизни, ни Москвы, а только этотъ кусокъ снѣга съ деревьями, идущій мальчикъ, сѣрый день.

Раздался второй выстрѣлъ. Христофоровъ, не видя и ничего не понимая, пошелъ впередъ. Онъ замѣтилъ, что Ретизановъ качнулся, что веселый докторъ побѣжалъ къ нему, схватилъ подмышки.

— Вотъ... здѣсь, — говорилъ Ретизановъ, держа рукой около ключицы. Онъ былъ очень блѣденъ.

— Эхъ, батенька, — сказалъ докторъ подошедшему Никодимову.

— Я предлагалъ бросить, — сухимъ, срывающимся голосомъ, отвѣтилъ тотъ. Фуражка его слетѣла. Вѣтеръ трепалъ завитки прямого пробора. На темныхъ волосахъ бѣлѣло нѣсколько снѣжинокъ.

Ретизановъ очень ослабъ. На скамейкѣ, подъ пихтой, ему сдѣлали первую перевязку. Юноша побѣжалъ за лошадьми.

Черезъ четверть часа, на тѣхъ-же самыхъ голубкахъ, что везли ихъ сюда, Христофоровъ съ докторомъ мчались къ Тріумфальнымъ воротамъ, поддерживая Ретизанова. Было со-

всѣмъ свѣтло. Артиллерійскіе офицеры ѣхали въ бригаду. Пришелъ поѣздъ — съ вокзала тянулись извозчики, съ сѣдоками и кладью. Тверская и Москва имѣли будничный, обычный видъ. И Христофорову казалось, что лишь они, скакавшіе къ Страстной площади, везя подстрѣленнаго человѣка, представляютъ обрывокъ этой печальной, шумной и сумбурной ночи.

Проѣзжая мимо Страстного, онъ снялъ шапку и перекрестился.

XVI.

Дни, что слѣдовали за дуэлью, были тяжелы для Христофорова. Ретизановъ, съ прострѣленной ключицей, лежалъ у себя на квартирѣ. Ему взяли сестру милосердія, но Христофоровъ бывалъ у него постоянно, и его угнетало, что въ этой безсмыслицѣ, такъ дорого обошедшейся Ретизанову, принималъ участіе и онъ, христіанинъ и врагъ всякаго убійства. «Это, должно быть, все-таки было навожденіе», думалъ онъ съ тоскою. Только туманомъ и могъ онъ объяснить, какъ не вмѣшался, какъ не уклонился, наконецъ, если не могъ помѣшать.

Ретизанова многіе навѣщали, и жалѣли —

въ томъ числѣ Анна Дмитріевна. Чаще другихъ заѣзжала Лабунская. Она была мила, внимательна, завезла даже разъ цвѣты. Но Христофорову, глядя на нее, все больше казалось, что взволноваться до конца, страдать, терзаться — не ея область. Чистая, легкая и изящная, проходила она въ жизни облакомъ, созданнымъ для весны, для неба.

— Недавно, — сказала она разъ Христофорову, уходя, — я познакомилась съ однимъ англичаниномъ. Ужасно трудно понимать по-англійски! Съ одной стороны — онъ страшно великолѣпенъ — автомобили, шикарные аппартаменты... Съ другой — очень простъ и скроменъ. Вотъ онъ и предлагаетъ мнѣ на весну ѣхать въ Парижъ, а въ іюнѣ, чтобы я въ Лондонѣ выступала. А потомъ, говоритъ, будемъ по Европѣ кочевать... ну, съ танцами, съ выступленіями. Мнѣ и Москву жаль бросать, я московская, тутъ родилась, у меня здѣсь пріятели — и заманчиво. Все-таки, пожалуй, потанцовать въ Европѣ? А? Какъ по-вашему?

Христофоровъ улыбнулся.

— Потанцовать, — отвѣтилъ онъ тихо. — Потанцовать, людей посмотрѣть, себя показать.

Она засмѣялась, и пошла къ двери.

— Вотъ вы какой, какъ будто-бы и этакій... а одобряете легкомысленныя штуки.

— Но не говорите пока объ этомъ Александру Сергѣевичу, — сказалъ Христофоровъ.

Она взглянула на его лицо, на глаза, ставшіе серьезными, вздохнула, махнула муфтой.

— Не скажу.

Ея посѣщенія вообще волновали Ретизанова. Онъ принимался говорить, спорить, доказывать. Поднималась температура. А это было для него очень многое.

Разъ Христофоровъ, подойдя на звонокъ къ телефону, услышалъ голосъ Никодимова. Тотъ спрашивалъ о здоровьѣ раненаго. Христофоровъ отвѣтилъ.

Узнавъ, кто съ нимъ говоритъ, Никодимовъ нѣсколько оживился.

— Если вы свободны, — сказалъ онъ,— то зайдите какъ-нибудь ко мнѣ, днемъ. Если, конечно, — прибавилъ онъ холоднѣй, — къ тому нѣтъ особыхъ препятствій. Я хочу васъ видѣть.

Христофорову показалось это нѣсколько страннымъ. Но онъ отвѣтилъ, что зайдетъ. Ретизанову онъ сказалъ лишь, что противникъ освѣдомился о здоровьѣ.

— Ха! — засмѣялся Ретизановъ. — Сна-

чала убьютъ, а потомъ справляются, хорошо-ли убили.

Помолчавъ, онъ прибавилъ:

— Но Никодимовъ меня ранилъ, это естественно. А насчетъ Елизаветы Андреевны, — онъ опять раздражился: — это гадость, гадость!

Дня черезъ два, въ пятомъ часу, Христофоровъ спускался по лѣстницѣ, чтобы итти къ Никодимову. Былъ конецъ февраля. Свѣтило солнце, съ крышъ капало. Въ окнѣ синѣлъ кусокъ неба. Блѣдное облачко пролетало въ немъ.

На одномъ маршѣ лѣстницы, быстро сходя внизъ, онъ чуть не столкнулся съ Машурой. Она шла вверхъ, медленно, опустивъ голову. Увидѣвъ его, остановилась. Они поздоровались.

— Вы къ Александру Сергѣевичу? — спросилъ Христофоровъ.

— Да.

Машура слегка поблѣднѣла, но лицо ея, какъ обычно худенькое, остроугольное, имѣло печать спокойствія. Лишь въ огромныхъ глазахъ слабо трепетало что-то.

— Это хорошо, — сказалъ Христофоровъ сдавленнымъ голосомъ, — что вы идете къ нему. Онъ будетъ очень радъ.

Машура поклонилась, и тронулась дальше.

— Скажите, — спросила она, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, — правда, что онъ стрѣлялся изъ-за Лабунской?

Она слегка сдвинула брови. Что-то сдержанно-горькое показалось ему въ этомъ лицѣ.

— Правда...

Христофоровъ замялся и вдругъ сказалъ:

— Вы не были вѣдь... тамъ? На маскарадѣ?

Машура нѣсколько удивилась.

— Почему вы думаете? Нѣтъ, не была.

Христофоровъ хотѣлъ еще что-то сказать. Но промолчалъ. Машура вздохнула, медленно стала подыматься. Онъ такъ-же медленно спускался, всѣмъ существомъ ощущая, какъ растетъ между ними высота. Сойдя въ вестибюль, почувствовалъ усталость. Швейцара не было. Онъ сѣлъ на его стулъ, у стѣны, и закрылъ глаза. Въ головѣ шумѣло. Куда-то выше, все выше всходила сейчасъ Машура, какъ кульминирующая звѣзда, удаляясь въ невѣдомыя и холодныя пространства. Хлопнула наверху дверь, — замолкли ея шаги. Вошелъ кто-то снизу, съ параднаго. Христофоровъ всталъ, вышелъ, и двинулся къ Пречистенскому бульвару.

Тамъ шагалъ онъ по правому, высокому проѣзду, гдѣ важны тихіе дома, грѣетъ солн-

це, золотѣетъ куполъ маленькой церкви, Ржевской Б. Матери.

Надъ Гагаринскими, Сивцевыми, Арбатами дымно сіяло золотистое, уже весеннее небо Москвы, съ розоватыми тучками. Начинался одинъ изъ романтическихъ закатовъ Арбата. Христофоровъ вспомнилъ—еще гимназистомъ ходилъ онъ тутъ, и такъ-же были эти закаты, такъ-же томилось его сердце; какъ и теперь былъ онъ полонъ призраковъ, обольстительныхъ и кочующихъ, владѣвшихъ имъ всю жизнь, лаская, мучая. Голубые глаза его раскрывались шире, съ тѣмъ нѣсколько безумнымъ выраженіемъ, какое принимали иногда. И онъ шелъ, мало замѣчая прохожихъ, самъ — призракъ собственныхъ-же, далекихъ дней, о которыхъ нельзя было сказать, куда развѣялись они, какъ и нельзя было удержать фантасмагорію его любвей, разсѣявшихся въ мірѣ.

Такъ прошелъ онъ по Никитскому бульвару, по Тверскому, гдѣ Пушкинъ стоялъ, спокойный и задумчивый, глядя на мелькающую толпу. На колокольнѣ Страстного, сіявшей розовымъ въ закатѣ, перезванивали. На площади торговали водами, папиросами. Мальчишки съ цвѣтами бѣжали за экипажами. Звенѣли трамы. Шли, ѣхали, сновали. На бульварѣ бѣлѣлъ еще снѣгъ.

Машинально вошелъ Христофоровъ въ ворота монастыря, подъ башней, пересѣкъ небольшой дворикъ со старыми деревьями, и поднялся въ церковь. Она была обширна и свѣтла. Служба только что началась. Хоръ монахинь выходилъ съ клиросовъ, онѣ расположились на амвонѣ, развернули ноты. Одна, довольно полная, немолодая, была за регента. Очень высокій, нѣжный, но однообразный хоръ вторилъ возгласамъ ектеніи. Затѣмъ блѣдная монашка, въ черномъ клобукѣ, читала у аналоя, при восковой свѣчѣ. Весенній свѣтъ наполнялъ церковь. Свѣчи золотились. Женскій голосъ, безъ конца и начала, читалъ святую книгу. Христофоровъ стоялъ рядомъ со старухой и двумя солдатами. Вѣчность и тишина были тутъ. Вѣчность, и тишина.

Часы на колокольнѣ указывали половину шестого, когда онъ вышелъ. Никодимовъ жилъ недалеко. Пройдя нѣсколько переулковъ, Христофоровъ оказался предъ гигантскимъ домомъ. Въ вестибюлѣ съ колоннами, какъ въ дорогомъ отелѣ, бродило нѣсколько швейцаровъ. Джентльменъ въ широкомъ пальто сидѣлъ на диванѣ, и нетерпѣливо постукивалъ ногами. Зеленовато-розовый рефлексъ весны ложился чрезъ зеркальныя двери.

Христофоровъ безсмысленно, отсутствуя, ѣхалъ въ лифтѣ, напоминавшемъ каюту. Съ нимъ подымались иностраннаго вида обитатели, и разбредались по безчисленнымъ коридорамъ дома — океанскаго корабля.

Никодимовъ, въ разстегнутой тужуркѣ, отворилъ самъ.

— А, — сказалъ онъ, — очень радъ.

Христофоровъ раздѣлся въ передней, и вошелъ въ большую комнату, полную розоваго свѣта.

— Значитъ, все-таки собрались, — сказалъ Никодимовъ, усмѣхаясь. — Сюда пожалуйте, къ столу. Хотите вина?

Христофоровъ отказался. Хозяинъ налилъ себѣ стаканъ рейнвейна, и выпилъ.

— Въ этомъ домѣ, — сказалъ онъ, — живутъ иностранные комми, клубные игроки, актрисы, художники, и такія личности, какъ я. Я занимаю студію. Здѣсь раньше жилъ художникъ.

Христофоровъ смотрѣлъ на него очень пристально, разглядывая бѣлую рубашку подъ тужуркой и воротъ виднѣвшейся тоненькой фуфайки.

— Чего вы на меня такъ смотрите? — вдругъ просилъ Никодимовъ, и опять засмѣялся— Изучаете?

Христофоровъ смутился :

— Нѣтъ, ничего.

— Меня изучать, можетъ быть, и интересно, — сказалъ онъ, — можетъ быть — нѣтъ. Зависитъ отъ точки зрѣнія. Я сегодня пью съ утра, что, впрочемъ, дѣлаю нерѣдко. Да, я васъ звалъ... — Онъ вдругъ впалъ въ задумчивость. — Я вѣдь васъ звалъ, для чего-то... Можетъ быть, вы обидитесь. Но знаете — ни для чего. У меня нѣтъ къ вамъ никакого дѣла.

Теперь улыбнулся Христофоровъ.

— Значитъ, почему-то все-таки вамъ хотѣлось меня видѣть?

— Да, хотѣлось, хотѣлось.

Онъ говорилъ разсѣянно, будто это совсѣмъ не нужно было.

— Какой вы... странный человѣкъ, — сказалъ Христофоровъ.

— А что, — спросилъ Никодимовъ, довольно безразлично, — выживетъ Ретизановъ?

Христофоровъ отвѣтилъ, что опасности нѣтъ.

— Все это необыкновенно глупо, — задумчиво произнесъ Никодимовъ, — какъ и очень многое въ моей жизни. Я-бы не весьма пожалѣлъ, если-бъ убилъ его, но и то, и другое было-бы совершенно ни къ чему. Без-смысли-ца! — раздѣльно выговорилъ онъ.

Дверь изъ сосѣдней комнаты отворилась; оттуда вышелъ, въ шелковомъ халатикѣ, завитой, со слегка подкрашенными глазами юноша, бывшій на дуэли.

— Дима, — сказалъ онъ, — затопи ванну. А то я до театра не успѣю одѣться.

Никодимовъ заторопился, и побѣжалъ въ маленькую комнатку, рядомъ съ прихожей.

— Постоянной прислуги здѣсь нѣтъ, — зѣвая, сказалъ юноша. — Приходится самимъ возиться. Ахъ, да, — вдругъ оживился онъ, — какъ страшно было тогда! Я думалъ, что Диму убьютъ. Но этотъ господинъ совершенно не умѣлъ стрѣлять.

Потомъ онъ заговорилъ о балетѣ, осуждалъ Вѣру Сергѣевну, о Ненароковой отозвался кисло. Вспомнилъ, какъ занятно было въ Парижѣ, два года тому назадъ, на русскомъ сезонѣ.

— Мы и теперь собираемся въ Парижъ, но Дима долженъ выиграть, и взять отпускъ. Или тамъ безъ отпуска, мнѣ все равно. Дима лѣнивъ. Все обѣщаетъ выиграть... и вѣчно мы безъ денегъ. Впрочемъ, вотъ взгляните, онъ мнѣ подарилъ.

Юноша показалъ на пальцѣ перстень, съ тонкой и прозрачной камеей.

— Это голова Антиноя, — сказалъ онъ. — Императоръ Адріанъ любилъ одного юношу,

Антиноя. Во время прогулки по Нилу тотъ утонулъ. А-а... Императоръ былъ страшно огорченъ, и велѣлъ обожествить Антиноя. На его виллѣ... знаменитой, подъ Римомъ, было найдено множество статуй и бюстовъ... а-а... юнаго бога. Вамъ нравится?

Онъ снялъ перстень и поцѣловалъ камею.

— Очень мило.

И съ тѣмъ-же лѣнивымъ и нѣсколько покровительственнымъ видомъ, съ сознаніемъ изящества, превосходства, поплелся брать ванну.

Христофоровъ всталъ и подошелъ къ окну. Еще болѣе, чѣмъ отъ Ретизанова, была видна отсюда Москва, облекавшаяся, въ глубинѣ улицъ, въ синеватый сумракъ, и краснѣвшая въ закатѣ верхушками домовъ. Купола золотѣли. Та-же пестрота краснаго кирпича зеленыхъ садовъ, острыхъ башенъ и колоколенъ Кремля, дальнихъ трубъ на заводахъ. Темнѣли Сокольники. За Кремлемъ виднѣлась равнина, уводящая на югъ, уже туманившаяся, съ далекой, освѣщенной церковью села Коломенскаго. Внизу, у памятника Пушкина, казавшагося крошечнымъ, зажглись бѣлые фонари.

— Все деньги, деньги, — бормоталъ сзади Никодимовъ. — Парижъ. Вотъ, если банкъ хорошій сорву...

Христофоровъ обернулся. Лицо Никодимова, въ сумеркахъ, приняло фіолетовый оттѣнокъ.

— Что, — спросилъ Христофоровъ, — играть очень интересно?

— Да-а... — протянулъ Никодимовъ. — Играть... Игра, кромѣ волненій, хороша еще тѣмъ, что необыкновенно отрываетъ отъ обычной жизни. Я играю всегда въ полуснѣ... особенно, когда ужъ поздно. Только карты, онѣ смѣняются, такъ, этакъ, вами овладѣваетъ оцѣпенѣніе...

— Я это понимаю, — тихо отвѣтилъ Христофоровъ.

— Понимаете! Вотъ-бы ужъ не повѣрилъ. Ваша жизнь мало похожа на мою.

Христофоровъ согласился.

— Я, — сказалъ вдругъ Никодимовъ, — то, что называется темная личность.

Онъ налилъ себѣ вина и выпилъ.

— Мнѣ это нерѣдко говорятъ. Напримѣръ, тогда, на маскарадѣ. И — правы. Я и не отрекаюсь. Хоть иногда это утомляетъ. Меня въ корпусѣ еще мальчишки не любили. Звали: «Орликъ доносчикъ, собачій извозчикъ». Я иногда плакалъ, иногда ихъ билъ. Но кончилъ хорошо, чуть ни первымъ. Былъ честолюбивъ. Мечталъ о славѣ, читалъ о Наполеонѣ; итальянскіе походы зналъ наизусть. Посту-

пилъ въ Николаевскую Академію. Тамъ мнѣ тоже устраивали бойкотъ. Такъ, особнякомъ и держался. Но опять кончилъ, тоже недурно. Служилъ по генеральному штабу. Знаете мою спеціальность? Вмѣсто полководца — военный шпіонъ. Сначала въ Австрію командировки. Я ходилъ въ штатскомъ, зарисовывалъ мѣстности, около крѣпости. Потомъ получилъ назначеніе въ Вѣну, въ нашу военную миссію. Тамъ жилось весело. Я зналъ Ягича, знаменитаго предателя. Онъ намъ продалъ мобилизаціонные планы. Дороговато обошлось. Но на случай войны — небезполезно. Это дѣло, частью, черезъ меня дѣлалось. Ягича я обхаживалъ... Да, но не совсѣмъ удалось, не совсѣмъ удалось!

Пока онъ разсказывалъ о Ягичѣ, юноша плескался въ ваннѣ. Онъ вызвалъ къ себѣ Никодимова; долетали какіе-то разговоры, опять слово *деньги*, затѣмъ, снова въ халатикѣ, онъ прослѣдовалъ въ свою комнату, одѣваться.

Христофоровъ сидѣлъ въ креслѣ, спиной къ окну, въ смутныхъ, весеннихъ сумеркахъ, и думалъ о томъ, какихъ только людей и дѣлъ нѣтъ на свѣтѣ. Его не возмущалъ и не раздражалъ Никодимовъ. Онъ замѣчалъ даже въ себѣ странное любопытство. Хотѣлось дальше слышать о его жизни.

Никодимовъ извинился, что задерживается. И дѣйствительно, вернулся, лишь проводивъ друга.

— Что-же дальше было съ Ягичемъ? — спросилъ Христофоровъ.

Никодимовъ сѣлъ, и помолчалъ.

— Ягича открыли, свои-же, австрійскіе офицеры. Однажды, поздно ночью, они насъ арестовали въ одномъ... тепломъ мѣстѣ. И привезли въ отель. Ему дали револьверъ, отвели въ сосѣднюю комнату, и предложили застрѣлиться. Былъ моментъ, когда они собирались раздѣлаться и со мной — я былъ въ штатскомъ, какъ настоящая темная личность. Я тогда чудомъ уцѣлѣлъ. Но вообще мнѣ не повезло. Наши тоже косо на меня взглянули.

Онъ хрустнулъ пальцами.

— Стали подозрѣвать, что я-же и выдалъ Ягича. Знаете, эта игра всегда двусмысленна... Однимъ словомъ, карьера моя прогорѣла. Я все-таки служу, но это безнадежно. Вы понимаете, на имени моемъ — пятно... вотъ что. Нѣтъ, вы не изъ нашей компаніи, вы изъ такъ называемыхъ праведниковъ, — прибавилъ онъ вдругъ живо и рѣзко. — Не поймете.

— Я не знаю, — тихо отвѣтилъ Христофоровъ, — изъ какихъ именно я. Но то, что вы мнѣ разсказали, все понятно. Можно вѣдь все это понять и... ведя другую жизнь.

— Хотѣли сказать: и не будучи прохвостомъ! — Никодимовъ захохоталъ.

— Вы принимаете все очень болѣзненно, — съ грустью отвѣтилъ Христофоровъ.

Никодимовъ налилъ себѣ вина, и выпилъ.

— Болѣзненно! Вздоръ! — бормоталъ онъ. — Ничего нѣтъ хорошаго. Развѣ Юлій... Этого мальчика, — сказалъ онъ, указывая на комнатку юноши, — зовутъ Юліемъ. Я подарилъ ему перстень съ головой Антиноя.

Черезъ часъ онъ провожалъ гостя. Довелъ его до лифта, и простился. Уже входя въ каюту, Христофоровъ замѣтилъ, какъ содрогнулся Никодимовъ при видѣ этой машины.

Въ десять Никодимовъ поѣхалъ въ клубъ. Тамъ онъ игралъ съ ушастыми игроками, съ сѣдыми дамами въ наколкахъ, съ содержанками; еще пилъ, погружаясь въ карточный туманъ. Такъ было въ этотъ вечеръ, и въ слѣдующій, и еще въ слѣдующій. Выигрышъ не приходилъ. Антиной кисъ. Онъ развлекалъ, все-же, Никодимова. Но тоска не унималась. Проходя ночью по пустыннымъ переулкамъ, Никодимовъ думалъ, что его жизнь, съ самой ранней юности, была чѣмъ-то непоправимо испорчена, и теперь, чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе ее влачить. Пустые дни, пустыя дѣйствія, мелкіе выигрыши, мелкіе проигрыши чере-

довались утомительно. «Все это вздоръ, все гадость, — думалъ онъ. — Какъ скучно»!

Приступы безпредметной, леденящей тоски бывали столь остры, что опять вспоминалъ онъ о Вѣнѣ, туманномъ утрѣ, когда въ закрытомъ автомобилѣ везли ихъ австрійскіе офицеры, о комнатѣ отеля, гдѣ онъ ждалъ судьбы, о глухомъ выстрѣлѣ за стѣной. Можетъ, было-бы лучше...

Въ одну изъ такихъ ночей, подойдя къ подъѣзду своего дома, онъ думалъ объ Аннѣ Дмитріевнѣ, и усмѣхался. «Добрыя души, добрыя души, спасительницы, женщины». Онъ машинально вошелъ, машинально побрелъ къ лифту. Зеленоватый сумракъ былъ въ вестибюлѣ. Уже подойдя къ самой двери, онъ на мгновеніе остановился, охнулъ. Рядомъ, улыбаясь, снявъ кэпи, стоялъ знакомый швейцаръ изъ Вѣны, и приглашалъ войти. Никодимовъ бросился впередъ. Съ порога, сразу онъ упалъ въ яму, глубиною въ полъ-роста. Дверца лифта не была заперта. Онъ очень ушибъ ногу, вскрикнулъ, попытался встать, но было темно и тѣсно. Сзади въ ужасѣ закричалъ кто-то. Сверху, плавно, слегка погромыхивая, спускался лифтъ. Никодимовъ собралъ всѣ силы, вскочилъ, до груди высунулся изъ люка.

Его отчаянный вопль не былъ уже крикомъ человѣка.

XVII.

Нѣсколько времени послѣ того, какъ навѣстила Христофорова, Машура провела очень замкнуто. Видѣть никого не хотѣлось. Она сидѣла у себя наверху, и разыгрывала Баха, Генделя. На дворѣ шелъ снѣгъ, бродили куры, кучеръ запрягалъ санки, а Машурѣ казалось, что со своей сонатой ut.— min. она отдѣлена отъ всего міра тонкой, но надежной стѣнкой.

Передъ маскарадомъ заѣзжала Анна Дмитріевна и звала ее. Машура отказалась. Наталья Григорьевна это одобрила. Машуру считала она безупречной, и потому именно не сочувствовала выѣзду на фривольный балъ художниковъ. Она совѣтовала ей лучше — читать Стендаля. Сама-же, среди многихъ своихъ домашнихъ дѣлъ, заканчивала рефератъ для Литературнаго Общества.

Общество собиралось на Спиридоновкѣ, въ домѣ графини Д. Оно было старинно, и знаменито. Нѣкогда читались тамъ стихи юноши Пушкина; выступалъ Левъ Толстой, и Тургеневъ. Въ новое-же время — обязательный этапъ жизни литератора — въ нѣкоторый вечеръ, въ низкой, темноватой залѣ, среди бѣлыхъ стариковъ и важныхъ дамъ, приватъ-

доцентовъ, скромныхъ барышень, студентовъ — прочесть новѣйшее свое твореніе.

Для Натальи Григорьевны этотъ экзаменъ прошелъ давно. Но къ выступленію отнеслась она серьезно, много обдумывала и обрабатывала, не желая ударить лицомъ въ грязь предъ почтенными слушателями.

Туда Машура не могла не поѣхать. Мать нѣсколько волновалась. Даже румянецъ показался на старческихъ щекахъ; въ черномъ шелковомъ платьѣ, съ чудесной камеей-брошью, въ очкахъ и сѣдоватыхъ локонахъ, Наталья Григорьевна была внушительна. Какъ только кучеръ подвезъ ихъ и онѣ вышли, сразу почувствовалось, что все прочно, по-настоящему, что для Общества именно нужна Наталья Григорьевна своей солидностью, образованностью и умѣренными взглядами. Это не выскочка. Она читала ровнымъ, нѣсколько монотоннымъ голосомъ, но культурно, т.-е. такъ, что въ залѣ вѣяло серьезностью, едвали переходящей въ скуку, и если переходящей, то лишь для очень молодыхъ. Люди-же зрѣлые — ихъ было большинство — сидѣли въ сознаніи, что объ истинно-литературныхъ вещахъ съ ними бесѣдуетъ истинно-литературный человѣкъ.

Машура тоже покорно слушала. Вѣрнѣе, мамины слова входили въ ея душу, и выходи-

ли такъ-же легко, какъ выдыхается воздухъ. Глядя на свои тонкія, очень выхоленныя руки, сложенныя на колѣняхъ, Машура почему-то подумала, что мама хорошо, все-таки, ее воспитала. Въ сущности, что дурного въ томъ, что она была у Христофорова, а вотъ теперь она считаетъ ужъ себя виновной, выдерживаетъ нѣкую епитемію. Мать говорила о поэмѣ «Цыгане», а Машурѣ стало вдругъ такъ грустно, и жаль себя, что на глазахъ выступили слезы.

Когда Наталья Григорьевна кончила, ей аплодировали не больше и не меньше, чѣмъ слѣдовало. Сѣдой профессоръ, котораго Ретизановъ назвалъ дубомъ, подошелъ и поцѣловалъ ручку. Наталья Григорьевна пригласила его въ среду на блины. Покончивъ съ текущими дѣлами, члены Общества стали разъѣзжаться такъ-же чинно, какъ и съѣзжались. Машура съ матерью сѣла въ санки съ высокой спинкой и покатила по Поварской.

Дома она обняла мать и сказала:

— Милая мама, ты очень хорошо читала.

Наталья Григорьевна была смущенно-довольна.

— Тамъ у меня, — сказала она, снявъ очки и протирая ихъ, — было одно мѣсто недостаточно отдѣланное.

Машура засмѣялась.

— Ахъ ты мой Анатоль Франсъ!

Она обняла ее и засмѣялась. Опять на глазахъ у ней блеснули слезы.

— Антонъ у насъ очень долго не былъ, — сказала Наталья Григорьевна. — Что такое? Эти вѣчные qui pro quo между вами! Вы, какъ культурные люди, должны-бы уже это кончить.

— Мамочка, не говори! — сказала Машура, всхлипнувъ, обняла ее и положила голову на плечо. — Я ничего сама не знаю, можетъ быть, правда, я во всемъ виновата.

Но тутъ Наталья Григорьевна совсѣмъ не согласилась. Въ чемъ это Машура можетъ быть виновата? Нѣтъ, такъ нельзя. Если ужъ кто виноватъ, то — Антонъ. Нельзя быть такимъ самолюбивымъ и бѣшено-ревнивымъ. Человѣкъ культурный долженъ вѣрить близкому существу, давать извѣстный просторъ. У насъ не востокъ, чтобы запирать женщинъ.

И она рѣшила, что завтра-же позоветъ Антона, *обязательно*, на эти блины.

— Если онъ хочетъ, — сказала Машура, — можетъ самъ прійти.

— Оставь, пожалуйста. Это все — нервы.

И на другой день, какъ предполагала, Наталья Григорьевна отправила къ нему дѣвушку Полю съ запиской.

Кромѣ исторіи, соціологіи, профессоръ любилъ и блины. Наталья Григорьевна знала его давно, хорошо помнила, что блины должны быть со снетками. Съ утра въ среду человѣкъ ходилъ въ Охотный, и къ часу на отдѣльныхъ сковородкахъ шипѣли профессорскіе блины, съ припеченными снетками.

Профессоръ пріѣхалъ немного раньше и, слегка разглаживая серебряную шевелюру, главную свою славу, сказалъ, что въ Англіи считается приличнымъ опоздать на десять минутъ къ обѣду, но совершенно невозможнымъ — явиться за десять минутъ до назначеннаго.

— Благодарю Бога, что я въ Москвѣ, — добавилъ онъ тѣмъ тономъ, что, все-таки, все что онъ дѣлаетъ — хорошо. — Въ Англіи меня сочли-бы за обжору, которому не терпится съ блинами.

Антонъ, напротивъ, поступилъ по-англійски, хотя и не зналъ этого: явился, когда профессоръ запивалъ рюмкой хереса въ граненой, хрустальной рюмкѣ первую серію блиновъ. Антонъ покраснѣлъ. Онъ думалъ, что опаздывать неудобно, и невнятно извинился. За столомъ былъ молчаливъ. Иногда безпричинно краснѣлъ, и вздыхалъ. Машура тоже держалась сдержанно. Выглядѣла она нѣсколько худѣе и блѣднѣе обычнаго.

Затѣмъ заговорили о литературѣ. Профессоръ называлъ возможныхъ кандидатовъ въ Академію. Хвалилъ научность и обоснованность реферата въ Литературномъ Обществѣ. Наталья Григорьевна говорила, что сейчасъ ее интересуютъ тѣ малоизвѣстные французскіе лирики XVII вѣка, которыхъ можно-бы считать запоздалыми учениками Ронсара, и которые несправедливо заглушены ложноклассицизмомъ. Въ частности, она занимается Теофилемъ де Віо. Профессоръ съѣлъ еще блиновъ, и одобрилъ.

Послѣ завтрака Машура позвала Антона наверхъ. Былъ теплый, полувесенній день. Навозъ на дворѣ порыжѣлъ. Въ немъ разбирались куры. Съ крышъ капало. Легко, привѣтливо свѣтлѣлъ въ Машуриной чистой комнатѣ масленичный день.

Она довольно долго играла Антону сонату Баха. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, все молча, не совсѣмъ для нея понятный. Кончивъ, она свернула ноты, и сказала:

— Я передъ тобой во многомъ виновата. Если можешь, прости.

Антонъ подперъ голову руками.

— Прощать здѣсь не въ чемъ. Кто-же виноватъ, что я не загадочный герой, а студентъ математикъ, ничѣмъ еще не знаменитый... И никто не виноватъ, если я... если у меня...

Онъ взволновался, задохнулся и всталъ.

— Я не могу-же тебя заставить, — говорилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, ломая крѣпкими пальцами какую-то коробочку, — не могу-же заставить любить меня такъ, какъ хотѣлъ-бы... И даже понимать меня, такимъ, какой я есть. Ты-же, все-таки, меня всего не знаешь, или не хочешь знать.

Онъ опять горячился.

— Ты считаешь меня ничтожествомъ, я въ твоихъ глазахъ влюбленный студентъ, котораго пріятно держать около себя...

Машура подошла къ нему, положила руки на плечи, и поцѣловала въ лобъ.

— Милый, — сказала она, — я не считаю тебя ничтожествомъ. Ты это знаешь.

— Да, но все это не то, не такъ... — Антонъ опять сѣлъ, взялъ ее за руку. — Тутъ дѣло не въ прощеніи...

Машура молчала, и смотрѣла на него. Потомъ вдругъ улыбнулась.

— У тебя страшно милый вихоръ, — сказала она, взялась за кольцо волосъ на его лбу, и навила на палецъ.

— Онъ у тебя всегда былъ, сколько тебя помню. И всегда придавалъ тебѣ серьезный, важный видъ.

Антонъ поднялъ голову.

— Можетъ быть, я не умѣю причесываться...

— Нѣтъ, и не надо. Такъ гораздо лучше. Наши дѣвчонки, гимназистки, очень уважали тебя именно за голову. Ты такъ Сократомъ и назывался.

Антонъ улыбнулся.

— Сократъ былъ лысымъ, а ты говоришь, вихоръ...

— Это ничего не значитъ. Тебѣ и не надо быть лысымъ.

Она подала ему зеркальце, онъ посмотрѣлся. Машура зашла сзади кресла, засмѣялась, схватила его за уши и стала слегка раскачивать голову.

— Говорятъ, что женщины — кокетки, а по-моему у васъ, мужчинъ, кокетства даже больше, только какъ-то это не считается.

Антонъ сталъ защищаться, но нѣсколько сконфузился.

Машура-же продолжала, что любовь любовью, но въ каждомъ есть, какъ она выразилась, шантеклеръ, пѣтухъ, распускающій хвостъ.

— Напримѣръ, это безобразіе — продолжала она, — ты знаешь, маскарадъ, на который меня звала Анна Дмитріевна, кончился-таки дуэлью. Бѣднаго Ретизанова подстрѣлили, и, конечно, изъ-за женщины.

Машурѣ вдругъ стало почти весело. Былъ-ли тутъ свѣтлый, веселый день, или устала

она тосковать, и брала въ ней свое молодость, но захотѣлось даже подурить, покривляться.

Она стала предъ Антономъ на колѣни и сказала:

— Ваше превосходительство, а ничего, что я навѣстила раненаго Ретизанова? И даже обѣщалась еще зайти?

Антонъ засмѣялся опять смущенно, но чѣмъ-то былъ доволенъ.

— Я знаю только одно, — сказалъ онъ, краснѣя, — что если насъ ты укоряешь въ шантеклерствѣ, то въ васъ, отродьяхъ Евы, есть-таки нѣчто... отъ древняго Змія.

Черезъ часъ Антонъ уходилъ отъ нея, взволнованный и смущенный, но по-радостному. Онъ не во всемъ отдавалъ себѣ отчетъ, и нѣкая прежняя тяжесть сидѣла въ немъ, но этотъ день и въ его мрачную жизнь внесъ какъ-бы просвѣтъ. Ничего не было говорено всерьезъ, но вновь онъ уносилъ въ душѣ обаяніе Машуры, которая и мучила, и восхищала его столько времени.

Машура-же ни о чемъ особенно не думала; разыгрывала своего Баха, ходила на засѣданія «Бѣлаго Голубя», и иногда, въ теплые, свѣтлые дни по-дѣтски радовалась веснѣ, шагая гдѣ-нибудь по Никитскому бульвару,

мимо дома, гдѣ умеръ Гоголь. Все-таки прочности не было въ ея душѣ.

Въ одинъ изъ такихъ дней зашла она на Пречистенку, къ Ретизанову.

Его здоровье то улучшалось, то ухудшалось, опасность прошла, но въ общемъ онъ сильно изнемогъ. Съ его худого лица торчали сѣдоватые усы; глаза казались еще больше.

— Вы очень добры, — сказалъ онъ, приподымаясь на постели. — Ха! Мнѣ очень нравится, что вотъ вы взяли, и пришли... во второй разъ.

Машура поставила ему на столъ букетикъ живыхъ цвѣтовъ.

— Мнѣ хотѣлось взглянуть, какъ вы...

— И еще принесла цвѣтовъ!

Онъ улыбнулся, взялъ и понюхалъ.

— Этой зимой я посылалъ много цвѣтовъ въ Петербургъ, Елизаветѣ Андреевнѣ. Ха! Она меня отдаривала, когда я вотъ такъ... захворалъ. Но послѣднее время рѣдко стала заходить.

«Да вѣдь она»... — Машура чуть было не договорила — «уѣзжаетъ», но во-время остановилась. Какъ разъ недѣлю назадъ, на собраніи «Бѣлаго Голубя», она прощалась надолго, сказала, что ѣдетъ за-границу. Машура знала даже съ кѣмъ. Она слегка вздохнула и сказала:

— Вѣроятно, очень занята.

Ретизановъ оживился, и сталъ разсказывать о ея танцахъ. По его мнѣнію, изъ нея выйдетъ великій художникъ. Ритмъ и божественная легкость составляютъ основу ея существа. Другія ходятъ, говорятъ, смѣются — въ ней-же присутствуетъ богиня, и лишь острый взглядъ посвященнаго можетъ понять всю ея прелесть. Грубыхъ людей, какъ Никодимова, такія существа раздражаютъ. Потому онъ и велъ себя съ ней такъ въ маскарадѣ.

— Въ Елизаветѣ Андреевнѣ, — говорилъ Ретизановъ, — необыкновенно чисто проявилась стихія женственнаго. Голубоватое эѳирное вещество, полное легкости и свѣта.

— Голубая звѣзда, — сказала Машура, и вдругъ покраснѣла.

— Что? — вскрикнулъ Ретизановъ. — Какъ вы сказали?

Машура повторила.

— Голубая звѣзда! — произнесъ онъ въ изумленіи. — Нѣтъ, позвольте... въ какомъ смыслѣ?

— Можно думать, — запинаясь отвѣтила Машура, — что одна звѣзда... она называется Вега, и свѣтитъ голубоватымъ свѣтомъ... ну, однимъ словомъ, что образъ этой Веги есть образъ женщины... въ высшемъ смыслѣ.

И что обратно въ нѣкоторыхъ женщинахъ есть отголосокъ ея свѣта...

Ретизановъ слушалъ съ возрастающимъ изумленіемъ.

— Позвольте, — закричалъ онъ. — Это не женскія мысли! Это говорилъ мужчина.

Машура покраснѣла.

— Даже если-бъ и такъ.

— Вамъ это говорилъ мужчина?

— Да, — отвѣтила Машура уже сдержаннѣе, — одинъ знакомый развивалъ мнѣ эту теорію.

Ретизановъ нѣсколько минутъ молчалъ, потомъ вскрикнулъ:

— Христофоровъ! Это онъ! Ахъ, чортъ возьми, онъ предвосхитилъ мои мысли.

Когда Машура вышла отъ него, былъ прозрачный, стеклянно-розовѣющій вечеръ. Блѣдно-золотистая Венера сопровождала ея путь по бульвару, плывя надъ домами, цѣпляясь за голыя вѣтки деревьевъ. Машура глядѣла на нее, и думала, что это тоже звѣзда любви, быть можетъ, таинственная устроительница сердечныхъ дѣлъ. Быть можетъ, и ея, Машуры, земная судьба связана съ велѣніями невѣдомыхъ, дивныхъ боговъ.

Ретизановъ-же, послѣ ухода Машуры, долго не могъ успокоиться. Мысль о голубой звѣздѣ волновала и радовала его. Наконецъ,

онъ накинулъ халатъ, и слабый, слегка еще задыхаясь, съ кружащейся головой пробрелъ въ кабинетъ. Тамъ опять подошелъ къ занавѣскѣ, раздвинулъ ее и, закрывъ глаза, отдался общенію съ геніями. Онъ стоялъ такъ мовольно долго, блаженно улыбаясь. Затѣмъ медленно возвратился къ себѣ.

Въ то время, какъ звѣзда его укладывала чемоданы, чтобъ начать свѣтлое и бездумное странствіе, геніи дали радостнѣйшіе отвѣты. Ретизановъ лежа бормоталъ что-то, мечталъ, и его душа была полна счастія и надежды.

XVIII.

Постомъ Машура говѣла, слушала изумительные мееимоны, которые читалъ священникъ въ черной ризѣ съ серебряными цвѣтами; канонъ Андрея Критскаго, акаѳисты. Исповѣдывала нехитрые свои грѣхи подъ душной епитрахилью о. Симона, невысокаго, немолодого и строгаго священника съ большой головой и сѣдоватыми волосами. Со смутнымъ, какъ-бы мистическимъ волненіемъ причащалась.

Дома все шло какъ-то само собой. Какъ бывало и раньше, къ нимъ приходилъ Антонъ. Какъ и прежде, косился онъ и фыркалъ на

солидность Натальи Григорьевны, съ Машурой бывалъ то нѣженъ, то дерзокъ. Иногда, глядя на него, она думала: «если я выйду за него замужъ, онъ станетъ вытворять невѣроятныя вещи, и съ нимъ не очень будетъ легко. Можетъ быть, именно такъ и должно случиться».

Наталья Григорьевна не была поклонницей страстныхъ романовъ, страстныхъ браковъ.

— Жизнь въ бракѣ, — говорила она, — это совмѣстное творчество того общенія, которое называется семьей. Семья-же есть ячейка культуры, замѣть себѣ это, — она цѣловала Машуру въ лобъ, — ячейка культуры, т.-е. порядка.

Машура улыбалась.

— Ахъ, мама, когда мнѣ будетъ шестьдесятъ, то навѣрно и я буду интересоваться культурой, ячейками и порядкомъ.

Она вздохнула, и не стала болѣе распространяться. За дни весны, которая въ этомъ году была прекрасна, Машура много ходила по Москвѣ, по бульварамъ. Думала она о себѣ, своей жизни. Теперь не было ужъ у нея ощущенія вины предъ Антономъ, того двойственнаго и страннаго, въ чемъ жила она почти цѣлый годъ. Не было къ нему и никакихъ дурныхъ чувствъ. Она его знала, знала насквозь,

и иногда онъ казался ей очень милъ, какъ очень свой, давно родной человѣкъ. «Ну, и что-же, и это все»? думала она съ улыбкой. «Бракъ есть совмѣстное творчество общенія, называемаго семьей?» Ей стало почти смѣшно, и почти горько. «Ячейка культуры, порядка!» «Нѣтъ это все что-то не то, не такъ... Не даромъ и Антонъ это чувствуетъ». Она вспомнила опять свое вечернее посѣщеніе Христофорова, тотъ садикъ, луну, вечеръ, и ея сердце забилось волненіемъ и истомой. Въ горлѣ остановилась горькая спазма. Слезы выступили на глазахъ. «Нѣтъ, — черезъ силу, какъ-бы запинаясь, сказала она себѣ: — если нѣтъ, если этого нѣтъ, то и ничего не надо. Иначе ложь». «Ложь, ложь», твердила она позже, уже подходя къ своему дому и слегка задыхаясь. «И не надо скрываться, называть это жалкими словами». Раздѣвшись, она быстро прошла въ кабинетъ Натальи Григорьевны. Та сидѣла за писменнымъ столомъ, въ очкахъ, и старческой, блѣдной рукой съ голубыми жилками писала отчетъ по дѣтскимъ пріютамъ, гдѣ состояла въ комитетѣ. Весеннее солнце золотистымъ ковромъ легло по креслу, углу стола, пестрому леопарду въ ногахъ, блестѣло въ золотомъ тисненіи переплетовъ въ шкафахъ. Машура обняла мать сзади, поцѣловала около уха.

— Мама, я сейчасъ почувствовала одну вещь, и должна тебѣ сказать.

Наталья Григорьевна отложила перо, взглянула на нее, сняла очки. Она видѣла, что Машура возбуждена. Ея остроугольное лицо было насыщено какой-то нервной дрожью.

— Ну, ну, говори.

Машура было начала, горячо и спутанно, что она виновата предъ Антономъ въ томъ, что долго держала его около себя, и почему-то вышло, что они стали считаться женихомъ и невѣстой, но на самомъ дѣлѣ это ошибка...

Тутъ она вдругъ заплакала, обняла Наталью Григорьевну, и всхлипывая, сидя на ручкѣ кресла, сквозь слезы бормотала, что надо все это выяснить, разъ навсегда кончить, чтобы не мучить ни его, ни себя ложью...

Наталья Григорьевна изумилась. Не то, чтобы очень она была на сторонѣ Антона, но во всемъ этомъ ей не нравился безпорядокъ, то шумное и нервное, что вносила съ собой Машура.

— Успокойся, — говорила она, — не плачь, и тогда можно будетъ обсудить положеніе.

Она дала ей валерьянки, и когда солнечная полоса нѣсколько передвинулась, прямо поставила ей вопросъ: любитъ-ли она Антона? На что Машура отвѣтила, что и любитъ, какъ товарища и друга дѣтства, но не такъ... и

вообще это не то... именно теперь она убѣдилась...

Тогда Наталья Григорьевна, со свойственной ей твердостью и логикой, спросила: не любитъ-ли она другого? Машура было смутилась, но мгновенно овладѣла собой и отвѣтила: *нѣтъ*. Натальѣ Григорьевнѣ показалось, что это не совсѣмъ такъ, но настаивать и выпытывать она не захотѣла. И въ заключеніе сказала, что въ такомъ важномъ и серьезномъ дѣлѣ нельзя спѣшить.

— Не нервничай, не волнуйся,—говорила она, — если ты убѣдишься, что истиннаго чувства къ Антону у тебя нѣтъ, то не силой-же станутъ тебя за него выдавать. Все въ твоихъ рукахъ. Ты должна поступить прямо, честно. Но не опрометчиво, не поддаваясь минутѣ.

Слезы и разговоръ нѣсколько облегчили Машуру. Въ сумеркахъ она играла у себя наверху на піанино, и думала, что пускай она и будетъ жить въ этой свѣтлой и чистой своей комнатѣ, ни съ кѣмъ не связанная, ровной и одинокой жизнью. «Если есть любовь,—говорила она себѣ:—то пусть будетъ она такъ же прекрасна, какъ эти звуки, томленія геніевъ, и если надо, пусть не воплотится. Если-же дано, я приму ее вся, до послѣдняго изгиба».

Въ этотъ вечеръ Антонъ не пришелъ. Она

просидѣла одна, рано легла спать, и спала покойно.

Слѣдующій день былъ четвергъ Страстной недѣли, знаменитый день Двѣнадцати Евангелій, длинныхъ службъ, вечерняго шествія съ огоньками. Часа въ три, въ мягкомъ опаловомъ свѣтѣ дня, Машура вышла изъ дому по направленію къ Кремлю. Шла она не къ Двѣнадцати Евангеліямъ, а просто побродить, поглядѣть Москву. Кремль была очень хорошъ. Тускло сіяла позолота соборовъ, часы на Спасскихъ воротахъ били мѣрно и музыкально. Зеленоверхія башни казались влажными, надъ Замоскворѣчьемъ синѣла дымка весны; внизу, на Москвѣ-рѣкѣ половодье; рѣка бурно катила шоколадныя воды. Отъ памятника Александра II видѣла Машура внизу милую и ветхую церковь Константина и Елены, покривившуюся, осѣненную нѣсколькими деревьями. Заходила въ Архангельскій соборъ, гдѣ подъ каменными надгробьями въ мѣдныхъ оправахъ спятъ великіе князья и цари, въ мрачномъ полусвѣтѣ; вѣетъ тамъ сѣдой и страшной стариной. И затѣмъ — уже совсѣмъ случайно, мимо Успенскаго собора, забрела въ мvроваренную палату, при церкви Двѣнадцати Апостоловъ. Былъ день того двухлѣтія, когда на всю Россію варятъ мvро. Машура поднялась во вто-

рой этажъ, взяла налѣво и оказалась въ невысокой, свѣтлой и обширной залѣ. По стѣнамъ стояли зрители, а въ правомъ углу, на нѣкоторомъ подобіи плиты, въ серебряныхъ вдѣланныхъ чанахъ варился священный составъ. Непрерывно шла служба. Діаконы и священники въ свѣтлыхъ ризахъ мѣшали серебряными ложками. Худенькій квартальный просилъ публику *не наступать*. Стоялъ теплый, необыкновенно дурманящій запахъ — рѣдкихъ маслъ, цвѣтовъ, старинныхъ благовоній. Діаконы, медленно чередуясь, подымали и опускали свои ложки. Кадили кадильницы. Свѣчи золотѣли. Непрерывный, однообразный голосъ читалъ у аналоя.

Раздался медленный колокольный звонъ. У Машуры стало туманнѣе въ головѣ. Она вышла на свѣжій воздухъ. Звонили въ Успенскомъ соборѣ. Съ высокаго крыльца было видно, какъ въ серебряныхъ кувшинахъ процессія діаконовъ переносила въ соборъ уже готовое мyро. Холодокъ прошелъ въ глазахъ Машуры: вдругъ померещилось, что это не Москва, не *сейчасъ*, а когда-то очень давно, въ Византіи идетъ служба, у тѣхъ грековъ, къ которымъ тысячелѣтіе назадъ ѣздили страшные наши чубастые послы за христіанствомъ.

Въ Успенскомъ соборѣ побыла она недол-

го. Смѣшанное чувство Италіи и Византіи, древней, до-московской Руси охватывало тамъ еще сильнѣе. На паперти, подъ дивнымъ порталомъ столкнулась она, выходя, съ Анной Дмитріевной.

— Намъ везетъ встрѣчаться у святыхъ мѣстъ, — сказала Анна Дмитріевна, съ улыбкой. — Помните, Звенигородъ?

Она сильно похудѣла, была одѣта въ темномъ. Большіе ея глаза глядѣли утомленно.

Онѣ медленно пошли вмѣстѣ черезъ площадь.

— Господи, — сказала Машура, — я не могу вспомнить о Дмитріи Павловичѣ. Какая ужасная судьба...

Она закрыла даже на мгновеніе глаза.

— Сегодня двадцатый день его смерти, — отвѣтила Анна Дмитріевна.

Помолчавъ, она прибавила:

— Въ церкви, все-таки, мнѣ легче.

Машура взяла ее за руку, крѣпко пожала.

Онѣ посидѣли немного въ галлереѣ памятника Александра.

Начинало смеркаться. Сизая мгла спускалась на Замоскворѣчье. Бѣлѣлъ еще Воспитательный домъ, золотѣли купола въ Кадашахъ.

— Его судьба, — сказала Анна Дмитріевна, — такъ-же страшна, печальна, и непо-

нятна, какъ была и жизнь. Во всякомъ случаѣ, это былъ очень несчастный человѣкъ.

Машура вернулась домой въ особенномъ, нѣсколько приподнятомъ настроеніи. Она застала Антона. Съ нимъ держалась просто, и добро, но самой ей казалось, что тонкая, какъ-бы прозрачная и прочная стѣнка выросла между ними. «Можетъ быть,—думала она, ложась спать:—это ушло мое отрочество, домашнія, простыя, дѣтскія чувства?»

Въ субботу въ ихъ домѣ усиленно готовились къ празднику. Чистили, мыли, Машура сама красила яйца, готовила пасху. Знаменитый окорокъ одѣвали въ бумажныя кружева. Въ духовкѣ сидѣли золотистые куличи. Все это напоминало дѣтство, и имѣло свою особенную прелесть.

Какъ и раньше бывало, къ вечеру пришелъ Антонъ — обычно они ходили съ нимъ въ Кремль слушать заутреню, смотрѣть иллюминацію, дышать тѣмъ удивительнымъ воздухомъ, которымъ въ эту ночь бываетъ полна Москва. Они отправились и теперь. Машура шла съ нимъ подъ руку, но въ Кремль они не попали, а часовъ съ одиннадцати стали бродить по Москвѣ, отъ церкви къ церкви. Въ тихой, чуть туманной ночи видѣли они рубиновые въ иллюминаціи, очерки коло коленъ, сіяющіе кресты; на папертяхъ

и въ церковныхъ дворикахъ, иногда подъ деревьями, разставленные для освященія куличи и пасхи. По улицамъ непрырывно шли. Слышался негромкій говоръ. Иногда рысаки неслись, ѣхали кареты. Все было сдержанно, торжественно, тьма и золото огней господствовали надъ городомъ. Приближалась величественная и прекрасная минута.

Ровно въ двѣнадцать въ Кремлѣ ударили — густымъ, гулкимъ тономъ. Неторопливо, но радостно завторили всѣ знаменитыя сорокъ сороковъ. Тотчасъ двинулись крестные ходы, золотые стяги Спасителя поднялись во тьмѣ ночи; на мгновеніе всѣ снова стали братьями.

«Христосъ воскресъ!» «Воистину воскресъ!»

Машура похристосовалась съ Антономъ, нѣжно и дружески. Слезы выступили у ней на глазахъ. Ея душа опять открылась на мгновеніе, вспомнились годы вѣрной любви Антона, его сумрачной, нелегкой жизни.

Она перевела духъ и отвернулась. Да, но не надо медлить, не надо тянуть и запутывать!

Она несла домой зажженную свѣчу, слегка прикрывая ее ладонью, казавшейся въ свѣтѣ прозрачно-розовой. Тысячи людей такъ-же шли, и весь городъ былъ полонъ весенняго

тумана; сверху неярко свѣтили звѣзды, а внизу растекались по переулкамъ золотые огоньки. Машура загадала, что, если до дому свѣча не потухнетъ, все будетъ правильно, какъ надо.

Ночь была очень тиха.

Свѣча не погасла.

Наталья Григорьевна встрѣчала Пасху въ церкви своего пріюта. Она вернулась позже, очень парадная, въ орденахъ и брилліантахъ. Была ровна, покойна, на ея культурныхъ чертахъ великій праздникъ не начерталъ своего духовнаго волненія.

На другой-же день, когда вся Москва заливалась дружнымъ, свѣтло-радостнымъ звономъ, когда катили лихачи съ визитерами, по улицамъ брелъ и ѣхалъ расфранченный народъ, Машура сидѣла у себя въ мансардѣ, и писала Антону. Она старалась собрать всѣ силы души и ума, чтобы написать получше, яснѣй и тверже высказать то, что, какъ она полагала, сложилось въ ней окончательно.

Подписавшись, встала. Изъ окна, уже раскрытаго, пахнуло на нее весной, апрѣлемъ, тополевыми почками. Съ необычайной ясностью она почувствовала, что теперь начинается для нея новое. Что именно — она не знала.

XIX.

Конецъ апрѣля Христофоровъ проводилъ въ имѣніи Анны Дмитріевны, въ средней полосѣ Россіи. Выдались двѣ дивныхъ недѣли, какія бываютъ иногда предъ холодноватымъ и перемѣнчивымъ маемъ.

Съ іюня Христофоровъ получалъ работу въ крупной библіотекѣ южнаго города.

Сейчасъ онъ былъ доволенъ, что временно можно отдохнуть, пожить спокойно, и собраться съ мыслями. Зима во многомъ для него была необычайна. Въ своемъ родѣ, это была даже единственная зима. Бродя одинъ по весеннимъ, нѣжно-зеленѣющимъ полямъ, онъ вспоминалъ ее, какъ нѣчто бурное, цвѣтное, ворвавшееся въ его жизнь. Онъ самъ крутился въ этомъ потокѣ, то какъ участникъ, то какъ зритель, и теперь, коснувшись привычной, тихой земли, чувствовалъ какъ-бы нѣкоторое головокруженіе. «Можетъ-быть, это и суета, и возможно, я бывалъ неправъ, все-же...» Онъ не досказывалъ, но душой не отказывался отъ пестраго, быстро-летящаго карнавала бытія.

Анну Дмитріевну онъ жалѣлъ искренно. Но и въ ней ему нравились нѣкоторыя, теперь сильнѣе выступившія черты. Явно стала она

покойнѣе, какъ-то сдержаннѣй. Нѣсколько облегчилась, прояснѣла.

— Съ меня долго надо смывать, ахъ, какъ долго смывать прежнее, — сказала она разъ. — Голубчикъ, мнѣ оттого съ вами легко, что вы не теперешній, древній человѣкъ...

Она засмѣялась.

— Ужъ и сейчасъ похоже, что мы удалились съ вами въ пустыню, но это только первые шаги. Ахъ, иногда я мечтаю о настоящей Ѳиваидѣ, о жизни въ какой-то бла-аженной египетской пустынѣ, наединѣ съ Богомъ. Еще неизвѣстно, еще неизвѣстно... Помните, нашъ разговоръ у Фанни, о богатствѣ. Не думайте... ваши слова очень запали мнѣ тогда.

— Да, — сказалъ Христофоровъ. — Но и самъ я не знаю, до какого предѣла идутъ эти слова. Ужъ никакъ я не за богатство... но и рабскій, подневольный трудъ... это я тоже отвергаю.

Черезъ минуту онъ прибавилъ:

— Человѣкъ не можетъ представить себѣ времени, когда *его* не будетъ. Нельзя вообразить смерть, какъ засыпаніе, или сонъ, которому нѣтъ пробужденія. Въ то-же время трудно понять, чтобы здѣсь, на землѣ, мы могли вѣчно жить. Вотъ недавно, на-дняхъ, — продолжалъ онъ, и его голубые глаза рас-

ширились: — я испыталъ странное чувство. На минуту я ощутилъ себя блаженнымъ и безсмертнымъ духомъ, существующимъ вѣчно, здѣсь-же на землѣ. Жизнь какъ будто-бы проносилась предо мной миражемъ, вѣчными смѣнами, и уходящихъ миражей мнѣ не жаль было, а будущіе — я зналъ, придутъ. Я забывалъ о прошломъ, и не думалъ о будущемъ. Быть можетъ, такое состояніе, со всегдашнимъ ощущеніемъ Свѣта, т.-е. Бога, и есть райская жизнь, о которой говоритъ Библія.

Анна Дмитріевна усмѣхнулась.

— Да, ужъ тутъ отпадаетъ богатство, бѣдность...

— Это человѣческія слова, — сказалъ Христофоровъ, — мы считаемся съ ними въ нашей... ограниченной, все-же, трехмѣрной жизни.

Въ одинъ изъ тѣхъ нѣжно-голубыхъ, очаровательныхъ дней, когда кажется, что ангелъ Божій осѣнилъ міръ, Христофоровъ получилъ письмо изъ Крыма, отъ Натальи Григорьевны. Съ Пасхи жила она тамъ съ Машурой. Она сообщила что Машурѣ югъ очень полезенъ, что онѣ однѣ тутъ, Антонъ остался въ Москвѣ, и врядъ-ли, вообще, пріѣдетъ. «Должна добавить, — писала она: — еще одну печальную новость. На-дняхъ

умеръ здѣсь Александръ Сергѣичъ Ретизановъ, простудившись, какъ это ни странны Вамъ покажется — въ благословенной Таридѣ. Машура была очень подавлена. Она х дила къ нему. Изъ ея словъ я поняла, что кр мѣ болѣзни на него подѣйствовало еще и вѣстіе объ одной танцовщицѣ, Лабунско которую, видимо, онъ любилъ. Лабунска только что уѣхала за-границу съ какимъ- англичаниномъ».

— Покойный Дмитрій Павлычъ, — сказал Аннѣ Дмитріевнѣ Христофоровъ, — назва разъ Ретизанова — донъ Алонзо-Кихада де Ретизановъ. И выходитъ, что отчасти он правъ. Въ общемъ-же, судьбы ихъ и разн и одинаковы.

— Умеръ Ретизановъ... Анна Дмитріевн задумалась. — Это тоже былъ несовременны человѣкъ.

Вечеромъ этого дня Христофоровъ, в своемъ потертомъ пиджачкѣ и мягкой, ви давшей виды шляпѣ, вышелъ изъ усадьбы Глаза его были нѣсколько расширены и голубизна апрѣльскаго дня удваивалас въ ихъ природной голубизнѣ. Изъ фрукто ваго сада, гдѣ на яблоняхъ наливались поч ки, онъ спустился въ овражекъ; тамъ стоял бѣлыя березы, уже одѣтыя зеленоватымъ об лакомъ. Дубы еще голы; кой-гдѣ осталас

на нихъ темно-коричневая листва; вечерній вѣтерокъ звенѣлъ въ ней слабо, таинственно. Сухіе листья шуршали подъ ногой. Влагой и весенней прѣлью пахло у ручейка. Напоминая соловьевъ, стрекали дрозды-пересмѣшники.

За овражкомъ начиналось поле. Здѣсь по зеленямъ шныряли мышки. Бѣлый лунь, ихъ врагъ, низко и безшумно плылъ надъ землей.

Обернувшись назадъ, сквозь тонкую сѣть полуголыхъ деревъ увидѣлъ Христофоровъ домъ Анны Дмитріевны, и занимавшійся надъ нимъ золотисто-оранжевый закатъ. Этотъ закатъ, съ нѣжно-пылающими краями облаковъ, показался ему милой и чудесной страной былого. Онъ шелъ дальше. Странное чувство истомы и какъ-бы растворенія, того полубезумнаго состоянія, которое иногда посѣщало его — овладѣвало и теперь. Казалось, что не такъ легко отдѣлить свое дыханіе отъ плеска ручейка въ оврагѣ, ноги ступали по землѣ, какъ по самому себѣ, голубоватая мгла внизу, надъ рѣчкой, была частью его-же души — и онъ самъ — въ весенней зелени зеленей.

Онъ прошелъ такъ нѣкоторое время, и присѣлъ у межевой ямы, гдѣ кончалась земля Анны Дмитріевны. Нѣсколько мышекъ высунулись изъ норъ, продѣланныхъ

подъ комками пахоты; повертѣли мордочками и сверкнули домой. Тихо, медленно летѣла на болото цапля. Было видно довольно далеко. Поля, лѣсочки и деревни, двѣ бѣлыхъ колокольни, вновь поля, то блѣдно-зеленѣющія, то лиловыя. Весенняя пелена — слабыхъ, чуть смутныхъ испареній, все смягчающихъ, смывающихъ, какъ въ акварели.

Христофоровъ легъ на землю. Долго лежалъ онъ такъ, опьяняясь виномъ, имени котораго не зналъ. Сердце его билось нѣжностью и любовью, раздирающей грустью и нѣжностью. Голубая бездна была надъ нимъ, съ каждой минутой синѣя, и отчетливѣй показывая звѣзды. Закатъ гасъ. Вотъ разглядѣлъ ужъ онъ свою небесную водительницу, стоявшую невысоко, чуть сіявшую золотисто-голубоватымъ свѣтомъ. Понемногу все небо наполнялось ея эѳирной голубизной, сходящей и на землю. Это была голубая Дѣва. Она наполняла собою міръ, проникала дыханіемъ стебелекъ зеленей, атомы воздуха. Была близка и безконечна, видима и неуловима. Въ сердцѣ своемъ соединяла всѣ облики земныхъ любвей, всѣ прелести и печали, все мгновенное, летучее — и вѣчное. Въ ея божественномъ лицѣ была всегдашняя надежда. И всегдашняя безнадежность.

Когда Христофоровъ возвращался, ручей

въ оврагѣ журчалъ той-же смутностью и безпредѣльностью. Хоркая, тянулъ вальдшнепъ. Рожокъ мѣсяца, блѣдно-серебряный и тонкій, пересѣкался кружевомъ вѣтвей.

ПРИЗРАКИ.

343

Призраки.

(Памяти Ю. Б.)

— Міръ, гдѣ ты? — Я всегда
съ тобою. Ты меня несешь.

Дни бѣгутъ за годами, годы за днями, отъ одной туманной бездны къ другой. Въ этихъ дняхъ мы живемъ. Если же взглянуть назадъ, то изъ нихъ сливаются темныя и золотыя, и безцвѣтныя облака. Горькія, очаровательныя дали! Тамъ различаемъ мы милыя лица несшіяся въ жизни къ намъ близко; помнимъ улыбки, взоры дорогихъ глазъ, вздохи любви, муку ревности; вереницей идутъ мѣста, ставшія намъ родными; страны, даривщія прелесть природы, воздуха, искусствъ; книги, сіявшія душѣ; русскія весны, и дивныя меланхоліи осени, и наши звѣзды, и закаты надъ родными городами, славные запахи, и блескъ случайнаго утра много лѣтъ назадъ, и пѣснь уличнаго пѣвца въ чужой странѣ, и скромный полетъ ласточки.

Всѣ наши чувства и мысли, образы, страданія, радости и заблужденья — слѣдуютъ за нами! И какъ будто они *прошли*, но они *не* прошли; всѣ ихъ несемъ мы съ собой, и чѣмъ далѣе — больше.

Не прошли и тѣ, кто съ жизненнаго пути унесенъ въ неизвѣстное. Они не прошли. Ихъ уходъ ранитъ сердце. Человѣческими, земными слезами мы ихъ оплакиваемъ. Человѣческое сердце пронзается. Но скорбь уходитъ. Вѣчность остается. Въ ней такъ же, какъ въ былой жизни, отшедшіе съ нами, и чѣмъ далѣе ведетъ насъ время, тѣмъ ихъ образы чище.

Ихъ число все растетъ. Уходили взрослые и молодые, славные и средніе; уходили женскіе глаза, когда-то томившіе; тѣ, кого мы любили, и къ кому были равнодушны.

Такъ и онъ ушелъ — юноша съ ясной улыбкой, наша послѣдняя рана — нынѣ милая тѣнь. Тотъ, чей первый крикъ при появленіи на свѣтъ мы слышали, предсмертнаго же стона не слыхали. Кто былъ при насъ младенцемъ, и ребенкомъ, юношей; кто весь, во всѣхъ чертахъ живъ предъ нами, и дорогъ. Въ міръ, сквозь жизнь несущійся съ нами, въ міръ живыхъ призраковъ и онъ вступилъ. Онъ — нашъ спутникъ. Растутъ паруса на нашемъ кораблѣ. Онъ — одинъ парусъ. И нашъ путь

вмѣстѣ, доколѣ нашъ корабль не войдетъ въ ту же пристань, и сами для кого-нибудь, намъ родного, не обратимся въ тѣнь.

Дни бѣгутъ за годами, годы за днями, отъ одной туманной бездны къ другой.

347

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Путники	7
Люди Божіи	75
Осенній свѣтъ	105
Голубая звѣзда	127
Призраки	343

Книгоиздательство „РУССКАЯ ЗЕМЛЯ“.

Вышли изъ печати:

„ДАРЪ ЗЕМЛѢ“, сборникъ новыхъ стихотвореній К. Д. Бальмонта. Цѣна: **7 фр. 50 с.**

„ГОСПОДИНЪ ИЗЪ САНЪ-ФРАНЦИСКО“ и другіе разсказы И. А. Бунина. Цѣна: **12 фр.**

„СУЛАМИѲЬ“ и другіе разсказы А. И. Куприна. Цѣна: **12 фр.**

„НАВОЖДЕНІЕ“ и другіе разсказы гр. А. Н. Толстого. Цѣна: **12 фр.**

„НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША“, повѣсть И. Шмелева. Цѣна: **7 фр. 50 с.**

„ДЕРЕВНЯ“, поэма И. А. Бунина. Цѣна: **12 фр.**

„14 ДЕКАБРЯ“, романъ Д. С. Мережковскаго. Цѣна: **15 фр.**

„ХРОМОЙ БАРИНЪ,“ романъ гр. А. Н. Толстого. Цѣна: **10 фр.**

„ПУТНИКИ“ и другіе разсказы Бориса Зайцева. Цѣна: **12 фр.**

Печатаются и скоро выйдутъ въ свѣтъ:

Сборникъ избранныхъ разсказовъ З. Н. Гиппіусъ; **„Гамбринусъ“** и другіе разсказы А. И. Куприна; **Сборникъ избранныхъ разсказовъ** Н. А. Тэффи; **„Новые разсказы“** Ивана Наживина, и другіе.

Продаются во всѣхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ Европы.

По первому письменному требованію (“ROUSSKAIA ZEMLIA“, 5ter, rue du Dôme, Paris, XVIe), книги высылаются въ провинцію и доставляются на домъ въ Парижѣ.

LR
Z217pu

460325
Zaitsev, Boris Konstantinovich
Путники.
[Title transliterated: Putniki]

DATE.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET